ЗИГМУНД ФРЕЙД

«ОСТРОУМИЕ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ»

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ВВЕДЕНИЕ

Кто когда-либо имел повод осведомляться в литературе у эстетов и психологов, какое объяснение может быть дано сущности остроумия и его отношению к другим видам душевной деятельности, тот, конечно, должен будет признать, что философские старания не коснулись остроумия в той мере, какой оно заслуживает благодаря своей роли, которую играет в нашей душевной жизни. Только немногие мыслители подробнее интересовались проблемами остроумия. Правда, среди лиц, занимавшихся исследованием остроумия, встречаются блестящие имена: поэта Жан Поля (Ф.Рихтера) и философов Т.Вишера, Куно Фишера и Т.Липпса. Однако и у этих авторов тема остроумия стоит на заднем плане, в то время как главный интерес исследования сосредоточен на более широкой и более заманчивой проблеме комического.

При изучении этой литературы создается впечатление, что трактовать остроумие вне его связи с комическим совершенно невозможно.

По Т.Липпсу (Kornik und Humor, 1898)[1] остроумие является «чрезвычайно субъективным комизмом», т. е. комизмом, «который мы сами производим, который относится к нашему поведению как к таковому, и к которому мы всегда относимся, как подлежащий ему субъект, но никогда как объект, а также не как добровольный объект». Поясняющее это положение - замечание гласит: остроумием называется вообще «всякое сознательное и искусное создание комизма, будет ли это комизм созерцания или комизм ситуации».

К.Фишер поясняет отношение остроумия к комическому с помощью исследования карикатуры, стоящей и его изложении между остроумием и комизмом (Об остроумии. 1889). Объектом комизма является безобразное в какой бы то ни было форме своего проявления: «Там, где оно скрыто, оно должно быть обнаружено в свете комического созерцания, где оно мало или едва заметно, оно должно быт), выхвачено и так подчеркнуто, чтоб оно было ясно и очевидно... Так возникает карикатура». «Весь наш духовный мир, интеллектуальное царство наших мыслей и представлений не развертывается под взглядом внешнего созерцания; оно не может быть непосредственно представлено при помощи образного и наглядного

[1] Статьи об эстетике, изданные Теодором Липпсом и Рихардом Мария Вернером . IV. - Книга, которой я обязан мужеством и возможностью предпринять эту попытку исследования.

изображения, но оно сохраняет и свои задержки, недостатки, уродства, массу смешного и множество комических контрастов. Чтобы подчеркнуть их и сделать доступными эстетическому созерцанию, нужна сила, которая была бы в состоянии не только изобразить объекты, но и рефлектировать и пояснить эти изображения: сила, проясняющая мысли. Такой силой является только суждение. Суждением, производящим комический контраст, является острота, она втихомолку уже участвовала в карикатуре, но в суждении приобрела свойственную ей форму и свободное поприще для своего развития».

Как видно, Липпс усматривает выделяющие остроумие среди других видов комического характерные черты в деятельности, в активном поведении субъекта, в то время как К.Фишер характеризует остроумие отношением к своему объекту, который должен выявить скрытое уродство царства мыслей. Основательность этих определений не может быть проверена. Их даже едва ли можно понять, если рассматривать вне той взаимозависимости, из которой они кажутся вырванными; и мы, таким образом, стоим перед необходимостью поработать над изображением комического у авторов, чтобы узнать от них что-нибудь об остроумии. Между тем далее будет видно, что эти авторы сумели указать на существенные и общераспространенные характерные черты остроумия, при которых это отношение к комическому не принято во внимание.

Характеристика остроумия у К. Фишера, которая, видимо, вполне устраивает автора, гласит: «остроумие есть игривое суждение». Для пояснения этого выражения мы укажем на аналогию: «подобно тому как эстетическая свобода заключается в игривом созерцании вещей». В другом месте эстетическое отношение к объекту характеризуется условием, что мы от этого субъекта ничего не требуем, особенно никакого удовлетворения наших серьезных потребностей, а довольствуемся наслаждением при созерцании этого объекта. Эстетическое отношение является игровым в противоположность работе. Могло случиться, что из эстетической свободы возник особый вид суждения, свободный от оков и правил, который я ввиду его происхождения хочу назвать «игривым суждением», и что в этом понятии сохранено первое условие, если не целиком вся формула, разрешающая нашу задачу. «Свобода дает остроумие, а остроумие дает свободу», - сказал Жан-Поль. «Остроумие является одной только игрой идеями».

Издавна остроумие любили определять как ловкое умение находить сходство между несходными вещами, следовательно, находить скрытое сходство. Жан Поль сам остроумно выразил эту мысль следующим образом: «Остроумие - это переодетый священник, который венчает каждую пару». Т.Вишер продолжает: «Он венчает охотнее всего ту пару, к соединению которой родственники относятся нетерпимо». Но Вишер же возражает, что существуют остроты, в которых и речи нет о сравнении, а следовательно, и о нахождении сходства. Он дает, таким образом, несколько отличное от Жан-Поля определение остроумия

как умения с поразительной быстротой связывать в одно целое несколько представлений, являющихся собственно чуждыми друг другу по своему внутреннему содержанию и связи. Затем К.Фишер обращает внимание на то, что эти определения относятся к тем остротам, которые остроумный человек знает, а не к тем, которые создает.

Другими точками зрения, в некотором смысле связанными друг с другом, которыми пользуются для определения понятия или описания остроумия, являются: «контраст представлений», «смысл в бессмыслице> и <смущение вследствие непонимании и внезапное уяснение».

Определение, как, например, Крапелина, переносит центр тяжести на контраст представлений. Острота является «произвольным связыванием или соединением двух контрастирующих друг с другом каким-либо образом представлений, в большинстве случаев с помощью речевой ассоциации». Такому критику, как Липпс, нетрудно открыть полную несостоятельность этой формулы, но он сам не исключает момента контраста, а передвигает его на другое место. «Контраст продолжает существовать, но это - не так или иначе понятый контраст представлений, связанных со словами, но контраст или противоречие значения или незначительности слов». Примеры поясняют, как следует понимать последнее. «Контраст возникает лишь благодаря тому, что... мы признаем за словами некоторое значение, которое, однако, не можем затем вновь признать за ними».

В дальнейшем развитии этого последнего определения приобретает значение антитеза «смысл и бессмыслица». «То, что мы в один момент считаем осмысленным, оказывается для нас затем совершенно бессмысленным. В этом заключается для нас в настоящем случае комический процесс». «Остроумным кажется выражение в том случае, если мы с психологической необходимостью приписываем ему определенное значение и, приписывая ему это значение, тотчас снова отрицаем его. При этом под значением можно разуметь различное. Мы приписываем выражению смысл и знаем, что логически он ему не принадлежит. Мы находим в выражении истину, которую в силу законов познания или общего навыка нашего мышления не можем найти в нем; мы признаем за ним логические и практические следствия, выходящие за пределы его действительного содержания, чтобы сейчас же отрицать эти следствия, как только мы примем во внимание качество этого выражения. Во всяком случае психологический процесс, который вызывает в нас остроумное выражение и на котором покоится чувство комизма, заключается в непосредственном переходе от этого признания смысла, истины, значительности к сознанию или впечатлению относительной ничтожности».

Если это объяснение звучит так убедительно, то все-таки было бы желательно поставить здесь вопрос, способствует ли эта антитеза осмысленного и бессмысленного, на которой покоится чувство комизма, определению понятия остроумия, поскольку оно

отличается от комизма.

Момент «непонимания и внезапного уяснения» также далеко заводит нас в проблему отношения остроумия к комизму. Кант говорит, что замечательная особенность комического заключается в том, что оно может обмануть нас только на один момент. Хейманс (Zeitschr f. Psychologie. XI. 1896) показывает, как осуществляется эффект остроумия последовательной сменой непонимания и внезапного уяснения. Он поясняет свое мнение прекрасной остротой Гейне, который заставляет одного из своих героев, бедного лотерейного коллекционера Гирш-Гиацинта, хвастать тем, что великий барон Ротшильд обходится с ним как с человеком вполне ему равным, вполне фамилионерно. Здесь слово, являющееся источником остроумия, кажется прежде всего ошибочным словообразованием, чем-то непонятным, несуразным, загадочным. Поэтому оно приводит нас в смущение. Комизм получается в результате исчезновения смущения, в результате понимания слов. Липпс дополняет, что за этой первой стадией, во время которой мы узнаем, что смущающее нас слово означает то-то и то-то, следует вторая стадия, во время которой мы сознаем, что это бессмысленное слово смутило нас, а затем оказалось действительно имеющим смысл. Лишь это второе уяснение, познание того, что бессмысленное с точки зрения обыденной практики языка слово было виною всему, лишь это превращение в ничто вызывает комизм.

Кажется ли нам та или другая из этих трактовок более понятной - мы благодаря рассуждению о непонимании и внезапном уяснении подошли ближе к определенному мнению. Если комический эффект Гейневского фамиллионерно основан на разгадке якобы бессмысленного слова, то «остроумие» следует, конечно, усмотреть в образовании этого слова и в характере образованного таким образом слова.

Кроме всей связи с обсуждавшимися только что точками зрения, все авторы указывают и на другую существенную особенность остроумия. «Краткость - душа и тело остроумия, и даже оно само», - говорит Жан-Поль (Vorschule dcr Asthctik. 1. (§45), видоизменяя таким образом лишь одну фразу старого болтуна Полония в шекспировском «Гамлете» (действие 2-е, сцена II):

И так как краткость сеть душа ума,
А многословье - его прикраса.
Я буду краток. (Перевод А. Кронебсрга.)

Важно и описание краткости остроумия у Липпса. «Острота говорит то, что она говорит, не всегда мало, но всегда слишком немногими словами, т. е. словами, которые согласно строгой логике или обычному образу мышления и речи недостаточны для этого. Она может, наконец, попросту сказать кое-что, умалчивая об этом».

«Что остроумие должно выхватывать нечто спрятанное или скрытое» (К. Фишер), было уже указано при сопоставлении остроумия с карикатурой. Я подчеркиваю еще раз это

определение, поскольку оно больше относится к сущности остроумия, чем к сущности комизма.

***

Я, конечно, понимаю, что вышеприведенные небольшие выдержки из работ писавших об остроумии авторов недостаточны для суждения о ценности этих работ. Вследствие трудностей, возникающих при желании правильно передать столь сложный, с такими тонкими нюансами ход мыслей, я не могу избавить любознательных читателей от труда почерпнуть желательные для них познания из первоначальных источников. Но я не знаю, будут ли они полностью удовлетворены. Указанные авторами критерии и особенности остроумия: активность, отношение к содержанию нашего мышления, характер игривого суждения, сочетание несходного, контраст представлений, «смысл в бессмыслице», последовательная смена смущения вследствие непонимания и внезапного уяснения, выхватывание скрытого и особый вид лаконичности остроумия, - хотя и кажутся на первый взгляд очень меткими и так легко подтверждаемыми целым рядом примером, что мы не можем подвергнуться опасности недооценить ценность таких взглядов, однако все это disiecta membra[2], которые мы хотели бы видеть объединенными в одно органическое целое. В результате они приводят к познанию остроумия не более, чем ряд анекдотов, характеризующих личность, биографию которой нам нужно узнать. В результате всего вышеизложенного мы совсем не знаем того, что общего имеет, например, лаконичность остроумия с характером игривого суждения; и у нас нет объяснения, должно ли остроумие удовлетворять всем этим условиям, чтобы быть истинным остроумием, или только некоторым из них, и какие из этих условий могут быть заменены другими, а какие из них необходимы. Мы хотим также произвести группировку и подразделение острот, основываясь на их особенностях, признанных существенными. Подразделение, которое мы находим у авторов, опирается, с одной стороны, на технические приемы, с другой - на употребление острот в разговоре (остроумие, являющееся результатом созвучия, игра слов - карикатурная, характеризующая острота, остроумное отпарирование).

Нам, следовательно, нетрудно будет указать цели дальнейшему исследованию объяснения остроумия. Чтобы иметь возможность рассчитывать на успех, мы либо должны были бы внести в эту работу новые точки зрения, либо попытаться проникнуть глубже путем усиления нашего внимания и углубления нашего интереса. Мы можем указать на то, что, по крайней мере, в применении этого последнего средства недостатка не было. Поразительно, сколь немногими примерами таких признанных острот довольствуются авторы для своих исследований, и как каждый заимствует остроты у своих предшественников. Мы не можем отказаться от необходимости проанализировать примеры, которые уже были приведены

[2] Разбросанные части (лат.) – Прим.пер.

классическими авторами, писавшими об остроумии, но мы намерены, кроме этого, заняться исследованием и нового материала, чтобы иметь более широкие основания для выводов. Затем мы намерены исследовать такие примеры остроумия, которые в жизни произвели на нас впечатление и заставили много смеяться.

Заслуживает ли тема остроумия такого исследования? Я думаю, что это не подлежит сомнению. Помимо личных мотивов, которые побуждают меня сделать попытку разрешить проблемы остроумия и будут раскрыты во время развития этой работы, я могу сослаться на существование тесной связи между душевными процессами, связи, которая обещает психологическому познанию в какой-нибудь одной отдаленной области нечто ценное, не вполне еще признанное в других областях. Нужно помнить также о том, какую своеобразную, прямо-таки очаровательную прелесть представляет остроумие в нашем обществе. Новая острота обладает таким же действием, как событие, к которому проявляют величайший интерес. Она передается от одного к другому, как только что полученное известие о победе. Даже видные люди, которые считают нужным сообщать свою биографию, рассказывать, какие города и страны они видели, с какими выдающимися людьми они общались, не пренебрегают случаем поместить в своем жизнеописании те или иные слышанные ими прекрасные остроты[3]

II
ТЕХНИКА ОСТРОУМИЯ

Следуя прихоти случая, мы берем первый пример остроумия, который встретился нам в предыдущей главе.

В той части «Путевых картин», которая озаглавлена «Луккские воды», Г. Гейне выводит ценный образ лотерейного коллекционера и мозольного оператора Гирш-Гиацинта из Гамбурга. который хвастает перед поэтом своими отношениями с богатым бароном Ротшильдом и в заключение говорит: «И как бог свят, господин доктор, я сидел рядом с Соломоном Ротшильдом, и он обращался со мною, как с своим равным, совершенно фамиллионерно».

На этом считающемся превосходным и очень смешном примере Хейманс и Липпс выясняли происхождение комического эффекта остроты из «смущения вследствие непонимания и внезапного уяснения» (см. выше). Но мы оставляем этот вопрос в стороне и задаем себе другой: что же именно превращает разговор Гирш-Гиацинта в остроту? Это может зависеть только от причин двоякого рода: или сама по себе мысль, выраженная в предложении, носит черты остроумия, или остроумие кроется в способе выражения, которое

[3] J. v. Faike. Lehenserinnerungen. 1897.

мысль нашла в предложении. В какой из этих двух сторон мы увидим характер остроумия, в той мы и проследим его глубже, исследуем и постараемся уловить. Мысль может найти свое выражение в общем в различных разговорных формах - следовательно, в словах, - которые могут очень верно передавать ее. В речи Гирш-Гиацинта мы имеем определенную форму выражения мысли и, как мы догадываемся, особенную, своеобразную форму, нс ту, которая легче всего может быть понята. Попытаемся выразить эту же мысль по возможности верно другими словами. Липпс уже сделал это и пояснил таким образом до некоторой степени изложение поэта. Он говорит: «Мы понимаем, что Гейне хочет сказать, что обращение было фамильярным, но носило именно тот общеизвестный характер, который обычно не доставляет удовольствия благодаря привкусу миллионерства». Мы ничего не изменим в этой мысли, если дадим ей другое изложение, которое, возможно, лучше подходит к разговору Гирш-Гиацинта: «Ротшильд обошелся со мной, как с совсем рапным, совсем фамильярно, т.е. постольку, поскольку это может сделать миллионер». «Снисходительность богатого человека заключает и себе всегда что-то неудобное для того, кто испытывает ее на себе», - прибавим мы еще[4] .

Останемся ли мы при этом или при другом равнозначащем тексте этой мысли, мы увидим, что заданный вопрос уже предрешен. Характер остроумия проистекает в этом примере не за счет мысли. Замечание, которое Гейне вкладывает в уста своему Гирш-Гиацинту, верно и метко; оно таит очевидную горечь, которая легко возникает у бедного человека при виде такого большого богатства, но все же мы не решимся назвать это замечание остроумным. Если кто-нибудь не может освободиться при чтении этого замечания в нашей передаче от воспоминания об изложении этой мысли у самого поэта и продолжает все-таки думать, что эта мысль остроумна, то мы можем указать на надежный критерий утерянной в нашей передаче характерной черты остроумия. Рассказ Гирш-Гиацинта заставляет нас громко смеяться, верная же передача смысла этого рассказа по Липпсу или в нашем изложении может нам нравиться, побуждать к размышлению, но смеяться она заставить не может.

Если характер остроумия в нашем примере происходит не за счет мысли, то его следует искать в форме, в подлинном тексте его выражения. Нам нужно изучить особенность этого способа выражения, чтобы понять, что можно обозначить техникой слова или выражения этой остроты; эта техника должна находиться в тесной связи с сущностью остроты, т. к. характерная черта и эффект остроты исчезают при замене этой техники выражения другой. Впрочем, мы находимся в полном согласии с другими авторами, придавая такое значение словесному выражению остроты. Так, например, К. Фишер говорит:

---

[4] Этой же остротой мы займемся далее, где будем иметь повод предпринять корректуру данного изложения Липпсом этой остроты, приближающегося к нашему.

«Прежде всего одна только форма уже превращает суждение в остроту», и при этом невольно вспоминается фраза Жан-Поля, выясняющая и доказывающая ту же природу остроты в остроумном же изречении: «Так побеждает одна только позиция, будь то позиция ратников или позиция фраз».

В чем же заключается «техника» этой остроты? Что произошло с мыслью, заключающейся в нашем изложении, когда из нее получилась острота, по поводу которой мы так искренно, от души смеялись? С ней произошли две перемены, как показывает сравнение нашего изложения с текстом поэта. Во-первых, имело место значительное сокращение. Чтобы выразить заключающуюся в остроте мысль полностью, мы должны были прибавить к словам «Р. обошелся со мною, как бы с совсем равным, совсем фамильярно», второе предложение, которое в наикратчайшей форме гласит: т. е. постольку, поскольку это может сделать миллионер. И только после этого мы почувствовали необходимость поясняющего добавления[5]. У поэта это выражено гораздо короче: «Р. обошелся со мною, как с совсем равным, совсем фамиллионерно». Все ограничение, которое второе предложение прибавляет к первому, констатирующему фамильярное обращение, утрачено в остроте.

Но это ограничение опущено все-таки не без замены, из которой его можно реконструировать. Имело место и другое видоизменение. Слово «фамильярно» в лишенном остроумия выражении мысли превратилось в тексте остроты в «фамиллионерно», и, без сомнения, именно с этим словообразованием связан характер остроумия и смехотворный эффект остроты. Новообразованное слово покрывается в своем начале словом «фамильярно» первого предложения, а в своих конечных слогах словом «миллионер» второго предложения. Замещая одну только составную часть слова «миллионер», оно, вследствие этого, как бы замещает все второе предложение и заставляет нас, таким образом, угадывать пропущенное в тексте остроты второе предложение. Это смешанное образование из двух компонентов – «фамильярно» и «миллионер», и можно попытаться графически, наглядно выяснить себе его возникновение из обоих этих слов[6]

Фамильярно
Миллионер
Фамилионерно

Процесс, превративший мысли в остроту, можно представить следующим образом; хотя он и может показаться на первый взгляд фантастическим, однако он точно представляет действительно имеющийся налицо факт:

---

[5] То же самое относится к изложению Липпса.

[6] Слоги, общие обоим словам, напечатаны жирным шрифтом по контрасту с различным типам отдельных составных частей обоих слои. Второе «Jл», которое едва заметно при произношении, разумеется, должно быть пропущено. Понятно, что созвучие обоих слов в нескольких слогах дало повод технике остроумия к созданию смешанного слова.

«Р. обошелся со мной совсем фамильярно, т. е. постольку, поскольку это может сделать миллионер».

Теперь предположим, что на эти предложения действует укомплектовывающая сила, и что второе предложение по какой-либо причине менее резистентно. Тогда оно исчезает, а существенная его составная часть, слово «миллионер», которая может противостоять давлению, будет как бы вдавлена в первое предложение, сольется с подобным ему элементом этого предложения «фамильярно», и именно эта случайно имеющаяся возможность спасти существенное во втором предложении будет способствовать гибели других, менее важных составных частей. Таким образом возникает острота:

«Р. обращался со мной совсем фамиллионерно».

Даже помимо такой неизвестной нам укомплектовывающей силы мы можем описать процесс образования остроты, т. е. технику остроумия в этом случае как сгущение с заместительным образованием. Действительно, в нашем случае заместительное образование состоит в создании смешанного слова. Это непонятное смешанное слово «фамиллионерно», присоединившись к связи, в которой оно стоит, тотчас становится понятным и исполненным смысла, является носителем заставляющего нас смеяться эффекта остроты, механизм которого, однако, не стал для нас яснее с открытием этой техники остроумия. Как может имеющий место в разговоре процесс сгущения с заместительным образованием в виде смешанного слова доставить нам удовольствие и заставить нас смеяться? Это - другая проблема, обсуждение которой следует отложить до тех пор, пока мы не найдем к ней подхода. А сейчас займемся техникой остроумия. По нашему мнению, техника остроумия не может быть безразлична для понимания сущности последнего; поэтому мы хотим прежде всего исследовать, существуют ли другие примеры острот, построенных аналогично гейневскому «фамиллионерно». Их существует не особенно много, но все же достаточно, чтобы составить из них небольшую группу, которая характеризуется словообразованием путем смешивания. Гейне сам создал из слова «миллионер» вторую остроту, как бы подражая самому себе. Он говорит, что является, как нетрудно догадаться, сокращенной комбинацией слов и (что по-немецки значит дурак), и, подобно первой остроте, дает выражение подавленной задней мысли.

Вот другие известные мне примеры: жители Берлина называют «Форкенкладезем»[7] один колодец в своем городе, сооружение которого доставило много неприятностей бургомистру Фиркенкладезю, и этому названию нельзя отказать в остроумии, хотя слово «колодец» для этого должно было быть превращено в неупотребительное «кладезь», чтобы получилось нечто общее с фамилией. Злое остроумие Европы окрестило однажды одного монарха Клеопольдом вместо Леопольда, из-за его отношений к одной даме по имени Клео,

[7] Настоящая фамилия бургомистра Forkenbeck: чтобы сохранить технику этой остроты, пришлось несколько видоизменить, эту фамилию. (Я. К.)

это - несомненная работа сгущения, которая присоединением одной-единственной буквы постоянно делает неприятный намек. Собственные имена вообще легко подвергаются подобной обработке со стороны техники остроумия: в Вене было два брата, по фамилии Salinger; один из них был биржевой маклер (Borsensal). Это дало повод назвать одного брата Sensalinger[8] а другого брата - нелюбезным прозвищем Scheusalinger. Оно было удобно, и, безусловно, остроумно; однако, я не знаю, было ли оно справедливо. Острота, как правило, об этом не заботится.

Мне рассказали следующую остроту, явившуюся результатом сгущения: молодой человек, который на чужбине вел легкомысленный образ жизни, после долгого отсутствия посетил живущего на родине друга, который опешил, увидя на руке своего гостя обручальное кольцо. «Как? - воскликнул он, - разве вы женаты?» «Да, - был ответ: - Венчально, но это так». Острота великолепна: в слове венчально имеются оба компонента: в слове - обручальное кольцо, превращенное в венчально, и предложение - печально, но это так.

Здесь действию остроты не мешает тот факт, что смешанное слово не является собственно непонятным и неспособным к существованию продуктом, подобно слову «фамиллионерно», а полностью покрывается одним из обоих сгущенных элементов[9]. Я сам случайно предоставил материал для остроты, аналогичной опять-таки тому же «фамиллионерно». Я рассказывал одной даме о больших заслугах одного исследователя. «Этот человек заслуживает, конечно, монумента», - предположила она. «Возможно, что он его когда-нибудь получит, - отвечаю я, - но в настоящий момент его успех очень невелик». «Монумент и момент – противоположности». Дама эта объединила противоположности: «Итак, пожелаем ему монументального успеха».

Прекрасной обработкой этой же темы в английском языке (A. A. Brill, 1911) я обязан несколькими примерами, которые указывают на тот же механизм, что и наше «фамиллионерно».

Английский писатель де Квинси, - рассказывает Брилл, - отметил где-то, что старые люди склонны к тому, чтобы впадать в «анекдотизм». Это слово образовалось из слияния частью покрывающих друг друга слов anecdot/ dotage (детская болтовня).

В одной анонимной краткой истории Брилл однажды нашел обозначение для рождества христова в виде «рождественный праздник». Это обозначение является прямым слиянием слов «Рождество» и «вино».

Когда Флобер напечатал свой знаменитый роман «Саламбо», в котором действие происходит в Карфагене, Сент-Беф в насмешку за точное описание деталей прозвал его «Карфагенудь» = «Карфаген» + «нудный».

---

[8] Сгущение слои: Scheusal (урод) Salinger - Scheusalinger. ' Сгущение слов: Sensal (маклер) Salinger - Sensalinger.

[9] Слово «венчально» является продуктом сгущения слов: венчанье + печально = венчально. (Я. К.)

Автором превосходнейшей остроты, принадлежащей к этой группе, является один из первых мужей Австрии, который после значительной научной и общественной деятельности занял высшую должность в государстве. Я позволил себе употребить эти остроты в качестве материала для исследования[10] прежде всего потому, что вряд ли можно добыть лучший материал. Г. N. однажды обратил внимание на личность автора, известного целым рядом действительно скучных статей, напечатанных им в ежедневной венской газете. Эти статьи трактуют небольшие эпизоды из отношений Наполеона I к Австрии. Автор имел красные волосы. Г. N., услышав его имя, спрашивает: «Не красный ли это пошляк (Fadian)[11], который проходит через историю Наполеонады?»

Чтобы понять технику этой остроты, мы должны обратиться к тому процессу редукции, который упраздняет эту остроту путем изменения выражения и вместо этого опять создает первоначальный полный текст мысли, который безусловно можно уловить в каждой хорошей остроте. Острота Г. N. о красном пошляке (Fadian) произошла из двух компонентов: из неодобрительного мнения об авторе и воспоминания о знаменитой притче, которой Гете начинает выдержки «Из дневника Оттилиенса» в «Wahlverwandtschaften»[12]. Недовольная критика могла бы гласить: это, следовательно, человек, который вечно пишет одни только скучные фельетоны о Наполеоне в Австрии! Это выражение не остроумно. Прекрасное сравнение Гете также не остроумно и, конечно, не способно заставить нас смеяться. Лишь когда оба эти выражения связываются друг с другом и подвергаются своеобразному процессу сгущения и слияния, тогда возникает перворазрядная острота[13].

Возникновение связи между дурным отзывом о надоедливом историке и прекрасным сравнением в я должен изложить несколько более сложным путем, чем во многих подобных случаях, по соображениям, которые я здесь еще не могу объяснить. Я попытаюсь заменить предполагаемый процесс следующей конструкцией. Прежде всего элемент постоянного возвращения к одной и той же теме мог пробудить у г. N. отдаленное воспоминание об известном месте в которое в большинстве случаев неправильно цитируется словами: «это проходит красной нитью». «Красная нить» сравнения оказала видоизменяющее влияние на способ выражения первого предложения вследствие случайного обстоятельства, что и тот, кого ругали, был красным, а именно: красноволосый. Теперь эта мысль могла гласить:

---

[10] Имею ли я право на это? Я узнал эти остроты, по крайней мере, не нескромным путем. Они всем известны в этом городе (Вене) и перебывали на устах у всех. Часть из них опубликовал Эд.Ханслик в «Neue Freie Presse» и в своей автобиографии. За искажения, которых едва ли можно было избежать, я прошу извинения.

[11] Rote Fadian - красный пошляк, rote Faden - красная нить. Отсюда - непереводимая игра слов. (Я. К.)

[12] Мы слышим об особом устройстве в английском флоте. Все без исключения канаты в королевском флоте, от самого толстого до самого топкого. сплетены таким образом, что через всю их длину проходит красная нить, которая не может быть выдернута, если не расплетен весь канат, и мельчайшие частички которой несут на себе печать принадлежности к короне. Так же тянется и через дневник Оттилиенса нить влечения и привязанности, которая все связывает и характеризует все в целом.

[13] Я хочу указать только на то, как мало согласуется это регулярно повторяющееся наблюдение с утверждением, что острота является игровым суждением.

следовательно, этот красный человек является тем, кто пишет скучные фельетоны о Наполеоне. Теперь начинает действовать процесс, обусловивший сгущение обеих частей в одно целое. Под давлением этого процесса, который нашел первую точку опоры в тождестве элемента «красный», слово «скучный» ассимилировалось с Faden (нить) и превратилось в (пошлый), а теперь оба компонента могли слиться в подлинный текст остроты, в котором на этот раз цитата участвует чуть ли не в большей мере, чем само первоначально имевшееся ругательное суждение:

Следовательно, этот красный человек является тем, кто пишет пошлый (fad) вздор о N. красная нить (Faden), которая проходит через нас в целом.

Не красный ли этот пошляк (Fadian), который проходит через всю историю N. Оправдание, а также корректуру этого изложения я дам в одной из дальнейших глав, когда буду анализировать эту остроту, исходя из чисто формальных точек зрения. Но, что бы в этом изложении ни было под сомнением - тот факт, что здесь произошло сгущение, не подлежит никакому сомнению. Результатом сгущения является, опять-таки, с одной стороны, значительное укорочение, а с другой - вместо бросающегося в глаза словообразования путем смешивания, здесь происходит взаимное проникновение составных частей обоих компонентов. «Красный пошляк» (Fadian) могло бы все-таки существовать просто как ругательство; в нашем случае это безусловно продукт сгущения.

Если читатель в этом месте впервые вознегодует по поводу образа мышления, угрожающего ему разрушением удовольствия, получаемого от остроумия, но не поясняющего ему, однако, источников этого удовольствия, то я прежде всего попрошу его вооружиться терпением. Мы занимаемся только техникой остроумия, исследование которой обещает разъяснение лишь с том случае, если мы будем иметь довольно большой материал.

Анализом последнего примера мы уже подготовлены к тому, что если мы встретим процесс сгущения еще и в других примерах, то замена подавленному может быть дана не в словообразовании путем смешивания, а в другом изменении выражения. В чем состоит эта замена другого рода, мы узнаем из других острот г. N.

«Я ездил с ним tete-a-bete» (bete - животное, скотина; франц.) Нет ничего легче, чем редуцировать эту остроту. Очевидно, что она может означать только: я ездил tete-a-bete с X., и этот X. - глупая скотина. Ни одна из этих фраз не остроумна. Но и объединенная в одно предложение мысль: я ездил tete-a-bete с этой глупой скотиной X., так же мало остроумна. Острота получается лишь в том случае, когда «глупая скотина» опускается и взамен этого tete превращает свое t в b, причем благодаря этой незначительности модификации первоначально подавленное слово «скотина» опять-таки получает свое выражение. Технику этой группы острот можно описать как сгущение с незначительной модификацией, и, конечно, острота будет тем удачнее, чем меньше бросается в глаза замещающая

модификация.

Совершенно такая же, хоть и не так сложна, техника другой остроты. Г. N. в разговоре говорит об одном человеке, заслуживающем много похвал, в котором, однако, можно найти и много недостатков: «Да, тщеславие является одной из его четырех Ахиллесовых пят»[14] Небольшая модификация заключается здесь в том, что вместо одной Ахиллесовой пяты, наличность которой следует признать у всякого героя, у Y. констатируют четыре. Но четыре пятки, а, следовательно, и четыре ноги имеет только животное. Таким образом обе сгущенные в остроте мысли гласили: «Y., за исключением его тщеславия, - выдающийся человек, но я все же не терплю его, он скорее скотина, чем человек».[15]

Я имел возможность слышать in statu nascendi и семейном кругу. Из двух братьев-гимназистов один - отличный ученик, другой - посредственный. Однажды и с образцовым учеником произошел несчастный случай, о котором мать завела разговор, чтобы выразить свое опасение, что это может означать начало длительного ухудшения. Затеняемый до сих пор своим братом мальчик охотно ухватился за этот повод: «Да, - говорит он, - Karl geht auf alien Vieren zurtick (что в переводе означает: Карл опускается на четверки (вместо пятерок). Карл пятится назад на четвереньках)».

Модификация заключается здесь в небольшом добавлении к уверению, что другой также, по его мнению, опускается. Но эта модификация замещает и заменяет страстную защиту его собственных интересов. «Вообще вы не должны думать, что он потому только одареннее меня, что он лучше меня успевает в школе. Он все же только глупое животное, т. е. гораздо глупее меня».

Прекрасным примером сгущения с небольшой модификацией является другая весьма известная острота г. N, который утверждал об одном принимавшем участие в общественной жизни человеке, что тот имеет великую будущность позади себя. Тот, к кому относилась эта острота, был молодым человеком, по своему происхождению, воспитанию и личным качествам, казалось, имевшим призвание со временем стать руководителем партии и, находясь во главе ее, достигнуть кормила правления. Но времена изменились, партия перестала принимать участие в правлении, и тут можно было предсказать, что и из предназначавшегося ей в руководители человека тоже ничего путного не выйдет. Кратчайшее редуцированное изложение, которым можно было бы заменить эту остроту, должно было гласит: этот человек имел впереди великое будущее, которого теперь не стало. Слово «имел» и придаточное предложение пропускаются, а в главном предложении происходит небольшое изменение: слово «впереди» заменяется противоположным ему

[14] Такую же остроту высказывал еще раньше Г. Гейне в адрес Альфреда дс Мюссе.

[15] Одно из усложнений техники данного примера заключается в том. что модификация, которой заменяется пропущенное ругательство, должна быть обозначена как намек на это ругательство, т. к. она приводит к нему только путем процесса умозаключения.

словом «позади»[16]

К услугам подобной модификации прибег г. N. в случае с одним кавалером, назначенным министром земледелия, поскольку он сам занимался земледелием. Общественное мнение узнало его как наименее способного из всех занимавших эту должность. Но, когда он сложил с себя обязанности министра и вернулся к своим земледельческим занятиям, г. N. сказал о нем: «Он, как Цинциннат, вернулся на свое место перед плугом».

Римлянин, которого также призвали от земледелия к министерству, опять занял свое место позади плуга. Перед плугом шел, как тогда, так и теперь, только бык.

Удачным сгущением с небольшой модификацией является также высказанное Карпом Краусом сообщение об одном так называемом револьвер-журналисте, который поехал в одну из Балканских стран восточным Erpress-поезцом. Очевидно, в этом слове имеется совпадение двух других слов: «экспресс-поезд» и («шантаж», «вымогательство»). Вследствие связи между ними элемент оказывается только требуемой от слова модификацией. Это острота, симулирующая опечатку, представляет для нас также и другой интерес. Количество этих примеров легко можно увеличить, но я думаю, для того чтобы уловить характер техники во второй группе: сгущение с модификацией, нет нужды в новых случаях. Если мы сравним вторую группу с первой, техника которой состояла в сгущении со словообразованием путем смешивания, то легко заметим, что разница между ними - несущественная, и переход от одной группы к другой выражен нерезко. Словообразование путем смешивания и модификация подпадают под понятие заместительного образования, и описать словообразование путем смешивания можно так же, как модификацию основного слова вторым словом.

Здесь мы должны сделать первую остановку и спросить себя, каким известным в литературе моментом полностью или частично покрываются первые полученные нами результаты. Очевидно, краткостью, которую Жан-Поль называет душой остроты (см. выше с. 13). Но краткость сама по себе еще не остроумна; иначе каждое лаконическое выражение было бы остротой. Крат- кость остроты должна быть особой. Мы вспоминаем, что Липпс сделал попытку точнее описать особенность краткости остроумия (см. выше с. 13). Наше же исследование установило и доказало, что краткость остроумия часто является результатом особого процесса, который оставляет в тексте остроты второй след: заместительное образование. Но при этом применении процесса редукции, цель которого - упразднить своеобразный процесс сгущения, мы выяснили, что острота зависит только от словесного

[16] На технику этой остроты оказывает влияние еще и другой момент, упо- минание о котором я приберегаю для дальнейшего изложения. Он касается характерной черты содержания модификации (изображение путем нротино- положности, бессмыслицы). Технике остроумия ничто не препятствует поль- зоваться одновременно многими приемами, которые мы сможем изучить только последовательно.

выражения, создающегося путем процесса сгущения. Естественно, что теперь весь наш интерес сосредоточился на этом странном и до сих пор не оцененном в должной мере процессе. Мы никак не можем понять, как из него может возникнуть самое ценное в остроумии - удовольствие, доставляемое нам.

Известны ли уже в какой-либо другой области душевной жизни подобные процессы, которые мы описали здесь как технику остроумия? Да, в одной-единственной и, по-видимому, очень отдаленной области. В 1900 г. я выпустил в свет книгу, которая, как показывает ее заглавие «Толкование сновидений», делает попытку объяснить загадочность сновидения и считает его производным нормальной душевной деятельности. Я имел там основание противопоставить явное, часто странное содержание сновидения - латентным, но вполне правильным мыслям сновидения, из которых оно происходит, и предпринял тщательное исследование процессов, которые создают сновидение из латентных мыслей сновидения, а также психических сил, принимающих участие в этом превращении. Совокупность пре- вращающихся процессов я назвал работой сна, и, как часть этой работы сна, описал процесс сгущения, который обнаруживает величайшее сходство с процессом сгущения в технике остроумия, ведет, как и этот, к укорочению и создает заместительное образование такого же характера. Каждому известны из его воспоминаний о своих собственных снах смешанные образцы лиц и даже предметов, выступающих в сновидении; сновидение тоже образует такие слова, которые могут быть разложены затем путем анализа (напр., Автодидаскер=Автодидакт +Ласкер)[17] В других случаях, встречающихся, быть может, еще чаще, сгущающая работа сновидения создает не смешанные образы, а вполне тождественные предмету или лицу картины с примесью или изменением, происходящим из другого источника. Следовательно, в этих случаях мы имеем точно такие же модификации, как в остротах г. N. Мы не можем сомневаться, что, как в одном,- так и в другом случае, имеем перед собой один и тот же психиатрический процесс, который мы узнаем по идентичным результатам. Такая столь далеко идущая аналогия техники остроумия с работой сна, должна, конечно, повысить наш интерес к технике остроумия и пробудить в вас надежду извлечь из сравнения остроты и сновидения нечто новое для объяснения остроумия. Но мы временно отложим эту работу, поскольку исследовали технику остроумия лишь в очень небольшом числе случаев, и, следовательно, не знаем, существует ли та аналогия, которую мы хотим провести. Итак, мы прекращаем сравнение со сноведением и возвращаемся к технике остроумия, прерывая в этом месте нить нашего исследования, которое мы в дальнейшем, быть может, вновь продолжим.

Первое, что мы хотим узнать, это - можно ли доказать процесс сгущения с заместительным образованием со всех остротах так, чтобы его можно было обозначить как

[17] Толкование сновидений. М.: Соврем, проблемы, 1913. С. 249. 29

общую характерную черту техники остроумия.

Я вспоминаю об одной остроте, которая осталась у меня в памяти в силу особых обстоятельств. Один из великих учителей моей молодости, которого мы не считали способным оценить остроту и от которого никогда не слышали ни одной собственной остроты, пришел однажды, улыбаясь, в институт и дал охотнее, чем когда-либо раньше, ответ по поводу своего веселого настроения: «Я прочел великолепную остроту. В парижский салон был введен молодой человек, который был родственником великого Ж.-Ж. Руссо и носил эту же фамилию. Кроме того, он был рыжеволосым. Но он вел себя так неловко, что хозяйка дома, критикуя его, обратилась к гр-ну, который его представил: "Vous m'avez fait connaftre un jeune homme roltx et sot, mais non pas un Rousseau». («Вы меня познакомили с рыжим (roux) и глупым (sot), но он не Руссо (Rousseau)»; франц.) И он снова засмеялся. Это острота по созвучию, и острота не перворазрядная, играющая собственным именем так же, как и острота капуцина из «Лагеря Валленштейна», которая, как известно, построена по образцу Abraham'a a Santa Clara:

Lassi sich nennen den Wallenstein,

ja freilich ist er uns allen ein Stein

des Anstosses und Argcrnisses[18].

Что эта острота в силу другого момента заслуживает еще более высокой оценки, сможет быть показано лишь в дальнейшем.

Теперь оказывается, что характерная черта, которую мы надеялись доказать, исчезает уже в первом случае. Здесь нет никакого пропуска и никакого укорочения. Дама высказывает в остроте почти все, что мы можем предположит), в ее мыслях. «Вы заинтересовали меня родственником Ж.-Ж. Руссо может быть его родственником по духу, а оказывается, что это рыжий глупый юнец, roux et sot». Я, правда, сделал здесь добавление, вставку, но эта попытка редукции не упраздняет остроты. Она остается и происходит за счет созвучия Rousseau = roux et sot.

Этим доказывается, что сгущение с заместительным образованием не принимало никакого участия в создании этой остроты.

Но что же оказывается? Новые попытки редукции могут показать, что эта острота устойчива до тех пор, пока фамилия Rousseau не заменится другой. Я поставлю, например, вместо этой фамилии - фамилию Racine, и тотчас критика дамы потеряет всякий след остроумия. Теперь я знаю, где мне искать технику этой остроты, но я еще колеблюсь формулировать ее. Я пытаюсь толковать следующим образом: техника остроты заключается в том, что одно и то же слово - фамилия - выступает в двояком применении, один раз - как

[18] И Валленштейном ведь зваться привык: Я, дескать, камень - какой вам опоры? Подлинно - камень соблазна и ссоры! Шиллер. Лагерь Валленштейна / Перев. Л. Моя. М., 1913. Т. II. С. 20. (Б-ка всемирн. лит-ры; Европ. классики). (Я. К.)

одно целое, а затем - разделенное на слоги, как шарада. Я могу привести несколько идентичных примеров.

Одна итальянка отомстила Наполеону I за бестактное замечание остротой, основанной на технике двоякого применения. На придворном балу он сказал ей, указывая на ее поселян: («Все итальянцы танцуют так плохо»; urn.), на что она метко возразила: («Не все, но добрая часть (buona parte)»; urn.). (Brill, 1. c.).

(По Т.Вишеру и К. Фишеру). Когда в Берлине была однажды поставлена «Антигона», критика нашла, что исполнению недоставало характера античности. Берлинское остроумие усвоило эту критику в следующем виде: Antik? Oh, nee. (Антично? О, нет).

Antik? Oh, nee Antigone

Во врачебных кругах известна аналогичная острота, возникающая путем разделения. Когда врач допрашивает одного из своих юных пациентов, не занимался ли он когда-нибудь мастурбацией, он, вероятно, не слышит другого ответа, кроме: O na, nie. (О нет, никогда.) O na, nie/ Onanie

Во всех трех примерах, достаточных для этого вида остроты, имеет место одна и та же техника остроумия. В них слово употребляется двояко: один раз - полностью, другой раз - разделенное на слоги, причем при таком разделении слоги получают совершенно другой смысл[19].

Многократное употребление одного и того же слова, один раз - как чего-то целого, а затем - слогов, на которые оно распадается, является первым встречающимся случаем уклонения от техники сгущения. После краткого размышления над множеством приходящих нам в голову примеров, можно догадаться, что новооткрытая нами техника вряд ли ограничивается этим приемом. Очевидно, имеется необозримое, на первый взгляд, число всевозможных приемов, прибегая к которым, можно использовать одно и то же слово или один и тот же набор слов для многократного применения в предложении. Должны ли все эти возможности учитываться, как технические приемы остроумия? По-видимому, да. Нижеследующие примеры острот покажут это.

Прежде всего можно взять один и тот же набор слов и лишь немного изменить их порядок. Чем незначительнее изменение, чем скорее получается впечатление, что теми же

---

[19] Удачность этих острот основана на том, что в них одновременно применяется другой технический прием, гораздо более высокого порядка (см. ниже). Кроме того, я могу на этом месте обратить внимание на отношение остроты к загадке. Философ Fr. Brentaiio создал особы Л вид загадок, где нужно отгадывать один-два слога, которые, будучи присоединены к слову или находясь с ним в том или ином сочетании, придают ему другой смысл, например:
Кузнец, таз куя, сказал тоскуя: «Лучше таз ковать, чем тосковать» или: Wie Oioni, которые нужно отгадать, заменяются в предложении слогом , повторяемым соответственно каждому недостающему слогу.
Коллега философа остроумно отомстил ему, когда услышал о помолвке философа, человека уже в зрелых годах, спросив: Daldaldaldaldaldal? (Brentano brennt-a-no? - Брентано. не пылает ли он") В чем заключается разница между этими загадками и вышестоящими остротами? В том, что в первых техника дана как условие и нужно отгадать текст, в то время как п остротах дан текст, а техника скрыта.

словами выражена мысль, все-таки отличная от первой, тем удачнее в техническом отношении острота.

D. Spitzer (Wiener Spaziergange. II. Bd. S. 42): «Супружеская чета X. живет на широкую ногу. По мнению одних, муж много заработал и при этом отложил себе (sich zuriickgelegt) немного, по мнению других, жена немного прилегла (sich zurUckgelegt) и при этом много заработала».

Это прямо-таки чертовски удачная острота! И с помощью каких незначительных средств она создана! Много заработал - немного отложил (sich zurUckgelegt), немного прилегла (sich zuruckgelegt) - много заработала; благодаря такой перестановке фраз сказанное о муже резко отличается от сказанного о жене. Конечно, и здесь .это не исчерпывает всей техники остроты[20].

Большой простор открывается технике остроумия, когда «неоднократное употребление одного и того же материала» прибегает к употреблению слова - или слов, - являющихся источником остроты, в одном случае - в неизменном виде, в другом - с небольшой модификацией. Вот, например,. еще одна острота г. N.

Он слышит от одного человека, который сам был рожден евреем, враждебный отзыв о характере евреев. «Да, - думает он про себя. - Ваш антисемитизм[21] был мне известен, но ваш антисемитизм является для меня новостью».

Здесь изменена одна только буква, модификация которой при невыразительном произношении вряд ли может быть понята. Этот пример напоминает о других остротах г. N, основанных на модификации (см. с. 26), но, в отличие от них, ему не достает сгущения; в самой остроте сказано все, что должно быть сказано. «Я знаю, что раньше вы сами были евреем; следовательно, меня удивляет, что именно вы ругаете евреев». Прекрасным примером такой остроты, возникающей путем модификации, является также известное восклицание: Traduttore - Traditore!

Сходство, граничащее почти с тождественностью, создает переводчику необходимость нарушить закон в отношении к своему автору[22].

Разнообразие возможных небольших модификаций при этих остротах так велико, что ни одна из них непохожа на другую.

Вот острота, которая была употреблена на юридическом экзамене! Кандидат должен перевести место из Corpus juris: ... «Я- проваливаюсь, говорит он». «Вы провалились, говорю я», - заявляет экзаменатор, и на этом заканчивает экзамен. Кто ошибочно признает имя великого ученого-юриста за слово, к тому же неправильно переводя его, тот, конечно, не

[20] Острота основана на двояком значении слова : отложить и прилечь. (Я. К.)

[21] Ante - прежде.

[22] Brill цитирует вполне аналогичную острому, оснопанную на модификации: Anwiltes - amentes (Влюбленные = дураки). Labeo - Лабеон, великий юрист. (Я. К.)

заслуживает лучшего отношения. Но техника остроты заключается в применении экзаменатором почти тех же слов для - наказания экзаменующего, которые обнаружили незнание этого последнего. Эта острота является, кроме того, примером <находчивости>, техника которой, как можно будет показать, немногим отличается от выясняемой здесь техники остроумия.

Слова являются пластическим материалом, с которым можно поступить по-разному. Есть слова, в некоторых случаях утрачивающие свое первоначальное прямое значение. В одной остроте Lichtenberg'a подчеркнуты именно те соотношения, при которых потерявшие слова снова должны получить его: «Как идут дела?» - спросил слепой хромого. «Как видите», - ответил хромой слепому. В немецком (как и в русском) языке есть слова, которые в одном случае могут быть полны смысла, в другом - их смысл может быть незначительным. Этим слонам придается не одно значение. Из одного и того же корня развиваются два различимых производных: одно - в слово, полное значения, другое - в потерявшие свое прямое значение суффиксы и приставки; но тем не менее оба слова произносятся вполне тождественно. Созвучие между полным значения словом и потерявшими свое значение слогами может быть и случайным. В обоих случаях техника остроумия может извлечь пользу из таких соотношений речевого материала.

Шлейермархеру приписывается, например, острота, которая важна для нас как почти чистый пример такого технического приема: Eifersucht ist eine Lddcnsdwft, die mit Eijcr such!, was Leiden schaff[23].

Это, безусловно, остроумно, хотя и недостаточно сильно для остроты. Здесь отпадает множество моментов, которые могут ввести нас в заблуждение при анализе других острот до тех пор, пока мы не исследуем каждый из них отдельно. Мысль, выраженная в этом тексте, дает неудовлетворительное определение ревности. Здесь нет и речи о «смысле в бессмыслице», о «скрытом смысле», о «смущении и внезапном уяснении». Здесь даже при величайшей натяжке нельзя найти контраста представителей и только с большой натяжкой можно найти контраст между словами и тем, что они означают. Здесь не найти никакого укорочения; наоборот, текст производит впечатление многоречивости. И все это - острота, и даже очень совершенная. Ее единственная бросающаяся в глаза характерная черта является вместе также чертой, с упразднением которой исчезает острота; заключается она в том, что одни и те же слова подвергаются здесь многократному употреблению. Затем нужно решить, можно ли отнести эту остроту к разряду тех, в которых слова употребляются один раз - как целое, а другой - разделенное на свои слоги (как Rousseau, Antigone), или к другому разряду, в котором разный смысл создается употреблением полных значения и потерявших прямое

[23] Ревность - это страсть, которая ревностно ищет, что причиняет стрчди- нче. В русском переиоде сохранился только намек на созвучие слои: ре- вность - ревностно, страсть - страдание. (Я. К.)

значение составных частей слова. Кроме этого, заслуживает внимания еще только один момент техники остроумия. Здесь создана необычная связь, предпринята унификация, при которой ревность определяется через самое себя, своим собственным термином. И это также, как мы здесь услышим, является техникой остроумия. Оба эти момента будут, таким образом, достаточны для определения искомого характера остроумия.

Если мы глубже вдумаемся в разнообразие «многократного употребления» одного и того же слова, то заметим, что имеем перед собой формы «двусмысленности» или «игры слов», которые давно уже были оценены как технические приемы остроумия.

Зачем же мы старались открыть нечто новое, если бы могли позаимствовать его из самой поверхности статьи остроумия? В свое оправдание можно привести только то, что мы подчеркиваем в этом феномене разговорного выражения еще и другую сторону. То, что у авторов выявляет «игривый характер» остроумия, относился у нас к разряду «многократного употребления».

Дальнейшие случаи многократного употребления, которые можно объединить под названием двусмысленности в новую, третью группу, легко могут быть отнесены к разрядам, которые так же резко не отличаются друг от друга, как и вся третья группа от второй. Прежде всего существуют:

a) Случаи двусмысленности имени собственного и его вещественного значения, например: (у Шекспира), что в переводе может означать:

Убирайся из нашего общество, Пистоль. Или: Спусти курок в нашем обществе, пистолет.

(«Побольше венчаний, чем сватовства»), - сказал остроумный житель Вены в адрес нескольких красивых девушек, за которыми несколько лет ухаживали, но которые все-таки не нашли себе мужей. и - две примыкающие друг к другу площади в центре города Вены.

Аналогичный пример такой двусмысленности встречается в диктантах для испытания сообразительности учеников: В деревне Волки церковь с ели. Прекрасный образец такого остроумия дан в первой части трилогии А. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»: «По нитке с миру сбираю, царь, Нагому на рубаху», - говорит шут о боярине Нагом. (Я. К.)

Там, где имя собственное нельзя употребить, - можно было бы сказать, где им нельзя злоупотребить - двусмысленность может быть достигнута путем известных нам небольших модификаций:

«Почему французы отказались от Лоэнгрина?» - спрашивали в прошедшие времена. Ответ гласил: (из-за Elsass Эльзы)

b) Двусмысленность вещественного и метафорического значения слова, являющаяся обильным источником для техники остроумия. Я привожу только один пример: один коллега - врач, известный остряк, сказал однажды поэту Артуру Шницлеру: «Я не удивляюсь, что ты

стал известным поэтом. Ведь у твоего отца нашлось уже зеркало для его современников». Зеркало, которое употреблял отец поэта, известный врач Шницлер, было ларингоскопическим зеркалом. По известному выражению Гамлета цель драмы, а также поэта, создающего ее, «была, есть и будет - отражать в себе природу: добро, зло, время и люди должны видеть себя в нем, как в зеркале». (сцена 2. Перевод Кронеберга.)

с) Собственно двусмысленность, или игра слое, так сказать, идеальный случай многократного употребления. Над словом не производят никаких насильственных манипуляций, оно не расчленяется на составляющие его слоги, нет нужды подвергать его какой-либо модификации, не нужно смешивать область, к которой оно принадлежит, как, предположим, имя собственное, с другой областью. В таком виде, в каком оно находится и стоит в общей структуре фразы, оно может выражать двойной смысл благодаря стечению некоторых обстоятельств. В нашем распоряжении имеется очень много примеров. (По К. Фишеру.) Одним из первых актов последнего Наполеона, во времена его регентства, явилась конфискация имущества Орлеанского дома. Удачная игра слов скачала тогда: («Это первый полет/грабеж орла»; франц.). значит полет, а также грабеж.

Людовик XV захотел испытать остроумие одного из придворных, о таланте которого ему рассказали. При первом удобном случае он приказал кавалеру сострить над ним самим; он сам, король, хочет быть «сюжетом» этой остроты. Придворный ответил удачной пословицей: «Le roi n'est pas sujet» «Sujet» (франц.) значит также и подданный.

Врач, отходящий от постели больной женщины, говорит сопровождающему его супругу, покачивая головой: «Эта женщина мне не нравится». «Она мне давно уже нс нравится», - по- спешно соглашается муж.

Врач имеет в виду, разумеется, состояние здоровья больной женщины, но он выразил свое опасение за больную такими словами, что муж может найти в них подтверждение своего супружеского отвращения.

Гейне сказал об одной сатирической комедии: «Эта сатира не была бы такой едкой, если бы поэт имел больше еды». Эта острота является скорее примером метафорической и обыденной двусмысленности, чем примером чистой игры слов. Но кому охота держаться здесь точных разграничений?

Другой хороший пример приводится некоторыми авторами (Хейманс, Липпс) в форме, затрудняющей понимание игры слов[24]. Правильное изложение и формулировку этой

[24] «Когда Сафир, - как говорит Хейманс, - отвечает богатому кредитору. которого он посещает, па вопрос: "Вы, конечно, пришли из-за 300 гульденов?", фразой "Нет, вы проиграли 300 гульденов", то именно то. что он думает, выражено во вполне корректной разговорной отнюдь не необычной форме>. В действительности, дело обстоит так: ответ Сафира сам по себе обдуман в полне ясно и определенно. Мы понимаем также, что он хочет сказать, а именно, что он не намерен уплатить свой долг. Но Сафир употребляет те же слова, которые до этого были употреблены кредитором. А тогда ответ Сафира больше не имеет никакого смысла. Кредитор вообще не «приходит». Он не может также приходить за 300 гульденов, т. е. он не может прийти, чтобы унести 300 гульденов. К тому же он, как кредитор, не должен приносить, а должен требовать. Комизм состоит в том. что слова Сафира могут рассматриваться одновременно как содержащие определенный смысл и как бессмыслица (Lipps. С. 97).
Согласно вышеизложенному, полностью переданному содержанию в целях объяснения, техника этой остроты гораздо проще, чем думает Lipps. Сафир приходит не для того, чтобы принести 300 гульденов, а для того, чтобы взять их у богача. Таким образом отпадают рассуждения о «смысле и бессмылице» в этой остроте.

остроты я нашел недавно в одном, правда, мало распространенном сборнике острот[25].

«Сафир встретился однажды с Ротшильдом. Когда они не- много поболтали друг с другом, Сафир скачал: «Послушайте, Ротшильд, моя касса истощилась, не могли ли бы вы одолжить мне 100 дукатов». – «Пожалуй, - ответил Ротшильд, - это для меня пустяки, но только при условии, что вы сострите». – «Для меня это тоже пустяки», - возразил Сафир. «Хорошо, тогда приходите завтра ко мне в контору». Сафир явился точно в назначенное время. «Ах, - сказал Ротшильд, увидя вошедшего Сафира, - вы пришли за (kommen um) своими 100 дукатами?» - «Нет, - возразил этот, - это вы проиграли (kommen um) свои 100 дукатов, так как мне до конца дней своих не придет в голову возвратить их вам». «Что представляют/ выставляют (stellen vor) эти статуи?» - спросил приезжий у жителя Берлина при виде ряда памятников на площади. «Что? - ответил тот, - либо правую, либо левую ногу»[26].

[«Куда вы попадете, если воткнете нож между четвертым и пятым ребром?» - спрашивает профессор на экзамене у студента-медика. – «В тюрьму», - не задумываясь, отвечает последний. (Я. К.)].

Гейне в «Путешествии на Гарцу»: «Притом же, в настоящую минуту я не припомню имен всех студентов, а между профессорами есть такие, которые покамест не имеют никакого имени».

Мы приобретаем навык в дифференциальной диагностике, если прибавим сюда другую общеизвестную профессорскую остроту: «Разница между ординарным и экстраординарным профессором заключается в том, что ординарные не совершили ничего экстраординарного, а экстраординарные не совершили ничего ординарного». Это, конечно, игра двух значений слов «ординарный» и «экстраординарный»; штатный и внештатный, с одной стороны, и способный или выдающийся, с другой стороны. Но сходство этой остроты с другими известными нам примерами напоминает о том, что здесь гораздо больше бросается в глаза многократное употребление, чем двусмысленность. В этом предложении не слышно ничего другого, кроме повторяющегося «ординарный», то как такового, то негативно модифицированного (сравн. с. 34). Кроме того, здесь опять-таки прибегают к уловке: понятие определяется и подробнее описывается при помощи своего же подлинного текста (сравн. Eifersucht ist eine Leidenschaft (см. с. 35) и т. д.); два коррелативных понятия определяются хотя бы и негативно, одно через другое, что создает искусственное ограничение. Наконец, здесь можно отметить также точку зрения унификации, создание более тесной внутренней связи между элементами выражения, чем этого можно было бы ожидать, судя по их природе.

---

[25] Das grosse Buch der Witze, gesammelt und lierausgegcben von Willy Hermann. Berlin, 1904.

[26] Дальнейший анализ этой игры слое см. ниже.

Гейне в «Путешествии по Гарцу»: «Шефер поклонился мне, как собрату, потому что он тоже писатель и часто упоминал обо мне в своих полугодичных отчетах; да он и кроме того часто цитировал меня и, когда не заставал меня дома, то всегда был так добр, что писал цитату мелом на двери моей комнаты». [А. д'Актиль («Афоризмы»):

Всякий пусть узнает и услышит. Что прекрасней солнца в мире нет: Красоты подобной не опишет ни судебный пристав, ни поэт. (Я. К.)]

Для социального типа, расцветшего в эпоху грюндерства, Даниэль Шпитцер нашел лаконичную, но очень остроумную биографическую характеристику:

«Железный лоб - железная касса - железная корона». (Последняя - орден, с награждением которым был связан переход в дворянское сословие.) Превосходная унификация, все как будто сделано из железа! Различные, но не очень резко друг с другом контрастирующие толкования эпитета «железный» делают возможным подобные «многократные употребления».

Другая игра слов может облегчить переход к новому подвигу техники двусмысленности. Упомянутый на с. 37 остроумный коллега во время дела Дрейфуса стал автором следующей остроты:

«Эта девушка напоминает мне Дрейфуса. Армия не верит в ее невинность».

Слово «невинность», на двусмысленности которого построена эта острота, в одном случае имеет смысл, противоположный виновности, преступлению, а в другом - смысл, противоположный сексуальной опытности. Существует много примеров такого рода двусмысленности, и во всех действие остроты сводится к сексуальной двусмысленности. Для этой группы можно было бы сохранить термин «двоякое толкование».

Прекрасный пример такой двоякотолкуемой остроты представляет острота на с. 33, сообщенная Д. Шпитцером:

«По мнению одних, муж много заработал и при этом немного оптложил себе (sicli zuritckgelegl), по мнению других, жена немного прилегла (sich zuriickgelegt) и много при этом заработала».

Но если сравнить этот пример двусмысленности с двояким толкованием с другими примерами, то бросается в глаза важная для техники разница. В остроте о <невинности> один смысл слова так же доступен пониманию, как и другой; мы не можем отличить, является ли более употребительным и более родственным нам сексуальное или несексуальное значение слова. Иначе обстоит дело в примере D. Spitzer'a, где один банальный смысл слов, который больше бросается в глаза, как будто прячет и скрывает сексуальный смысл, способный ускользнуть от простодушного читателя. В противоположность приведем другой пример, где нет такого сокрытия сексуального значения, как, например, гейневская характеристика услужливой дамы: (что в переводе

может означать: Она не может на в чем отказать, кроме воды, или она не может мочиться).

Все это звучит как сальность, и впечатление остроумия создается с трудом. Эта особенность заключается в том, что оба значения двусмысленности неодинаково бросаются в глаза, может иметь место и при остротах несексуального характера. Это происходит оттого, что первый смысл сам по себе более употребителен, или потому, что он особенно подчеркнут благодаря связи с другими частями предложения (например, Мы уже рассмотрели достаточно много различных технических примером остроумия, и я боюсь, что мы можем потерять их общий обзор. Попытаемся поэтому классифицировать эти технические приемы.

I. Сгущение:

a) с смешанным словообразованием, b) с модификацией.

II. Употребление одного ч того же материала: c) целое и части, d) перестановка, e) небольшая модификация,

f) одни и те же слова, употребленные в полном смысле и потерявшие первоначальный смысл.

III. Двусмысленность:

g) обозначение имени собственного и вещи, h) метафорическое и вещественное значение, i) собственно двусмысленность (игра слов), k) двоякое толкование, 1) двусмысленность с намеком.

Сравни К. Фишер, который предлагает для таких двусмысленных острот, в которых оба значения не стоят в одинаковой мере на первом плане, а и которых однозначение оттесняется другим, название «двоякого толкования», выше упомянутое мною в несколько ином смысле. Такое наименование - вещь условная. Практика языка не приняла никакого категорического решения.

Такое разнообразие сбивает нас тем, что мы слишком много внимания уделяем техническим приемам остроумия, и, воз- можно, переоцениваем их значение для познания сущности остроумия. Это предположение вполне возможно, несмотря на тот неопровержимый факт, что острота всякий раз упраздняется, как только мы устраняем работу технических приемов в способе выражения. Поэтому мы ищем единства в этом разнообразии. Возможно, что все эти технические приемы можно привести к одному знаменателю. Соединить вторую и третью группу нетрудно. Двусмысленность, игра слов, является только идеальным случаем употребления одного и того же материала. Последняя рубрика является при этом более объемлющим понятием. Примеры разделения, перестановки одного и того же материала, многократного употребления с легкой модификацией (c, d, e) могли бы не без некоторой натяжки быть отнесены к категории двусмысленности. Но что общего между техникой первой группы - сгущением с

заместительным образованием - и техникой двух последних групп, многократным употреблением одного и того же материала?

Я думаю, что между ними существует простая и очевидная связь. Употребление одного и того же материала является лишь частным случаем сгущения; игра слов - ничто иное, как сгущение без заместительного образования; сгущение остается всеобъемлющей категорией. Укомплектовывающая или, правильнее, экономящая тенденция управляет всеми этими технически- ми приемами. Все является, по-видимому, результатом экономии, как говорит принц Гамлет. [Расчетливость, Гораций! (Пер. Б. Пастернака.)]

Проверим эту экономию на отдельных примерах. Это первый полет орла. Да, но это полет с целью грабежа означает как «полет», так и «грабеж». Не произошло ли при этом сгущение и экономия? По всей вероятности, вся вторая мысль опущена и при этом без всякой замены. Двусмысленность слова сделала излишним такую замену или, что будет так же правильно: слово содержит в себе замену подавленной мысли без того, чтобы первому предложению понадобилось присоединение нового предложения или какого-либо изменения. Именно это является солью такой двусмысленности.

Другой пример: железный лоб - железная касса - железная корона. Какая чрезвычайная экономия в изложении мысли в сравнении с таким изложением, в котором слово «железный» не имело бы места! «При достаточной дерзости и бессовестности нетрудно нажить большое состояние, и в награду за такие заслуги, разумеется, не замедлит явиться дворянство».

Да, в этих примерах сгущение, а, следовательно, и экономия очевидны. Но наличность ее нужно доказать. Где же скрыта экономия в таких остротах как Rousseau - i'oux et sot, Antigone - aittik? о нее, в которых мы сначала не заметили сгущения и которые побудили нас прежде всего установить технику многократного употребления одного и того же материала? Здесь не обойтись одним процессом сгущения, но если мы заменим его покрывающим его понятием «экономия», то вопрос будет решен. Что мы экономим в примерах Rousseau, Антигоны и т. д. - легко сказать. Мы экономим проявление критики, образование суждения. Оба они уже даны в самих именах. В примере Leidenschaft - Eifersucht мы экономим утомительное составление определения: Eifersucht, Leidenschafl и Eifer suchl, Leiden schaffl; прибавить сюда вспомогательные слона, - и определение готово. То же относится ко всем другим проанализированным примерам. Там, где экономия меньше всего, как в игре слов Сафира, там все же сэкономлена, по крайней мере, необходимость вновь создавать текст ответа: «Вы пришли за/ проиграли 100 дукатов»; текст обращения достаточен и для ответа. Этого мало, но именно в этом малом заключается острота. Многократное употребление одного и того же материала как для обращения, так и для ответа относится, конечно, к «экономии». Совсем так, как Гамлет хочет истолковать быструю смену в

последовательности смерти своего отца и свадьбы своей матери:

От похоронных пирогов осталось Холодное на свадебный обед. (Перевод А. Кроисбсрга.)

Но прежде чем принять «тенденцию к экономии» как всеобщую характерную черту техники остроумия и поставить вопрос, откуда она происходит, что она означает и каким образом из нее вытекает получение удовольствия от остроты, мы хотим решить еще одну проблему. Возможно, каждый технический прием остроумия проявляет тенденцию к экономии в способе своего выражения, но обратное положение, как правило, не имеет места. Не каждая экономия в способе выражения, не каждое сокращение является остротой. Мы уже однажды пытались решить этот вопрос, когда надеялись только доказать в каждой остроте процесс сгущения, и тогда уже мы дали обоснованное возражение, что лаконизм еще не есть острота. Должен существовать, следовательно, особый вид сокращения и экономии, от которого зависит характер остроты. Пока мы не знаем этой особенности, одно только нахождение общности в технических приемах остроумия не приблизит нас к разрешению этой проблемы. Кроме того, мы находим в себе мужество сознаться, что эта экономия, создающая технику остроумия, не может нам импонировать. Она напоминает, быть может, экономию некоторых хозяек, которые тратят время и деньги на поездку на отдаленный базар, из-за того только, что там можно достать овощи на несколько копеек дешевле. Какую экономию выгадывает остроумие благодаря своей технике? Произнесение нескольких новых слов, которые можно было бы, в большинстве случаев, найти без труда. Вместо этого острота из кожи лезет вон, чтобы найти одно слово, сразу покрывающее смысл обеих мыслей. К тому же она вынуждена часто превращать способ выражения первой мысли в неупотребительную форму, которая дала бы ей опорные точки для соединения со второй мыслью. Не проще ли, легче и, собственно, экономнее было бы выразить обе мысли так, как это именно нужно, хотя бы при этом и не осуществилась никакая общность выражения? Не будет ли больше чем уничтожена экономия, добытая выраженными словами, излишней тратой интеллектуальной энергии? И кто делает при этом экономию, кому она нужна? Мы можем пока избежать этих сомнений, если перенесем их в другую плоскость. Знаем ли мы уже на самом деле все виды техники остроумия? Конечно, будет предусмотрительнее собрать новые примеры и подвергнуть их анализу.

Мы фактически не задумывались еще над, пожалуй, самой многочисленной группой острот, недооценивая их. Это остроты, которые в общей совокупности называются каламбурами (calembour - фр., Kalauer - нем.) и считаются низшей разновидностью остроумия, вероятно, потому что они –«самые дешевые» и создаются достаточно легко. И, действительно, они предъявляют минимум требований к технике выражения, в то время как настоящая игра слов предъявляет максимум требований. И если в последнем случае оба

значения находят свое выражение в идентичном и потому только один раз употребленном слове, то каламбур удовлетворяется тем, что оба слова, употребляемые для обоих значений, напоминают друг друга благодаря какому-нибудь большому сходству, будь это общее сходство их структуры, рифмоподобное созвучие, общность не- которых начальных букв и т. п. Много примеров таких, не совсем удачно названных <острот по созвучию>, находится в проповеди капуцина в «Лагере Валленштейна».

Не о войне здесь речь - о вине,
Лучше точить себе зубы - не сабли.
Что Оксенштирн вам? - бычачий-то лоб!
Лучше коль целую тушу загреб!..
Рейнские волны погибели полны,
Монастыри все теперь - пустыри,
Все-то аббатства и пустыни ныне
Стали не братства - прямые пустыни.
И представляет весь край благодатный Край безобразия…

(Перевод Л. Men.)

Особенно охотно острота модифицирует гласную букву в слове; например, об одном враждебно относившемся к монархизму итальянском поэте, который затем вынужден был воспевать немецкого кайзера в гекзаметрах, Hcvesi (Almanaccando, Reisen in Italien, c. 87) говорит: «Так как он не мог истребить Цезарей, то он упразднил цезуры».

При том множестве каламбуров, которые имеются в нашем распоряжении, особо интересно отметить действительно неудачный пример, бывший в тягость Гейне. После того, как он долгое время разыгрывал перед своей дамой <индийского принца>, он затем сбрасывает маску и признается: . Недостаток этой остроты заключается в том, что оба сходных слова не просто сходны, а идентичны. Птица, жаркое из которой он ел, называется так потому, что она происходит или должна происходить из той же самой Калькутты.

К. Fischer уделил этим формам остроты много внимания и хочет резко отграничить их от «игры слов». «Каламбур - это неудачная игра слов, потому что он играет словом не как словом, а как созвучием». Игра же слов «переходит от созвучия слова в само слово». С другой стороны, он причисляет также и такие остроты, как «фамилионерно», Антигона (Антично? Ан-ти-гонично) и т. п. к остротам по созвучию. Я не могу согласиться с ним в этом вопросе. В игре слов слово также является для нас только звуковой картиной, с которой связывается тот или иной смысл. Практика языка и здесь не делает никакой резкой разницы, и если она относится к «каламбуру» с пренебрежением, а к «игре слов» с некоторым уважением, то эта оценка, по- видимому, обусловливается другими точками зрения, а не технические приемами. Следует обратить внимание на то, какого рода остроты,

воспринимаемые как «каламбуры». Есть люди, обладающие даром в веселом расположении духа в течение продолжительного времени отвечать каламбуром на каждую обращенную к ним речь. Один из моих друзей, являющийся образцом скромности, когда речь идет о его серьезных достижениях в науке, славится таким даром. Когда общество, которое он однажды уморил таким образом своими каламбурами, выразило свое удивление по поводу его выдержки, он сказал: «Я стою здесь на страже». Kalauer - каламбур), а когда его попросили, наконец, перестать, он поставил условие, чтобы его называли Poela Ka-laureatus. Оба примера являются отличными остротами, путем сгущения со смешанным словообразованием. (Ich liege hier auf der Lauer urn Kalauer zu machen. Я стою здесь на страже, чтобы каламбурить.)

Аналогию этой остроты в русском языке можно было бы создать в следующем виде: человек, который выдавал себя за потомка князя Пожарского и который, наконец, сбросив с себя маску, воскликнул: «Я нас обманул... Я имею такое же отношение к Пожарскому, как и пожарские котлеты которые я вчера ел на обеде». (Я. К.)

Но во всяком случае из спорных мнений, касающихся вопроса об отграничении каламбура от игры слов, мы заключаем, что первый не может помочь нам в изучении совершенно новой техники остроумия. Хотя каламбур и отказывается от притязаний на многосмысленное употребление одного и того же материала, центр тяжести все же падает на повторение уже известного, на аналогию служащих для каламбура слов, и, таким образом, последний является только подвидом группы, которая достигает своей вершины в игре слов.

Но в действительности есть остроты, в технике которых почти совершенно отсутствует всякая связь с техникой рассмотренных нами до сих пор групп.

Рассказывают, что однажды вечером Гейне встретился в одном парижском салоне с поэтом Soulie и вступил с ним в беседу. В это время в зал вошел один из тех парижских денежных королей, которых по богатству сравнивают с Мидасом, и был тотчас окружен толпой, которая обходилась с ним с величайшей почтительностью. «Посмотрите-ка, - сказал Soulie, обращаясь к Гейне, - как там девятнадцатое столетие поклоняется золотому тельцу». Бросив беглый взгляд на объект почитания, Гейне, словно внося поправку, сказал: «О, он должен быть уже старше». (К. Fischer).

В чем заключается техника этой великолепной остроты? В игре слов, по мнению К. Fischer'a: «Так, например, слова "золотой телец" могут обозначать мамону, а также служение идолу; в первом случае центром тяжести является золото, во втором - изображение животного. Слова эти могут служить и не для совсем лестного прозвища какого-либо человека, имеющего много денег и мало ума». Если мы попробуем устранить выражение 2золотой телец», то этим уничтожим остроту. Тогда Soulie должен был бы сказать:

«Посмотрите-ка, как люди лебезят перед придурком, только потому, что он богат», а это не остроумно. Ответ Гейне в этом случае также стал бы невозможен.

Но мы должны напомнить, что речь идет вовсе не об остроумном сравнении Soulie, а об ответе Гейне, который, безусловно, гораздо остроумнее. Но тогда мы не имеем никакого права касаться фразы о золотом тельце. Эта фраза остается необходимым условием для слов Гейне, и редукция должна коснуться только этих последних. Если мы будем передавать содержание слов: «О, он должен быть уже старше», то сможем заменить их примерно так: «О, это уже больше не теленок, это уже взрослый бык». Итак, для остроты Гейне является излишним то, что он употребляет «золотой телец» не в метафорическом, а в личном смысле, относя его к самому денежному тузу. Не содержалась ли уже эта двусмысленность в мнении Soulie!

Но что же? Мы замечаем, что эта редукция не уничтожает остроту Гейне, а наоборот, оставляет неприкосновенной ее сущность. Теперь дело обстоит так, что Soulie говорит: «Посмотрите-ка, как там девятнадцатое столетие поклоняется золотому тельцу!», а Гейне отвечает: «О, это уже больше не телец, это - уже бык». И в таком редуцированном изложении это все-таки еще острота. Другая же редукция слов Гейне невозможна.

Жаль, что в этом прекрасном примере содержатся такие сложные технические условия. Мы не можем сделать из него какой-либо вывод, поэтому оставляем его и ищем другой пример, где надеемся уловить внутреннее родство с предыдущим.

Это одна из <купальных острот>, которые имеют своей темой боязнь галицийских евреев перед купаньем. Мы не требуем от примеров дворянской грамоты, не спрашиваем об их происхождении, а только об их способности, могут ли они вызвать в нас смех и заслуживают ли они теоретического интереса. Но именно еврейские остроты больше всего отвечают этим требованиям.

Два еврея встречаются вблизи бани. «Взял ты уже ванну?» спрашивает один. – «Как, - спрашивает в свою очередь другой, - разве не хватает одной?»

Один друг жалуется при встрече другому: «Дела идут очень, плохо. Я потерял голову». – «А кто ее нашел?» - спрашивает другой. (Я. К.)

Когда человек смеется от всего сердца над остротой, тогда он не особенно расположен исследовать ее технику. Поэтому освоиться с этими анализами несколько трудно. «Эго - комическое недоразумение» - легче всего напрашивается именно такое объяснение. - Хорошо, но какова техника этой остроты? - Очевидно, двусмысленное употребление слова «взять», «терять». Для одного - это бесцветный вспомогательный глагол; для другого - глагол в прямом значении. Итак, это случай слова, имеющего полный смысл и потерявшего свой первоначальный прямой смысл (Группа II, f). Если мы заменим выражение «взять ванну» равноценным, более простым «купаться» (или во втором примере «терять голову» -

«отчаиваться», то острота пропадает. Ответ больше не подходит. Итак, острота происходит опять-таки за счет выражения «взять ванну» («терять голову»).

Совершенно верно. Однако кажется, что и в этом случае редукция поставлена не в нужном месте. Острота заключается не в вопросе, а в ответе, в ответном вопросе: «Как? Разве не хватает одной?» («А кто ее нашел?») И этот ответ нельзя лишить заключающегося в нем остроумия никакой распространенностью изложения или изменением его, лишь бы оно не нарушало смысла ответа. У нас создается впечатление, что в ответе второго еврея недосмотр слова «ванна» («голова») имеет больше значения, чем непонимание слова «взять» («терять»). Но и здесь мы неясно видим это и обратимся к третьему примеру.

Это - опять-таки еврейская острота, но она имеет только еврейские аксессуары, ядро же ее носит общечеловеческое значение. Конечно, и этот пример имеет свои нежелательные осложнения, но, к счастью, не те, которые до сих пор не давали ясности нашего понимания.

Один обедневший человек занял у зажиточного знакомого 25 флоринов, уверив его в своем бедственном положении. В тот же день благотворитель застает его в ресторане перед тарелкой семги с майонезом. Он упрекает его: «Как, вы занимаете у меня деньги, а потом заказываете себе семгу с майонезом. Для этого вам понадобились мои деньги?» - «Я не понимаю, - отвечает обвиняемый, - когда я не имею денег, я не *могу* кушать семгу с майонезом, когда я имею деньги, я не *смею* кушать семгу с майонезом. Когда же я собственно буду кушать семгу с майонезом?»

Здесь не найти следов двусмысленности. Повторение слов «семга с майонезом» тоже не может заключать в себе техники этой остроты, так как оно не является «многократным употреблением» одного и того же материала, а действительным повторением требуемого по содержанию идентичного выражения. Мы остаемся некоторое время беспомощными перед этим анализом и захотим, быть может, увильнуть от него, оспаривая за этим анекдотом, заставившим нас смеяться, характер остроты.

Но что замечательного можно сказать об ответе обедневшего? Что ему собственно поразительным образом придан характер логичности. Но это - неправильно; ответ не логичен. Этот человек, наоборот, защищается тем, что он употребил данные ему взаймы деньги на лакомый кусочек, и с видом человека, имеющего право на это, спрашивает - когда же он собственно может кушать семгу. Но это вовсе не есть правильный ответ. Давший ему деньги взаймы совсем не упрекает его в том, что ему захотелось семги, как раз в тот день, когда он занял деньги, а напоминает ему о том, что он при настоящем своем положении вообще не имеет права думать о таких деликатесах. Этот единственно возможный смысл упрека обедневший гурман оставляет без внимания и отвечает на что-то другое, как будто он не понял упрека.

Не заложена ли в этом увиливании ответа от смысла упрека техника этой остроты?

Подобное изменение точки зрения, передвигание психического акцента можно было бы доказать и в прежних примерах.

И вот оказывается, что это можно доказать очень легко и таким образом вскрыть подлинную технику этих примеров. Soulie обращает внимание Гейне на то, что общество в девятнадцатом столетии почитает «золотого тельца» так, как это делали некогда иудеи в пустыне. На это должен был бы последовать примерно следующий ответ Гейне: «Да, такова человеческая природа, тысячелетия ничего не изменили», или еще что-нибудь вроде этого, выражающее его согласие с Soulie. Но Гейне уклоняется в своем ответе от упомянутых мыслей. Он отвечает вообще не по существу, а пользуется двусмысленностью, предоставляемой фразой «золотой телец», чтобы избрать побочный путь; он выхватывает одну составную часть фразы «телец»и отвечает так, как будто на это слово падало ударение в речи Soulie: «О, это уже не телец» и т.д.

Ответ Гейне является комбинацией двух технических приемов остроумия: уклонения (от прямого ответа) и намека. Он ведь не говорит прямо: это - бык.

Еще яснее это уклонение в остроте о купании. Этот пример требует графического изображения:

Первый спрашивает: «Взял ты ванну». Ударение падает на элемент: «ванна».

Второй отвечает так, как будто вопрос гласил: «Взял ты ванну?»

Текст «взял ванну» делает возможным только такое передвигание ударения. Если бы вопрос гласил: «Ты купался?», то, конечно, никакое передвигание не было бы возможным. Неостроумный ответ был бы тогда таков: «Купался? Что ты подразумеваешь? Я не знаю, что это такое». Техника же этой остроты заключается в передвиганий ударения с «ванны» на «взять».

Все вышесказанное о выражении «взял ванну» относится и к аналогичному выражению «потерял голову». Первый друг говорит: «Я потерял голову!» Ответ второго: «А кто нашел ее?» относится только "к слову «потерял» и передвигает, таким образом, на это слово психический акцент. Передвигание это облегчается до некоторой степени тем, что слово «терять» может быть употреблено в самых разнообразных значениях. Так, например, общеупотребительны выражения: терять почву под собой, терять надежду, терять состояние, потерянный человек, растеряться и т. д. (Я. К.)

Вернемся к примеру с «семгой с майонезом», как к самому чистому случаю передвигания. Исследуем новое в этом примере в различных направлениях. Прежде всего мы должны как-нибудь назвать открытую здесь технику. Я предлагаю обозначить ее как передвигание, поскольку сущность ее состоит в отклонении хода мыслей, в передвиганий психического акцента с первоначальной темы на другую. Затем мы исследуем, в каком отношении стоит техника передвигания к способу выражения остроты. Наш пример (семга с

майонезом) указывает, что острота, возникающая путем передвигания, в достаточной степени независима от словесного выражения. Она зависит не от слова,

Слово «взять» весьма пригодно вследствие своей способности к многостороннему употреблению для создания такой игры слов. Вот чистый пример, который я хочу сообщить в противоположность вышеприведенной остроте, возникшей путем передвигания: «Известный биржевик и директор банка гуляет со своим другом по улице. Перед одним кафе он ему предлагает: "Войдем и возьмем что-нибудь". Друг удерживает его от этого: "По г. тайный советник, там ведь есть люди"» а от хода мыслей. Чтобы уничтожить ее, недостаточно произ- вести замену слов, сохраняя смысл ответа. Редукция возможна только в том случае, если мы изменим ход мыслей и заставим лакомку прямо ответить на упрек, которого он избегает в этом изложении остроты. Тогда редуцированное изложение будет гла- сить: <Я не могу отказать себе в том, что мне нравится, а откуда я беру деньги для этого - мне безразлично. В этом вы имеете объяснение того, почему я именно сегодня ем семгу с майонезом после того, как вы дали мне взаймы деньги>. Но это было бы не остротой, а цинизмом.

Поучительно будет сравнить эту остроту с другой, очень близкой ей по смыслу.

Один человек, подверженный пьянству, добывал себе средства к существованию тем, что давал уроки. Но его порок постепенно стал известен, и вследствие этого он потерял большинство своих уроков. Одному его другу было поручено взяться за его исправление. <Посмотрите, вы могли бы иметь лучшие уроки в городе, если бы вы отказались от пьянства. Итак, сделайте это>. - <Что вы предлагаете мне? - был негодующий ответ. - Я даю уроки с тем, чтоб иметь возможность нить; должен ли я отказаться от пьянства с тем, чтобы я получил уроки!>

Эта острота также имеет внешний вид логичности, который бросился нам в глаза в случае <семги с майонезом>. Но это уже не острота, возникающая путем передвигания. Это прямой ответ на вопрос. Цинизм, который там скрыт, здесь откровенно признается. <Пьянство для меня - самое главное>. Техника этой остроты собственно очень убога и не может объяснить ее действия. Она заключается лишь в перестановке одного и того же материала, строго говоря, лишь в превращении отношения средств и цели между пьянством и получением уроков. Не оттеняя в редукции этого момента, я уничтожаю эту остроту, излагая ее примерно так: <Что это за бессмысленное требование? Главным для меня является пьянство, а не уроки. Уроки для меня только средство, чтобы иметь возможность пит>, дальше>. Таким образом острота происходит в действительности за счет способа выражения.

В остроте о купании зависимость остроты от текста (взял ты ванну?) очевидна, и изменение его ведет к упразднению остроты. Здесь техника более сложна и является сочетанием двусмысленности (подвида 0 и передвигания. Текст вопроса

допускает двусмысленность, и острота осуществляется благодаря тому, что ответ имеет в виду не того, кто ставит вопрос, а связывается с побочными мыслями. Соответственно этому мы можем найти редукцию, которая делает возможным существование двусмысленности и все-таки упраздняет остроту благодаря тому, что мы уничтожаем передвигание:

- <Взял ты ванну?> - <Что я должен был взять? Ванну? Что это такое?> Но это уже больше не острота, а неудачное или шутливое преувеличение.

[Соответственно этому аналогичная редукция остроты о <по- тере головы> гласила бы: <Я потерял голову>. - <Каким обра- зом? Ведь она крепко сидит на плечах>. (Я. К.)]

Совсем такую же роль играет двусмысленность в остроте Гейне о <золотом тельце>. Она дает возможность ответу укло- ниться от упомянутого хода мыслей, причем такое же уклонение имеет место в остроте о <семге с майонезом>, не примыкая в ней так близко к тексту. В редукции речь Soulic и ответ Гейне гласили бы примерно так: <Вид этого общества, лебезя- щего перед человеком только потому, что он богат, живо напоминает мне о поклонении золотому тельцу>. - А Гейне отвечает: <То, что его почитают так за его богатство, это еще небольшая беда. Вы еще не ясно оттеняете, что ему прощают его глупость за его богатство>. Этим при сохранении двусмыс- ленности была бы упразднена острота, возникающая путем передвигания.

Теперь мы должны ответить на возражение: как разграничить друг от друга эти мудреные различия, если они все-таки стоят в тесной связи друг с другом. Не является ли каждая дву- смысленность поводом к передвиганию, к отклонению хода мыслей от одного смысла к другому? Или мы должны согла- ситься с тем, что <двусмысленность> и <передвигание> нужно считать представителями двух различных типов техники ост- роумия? Конечно, между двусмысленностью и передвиганием существует связь, но она не имеет ничего общего с распозна- ванием технических приемов остроумия. При двусмысленности острота не содержит в себе ничего, кроме многократного тол- кования пригодного к этому слова, которое дает слушателю возможность найти переход от одной мысли к другой, причем этот переход можно было бы приблизительно - с некоторой натяжкой - поставить наряду с передвиганием. При остроте же, возникающей путем передвигания, сама острота содержит в себе ход мыслей, в котором произведено такое передвигание. Передвигание относится здесь к той работе, которая создала остроту, а не к той, которая необходима для понимания остроты. Если это различие для нас не очевидно, то мы имеем в редукции верное средство, которое может наглядно показать нам это различие. Но мы не хотим оспорипать ценность этого возражения. Благодаря ему мы обратим внимание на то, что не должны сваливать в одну кучу психические процессы при образовании остроты (работа остроумия) с психическими про- цессами при восприятии

остроты (работа понимания). Только первые процессы являются предметом нашего настоящего ис- следования^.

Существуют ли другие примеры техники передвигания? Их нелегко найти. Чистым примером, которому также не достает так сильно подчеркиваемой в нашем образце этой категории острот логичности, является следующая острота:

Торговец лошадьми рекомендует покупателю верховую ло- шадь: <Если вы возьмете эту лошадь и сядете на нее в 4 часа утра, то в 6.30 вы будете в Прессбурге>. - <А что я буду делать в Прессбурге в 6.30 утра?>

Передвигание здесь произведено блестяще. Торговец упоми- нает о раннем прибытии в маленький городок, очевидно, только имея в виду доказать на примере быстроту бега лошади. Покупатель не принимает во внимание быстроходности лошади, в чем он больше не сомневается, и входит только в обсуждение чисел, упомянутых в примере. Редукцию этой остроты дать нетрудно.

Большие трудности представляет другой, очень неясный по своей технике пример, который все же можно разгадать как двусмысленность с передвиганием. Эта острота рассказывает об

О последних процессах см. дальнейшие главы. Пожалуй, здесь не излишни будут несколько слов для дальнейшего понимания. Передвнганне всегда имеет место между обращением и ответом, который продолжает ход мыслей в ином направлении, чем то, в котором была начата речь. Оправдание отграничению передвигания от двусмысленности вытекает яснее всего из тех примеров, в которых имеется комбинация обоих фактов, где. следовательно, текст речи допускает двусмысленность, которая нс имелась в виду гопоря- щим, а ответ указывает путь к передвигашно. уловке <шадхена> (посредника при заключении брака у евреев) и относится к группе, которой мы еще посвятим много вни- мания.

Шадхен заверил жениха, что отца девушки нет в живых. После обручения выясняется, что отец еще жив и отбывает тюремное наказание. Жених упрекает шадхена. <А что я вам сказал? - говорит последний. - Разве это жизнь?>

Двусмысленность заключается в слове <жизнь>, и передви- гание состоит в том, что шадхен переходит от обычного смысла, противоположностью которого является <смерть>, к тому смыслу, который имеет это слово в обороте речи: <Это - не жизнь>. При этом он дает запоздалое объяснение своему выражению, хотя это многократное толкование здесь не подходит. Эта техника очень сходна с техникой остроты о <золотом тельце> и о <ванне>. Но здесь следует принять во внимание еще и другой момент, который благодаря показательности мешает пониманию техники. Можно было бы сказать, что эта острота характеризует: она стремится иллюстрировать примером характерную для по- средников

брака смесь лживой дерзости и находчивости ост- роумия. Мы услышим, что это только показная сторона, фасад остроты; его смысл, т. е. его цель другая. Но в данный момент мы не будем останавливаться на попытке создания редукции этой остроты^

После этих сложных и трудно поддающихся анализу при- меров нам все-таки доставило бы удовлетворение, если бы мы могли распознать в одном случае чистый и ясный пример <остроты, возникшей путем передвигания>. Проситель приносит богатому барону прошение о выдаче вспомоществования для поездки в Остендэ. Врачи рекомендовали ему для восстановления его здоровья морской курорт. <Хорошо, я вам дам немного денег для этой цели, - говорит богач, - но должны ли вы поехать именно в Остендэ, в самый дорогой из всех морских курортов?> - <Господин барон, - гласит обиженный ответ, - ничто не дорого для меня, когда речь идет о моем здоровье>. -

См. ниже главу III. 56

Это, конечно, правильная точка зрения, но только неправильная для просителя. Ответ был дан с точки зрения богатого человека. Проситель ведет себя так, как будто это будут его собственные деньги, которыми он должен пожертвовать для своего здоровья, как будто деньги и здоровье относятся в данном примере к одному и тому же лицу.

Обратимся вновь к сТоль поучительному примеру с <семгой с майонезом>. Мы видели в нем только его показную сторону, по которой можно было бы судить о поразительной силе логической мысли, но благодаря анализу мы узнали, что эта логичность имела целью скрыть недочет мышления, а именно передвигание хода мыслей. Исходя из этого мы можем, хотя бы путем ассоциации по контрасту, вспомнить о других ост- ротах, которые в противоположность только что упомянутой открыто выставляют напоказ нечто несуразное, бессмыслицу, нелепость. Мы полюбопытствуем узнать, в чем состоит техника этих острот.

Я привожу самый яркий и вместе с тем самый чистый пример всей этой группы. Это опять-таки еврейская острота.

Исаак был назначен в артиллерию. Он, очевидно, смышленый малый, но непослушен и к службе относится без интереса. Один из его начальников, который был к нему расположен, отводит его в сторону и говорит ему: <Исаак, ты нам не годишься. Я дам тебе совет: купи себе пушку и работой само- стоятельно>.

Совет, над которым можно от души посметься, является очевидной бессмыслицей. Пушек для продажи не существует, и один человек не может быть самостоятельным как вооруженная сила так, как это имеет место в торговле. Но для нас ни на одну минуту не подлежит сомнению, что этот совет не является пустой бессмыслицей, а остроумной бессмыслицей, отличной остротой. Но благодаря чему бессмыслица становится остротой?

Нам не придется долго размышлять над этим. Из приве- денных во введении

рассуждений авторов можно догадаться, что в такой остроумной бессмыслице скрывается смысл и что именно этот смысл в бессмыслице превращает бессмыслицу в остроту. Смысл в нашем примере найти легко. Офицер, который дал бессмысленный совет артиллеристу Исааку, только притво- ряется дурачком,

чтобы показать Исааку, как глупо тог себя ведет. Он копирует Исаака. <Я хочу теперь дать тебе совет, который точь-в-точь так же глуп, как и ты>. Он соглашается с глупостью Исаака и ставит ее ему на вид, делая ее основой предложения, которое должно соответствовать желаниям Исаака, т. к., если бы Исаак владел собственной пушкой и промышлял бы орудием войны за свой собственный счет, как пригодились бы ему тогда его сообразительность и его честолюбие!

Я прерываю анализ этого примера, чтоб показать тот же смысл бессмыслицы на одном более кратком и более простом, но менее ясном случае остроты-бессмыслицы.

<Никогда не родиться - было бы салаш лучшим уделом для смертных детей человечества>. <Но, - прибавляют мудрецы из "Fliegende BISlter", - среди 10 тысяч человек вряд ли найдется один, который воспользовался бы этои во-июжностыо>.

Современное добавление к древней мудрой поговорке является очевидной бессмыслицей, которая становится еще более нелепой благодаря кажущемуся предусмотрительным <вряд ли>. Но оно связано с первым предложением как неоспоримо верное огра- ничение и может, таким образом, открыть нам глаза на то, что эта приемлемая с благоговением мудрость немногим лучше бессмыслицы. Кто вовсе не родился, тот вообще не является дитятей человечества; для него не существует ни хорошего, ни самого лучшего. Бессмыслица в остроте служит здесь, таким образом, для открытия и изображения другой бессмыслицы, как в примере артиллериста Исаака.

Я могу присоединить сюда третий пример, который по своему содержанию вряд ли заслуживал бы подробного изло- жения, но который особенно отчетливо выясняет опять-таки применение бессмыслицы в остроте для изображения другой бессмыслицы.

Один человек, уезжая, поручил свою дочь своему другу с просьбой, чтоб он охранял во время его отсутствия ее добро- детель. Он вернулся спустя несколько месяцев и нашел ее забеременевшей. Разумеется, он начал упрекать своего друга. Последний, по-видимому, не мог объяснить себе этого несча- стного случая. <Где же она спала?> - спросил, наконец, отец. - <В комнате с моим сыном>. - <Но как же ты мог позволить ей спать в одной комнате с твоим сыном после того, как я просил тебя охранять ее?> - <Но между ними была ширма.

Там была кровать твоей дочери, тут - кровать моего сына, а между ними - ширма>. - <А если он зашел .ча ширму?> - <Разве так, - сказал второй задумчиво, - пюгди это было возможно>.

От этой не совсем удачной по своим остальным качествам остроты мы легче всего можем перейти к редукции. Она, очевидно, должна была бы гласить: ты не имеешь никакого права упрекать меня. Как же ты мог быть так глуп и оставить свою дочь в доме, в котором она должна была жить в посто- янном обществе молодого человека? Как будто возможно было бы постороннему человеку нести при таких обстоятельствах ответственность за добродетель девушки. Кажущаяся глупость друга здесь является, таким образом, только отображением глупости отца. Редукцией мы устранили нелепость в остроте, а с ней упразднили и самую остроту. От элемента <нелепость> мы не избавились. Она находит себе другое место в связи с предложением, редуцирующим ее смысл.

Теперь мы можем попытаться произвести редукцию остроты о пушке. Офицер должен был бы сказать: <Исаак, я знаю, что ты смышленый делец. Но я говорю тебе, что ты делаешь большую глупость, не понимая, что на военной службе дело не может обстоять так, как в деловой жизни, где каждый работает на свой риск, конкурируя с другими. На военной службе необходимо подчиняться и действовать сообща>.

Таким образом, техника приведенных до сих пор острот- бессмыслиц заключается в том, что нам преподносится неле- пость, бессмыслица, смысл которой заключается в наглядном выяснении, изображении другой какой-нибудь бессмыслицы и нелепости.

Имеет ли употребление бессмыслицы в технике остроумия всякий раз такое значение? Я привожу здесь еще один пример. который отвечает на этот вопрос в положительном смысле.

Когда Фокиона однажды после речи наградили аплодисмен- тами, он, обратясь к своим друзьям, спросил: <Разве я сказал что-нибудь нелепое^.>

Этот вопрос звучит как бессмыслица. Но мы вскоре понимаем его смысл. <Разве я сказал что-нибудь такое, что могло понравиться этому глупому народу? Я, собственно, должен был бы стыдиться этого одобрения; если это понравилось глупцам, то оно само было не очень-то разумно>.

Другие примеры могут указать на то, что бессмыслица часто употребляется в технике остроумия, не служа цели изображения другой бессмыслицы.

Одного известного университетского преподавателя, который обычно обильно уснащал остротами свой малонравишпийся слушателям специальный предмет, в день рождения его млад- шего сына поздравили с тем, что ему было дано и удел счастье иметь ребенка уже в таком преклонном возрасте. <Да, - воз- разил он человеку, желавшему ему счастья, - поразительно, что могут произвести человеческие руки>. Этот ответ кажется особенно бессмысленным и неуместным. Детей называют ведь благословением бога прямо в

противоположность творению че- ловеческих рук. Но сейчас же нам приходит в голову, что этот ответ имеет смысл, и именно скабрезный смысл. Здесь нет и речи о том, что счастливый отец хочет притвориться глупым, чтобы назвать глупым что-то или кого-то. Кажущийся бес- смысленным ответ действует на нас ошеломляюще, смущающе, как мы сказали бы вместе с авторами, писавшими об остроумии. Мы слышали, что авторы усматривали все действие таких острот в смене <смущения и внезапного уяснения>. Мы попы- таемся позже создать свое суждение об этом. Пока мы удо- вольствуемся лишь тем, что техника этой остроты заключается в преподношении нам такого смущающего^ бессмысленного ответа.

Совсем особое место среди этих острот-бессмыслиц занимает острота Lichtenberg'a.

Он удивился, что у кошек вырезаны две дыры как раз в том месте их шкурки, где у них должны быть глаза. Удивляться чему-то само собой разумеющемуся, чему-то, что может быть объяснено только идентичными словами, - конечно, нелепость. Это напоминает об одном всерьез понимаемом восклицании у Michclet (Das Weib), которое, насколько я помню, гласит при- близительно так: <Как хорошо все устроено в природе, что ребенок, как только он появляется на свет, имеет мать, готовую принять его на свое попечение!> Фраза Michelet - действительно нелепость, фраза же Lichtenberg'a - острота, которая пользуется нелепостью для какой-то цели, за которой что-то скрывается. Что именно, этого мы, конечно, не можем указать в данный момент.

Из двух групп примеров мы узнали, что работа остроумия пользуется двумя уклонениями от нормального мышления, сгу- щением и бессмыслицей как техническими приемами для со- здания остроумного выражения. Мы вправе ожидать, что и другие ошибки мышления могут найти такое же применение. Действительно, можно указать несколько примеров такого рода.

Один гражданин приходит в кондитерскую и приказывает дать себе торт, но вскоре отдает его обратно и требует вместо него стаканчик ликеру. Он выпивает его и хочет уйти, не заплатив. Владелец лавки задерживает его. <Что вам угодно от меня?> - <Вы должны заплатить за ликер>. - <Ведь я отдал вам за него торт>. - <Но ведь вы за него тоже не заплатили> - <Но ведь я его и нс ел>.

И этот рассказ имеет видимость логичности, которая служит удобным фасадом для ошибки мышления. Ошибка заключается, очевидно, в том, что хитрый покупатель создает между воз- вращением торта и получением ликера соотношение; на самом деле не существовавшее. Суть вещей распадается на два процесса, которые для продавца друг от друга независимы и только по собственному предположению покупателя стоят в соотношении замены одного другим. Он сначала взял и возвратил торт, за который, следовательно, ничего не должен заплатить, затем он берет ликер и за него должен заплатить. Можно сказать, что покупатель двусмысленно употребляет выражение <за это>,

пра- вильнее говоря, он создает с помощью двусмысленности связь, не имеющую фактических оснований^.

Теперь нам представляется удобный случай сделать немало- важное признание. Мы исследуем технику остроумия на при- мерах и, следовательно, должны быть уверены, что выбранные

Подобная техника бессмысленности получается в том случае, когда острота может сохранить связь, которая оказывается упраздненной благодаря особым условиям ее содержания. Сюда относится нож Lichtenberg'a без клинка, где отсутствует рукоятка. Такова же острота, рассказанная J. Faike. <То ли это место, где Duke of Wellington произнес эти слова?> - <Да, это то место. но этих слов он никогда не произносил>. примеры действительно являются истинными остротами. Но дело обстоит таким образом, что в ряде случаев, мы колеблемся, следует ли назвать соответствующий пример остротой или нет. В нашем распоряжении не будет такого критерия до тех пор, пока само исследование не даст нам его. Ходячее мнение ненадежно и само нуждается в проверке своей правильности. При решении выдвинутого вопроса мы можем опереться только на некоторое <чутье>, которое мы понимаем в том смысле, что судим о чем-нибудь согласно уже существующим определенным критериям, еще недоступным нашему пониманию. Ссылку на это чутье мы не будем выдавать за достаточное обоснование. Мы сомневаемся, должны ли считать последний пример ост- ротой, софистической остротой или просто софизмом. Кроме того, мы не знаем еще, в чем заключается характер остроты.

Наоборот, нижеследующий пример, который выявляет более грубую ошибку мышления, является несомненной остротой. Это опять-таки история с посредником брака.

Шадхен защищает девушку, которую предлагает в качестве невесты, от недостатков, отмечаемых молодым человеком. <Теща мне не нравится, - говорит этот последний, она - ехидный, глупый человек>. - <Ведь вы женитесь не на теЩ^, а на дочери>. - <Да, но она уже не молода и лицом она тоже не хороша>. - <Это ничего, если она не молода и не красива, тем более она будет вам верна>. - <Денег там тоже не много>. - <Кто говорит о деньгах? Разве вы женитесь на деньгах? Вы ведь хотите иметь жену>. - <Но, ведь, она к тому еще и горбата!> - <А что же вы хотели? Чтоб она не плтла ни одного недостатка?>

Таким образом речь идет, действительно, о немолодой, не- красивой девушке с небольшим приданым, причем у нее от- талкивающая мать, и кроме того, она награждена безобразным уродством. Это отнюдь не заманчивые условия для заключения брака. Но посредник умеет при каждом отдельном из этих недостатков указать на ту точку зрения, благодаря которой можно с ним примириться. Непростительный горб он в итоге оценивает как единственный недостаток, который нужно про- стить каждому человеку. И здесь есть видимость логичности, характерной для софизма, которая должна скрыть ошибку мыш-

ления. Девупп имеет очевидные, явные недостатки: несколько таких, которые можно простить, и один такой, которого простить нельзя. Она не подходит для брака. Но посредник ведет себя таким образом, как будто каждый отдельный недостаток уст- раняется благодаря его возражению, в то время как в дейст- вительности каждый из них до некоторой степени обесценивает выгоды брака, и все эти недостатки вскоре суммируются в одно общее впечатление. Посредник настаивает на обсуждении каждого фактора в отдельности и сопротивляется их объедине- нию.

Та же ошибка мышления является ядром другого софизма, по поводу которого можно много смеяться, но можно и со- мневаться, вправе ли мы называть его остротой.

А взял у В медный котел. После того, как котел был возвращен, В предъявил к А иск, т. к. в котле была большая дыра, благодаря которой он стал негоден для употребления. А защищается: <Во-первых, я вообще не брал копив у В, во-вторых, в К0111ЛС уже была дыра, когда я взял его у В, в-третьих, я вернул котел в целости>. Каждое возражение в отдельности само по себе хорошо, но, взятые вместе, они исключают друг друга. А обсуждает изолированно то, что должно быть рассматриваемо в связи друг с другом, точь-в-точь так, как поступает посредник с недостатками невесты. Можно также сказать: А ставит <и> на том месте, на котором возможно только <либо-либо>.

Другой софизм мы находим в следующей истории с по- средником брака.

Жених замечает, что у невесты одна нога короче другой и что она хромает. Шадхен вступает с ним в спор. <Вы неправы. Предположите, что вы женитесь на женщине с здоровыми, равными конечностями. Какой вам расчет? Вы ни на одну минуту не будете спокойны, что она не упадет, не сломает себе ногу и не останется хромой на всю жизнь. А потом боль, волнение, расходы на врача! Если же вы женитесь на этой девушке, то с вами этого не может случиться, здесь вы имеете готовое дело>.

Видимость логики здесь очень невелика, и никто не захочет отдать предпочтение уже <готовому несчастью> перед несчастьем, только могущим произойти. Ошибку, содержащуюся в ходе мысли, можно будет легче выявить на втором примере, на истории, в изложении которой я не могу избежать жаргона.

В храме в Кракове сидит великий раввин N и молится со своими учениками. Внезапно он издает крик и, спрошенный своими озабоченными учениками, говорит: <Только что умер великий раввин L в Лемберге>. Община накладывает траур по умершему. В течение ближайших нескольких дней опрашиваются прибывающие из Лемберга, как умер раввин, чем он был болен, но они ничего не знают об этом, они оставили его в наилучшем самочувствии. Наконец, выясняется вполне определенно, что раввин L не умер в тот момент, когда раввин N телепатически почувствовал его смерть, так как он жив еще до сих пор. Иноверец воспользовался удобным случаем, чтобы подтрунить над учеником краковского

раввина по поводу этого события. <Большой позор для вашего раввина, что он увидел тогда раввина L умирающим в Лемберге. Этот человек жив еще поныне>. - <Это ничего, - возражает ученик, - взгляд от Кракова до Лемберга был все же великолепен>.

Здесь открыто признается общая двум последним примерам ошибка мышления. Ценность фантастического представления без всякого зазрения превозносится в сравнении с реальностью. Дальновидный взгляд через пространство, отделяющее Краков от Лемберга, был бы импозантным телепатическим актом, если бы он передал нечто действительно происшедшее, но это неважно для ученика. Ведь было все-таки возможно, чтобы раввин L умер в Лемберге в тот момент, когда краковский раввин провозгласил о его смерти; ученик же передвинул акцент с условия, при котором поступок учителя был бы достоин удивления, на безусловное удивление этим поступком. свидетельствует о подобной же точке зрения. Точно так же, как в этом примере, реальность не принимается во внимание, и ей предпочитается возможность, так и в предыдущем примере посредник брака требует от жениха, чтобы он принял во внимание возможность того, что женщина может благодаря несчастному случаю стать хромой, и оценил эту возможность как нечто более многозначительное, в сравнении с чем вопрос, действительно ли она хрома или нет, отступает на задний план.

К этой группе софистических ошибок мышления примыкает другая интересная группа, в которой ошибку мышления можно назвать автоматической. Быть может, это только каприз случая, что все примеры этой новой группы, которые я приведу, относятся опять-таки к историям с шадхенами.

Шадхен привел с собой для переговоров о невесте помощника, который должен был подтверждать все его сведения. <Она стройна, как ель>, - говорит шадхен. - <Как ель>, - повторяет эхо. - <А глаза у нее такие, что их нужно посмотреть>. - <Ах, какие глаза у нее>, - подтверждает эхо. - <А образована она, как никакая другая девушка>. - <И как образованна!> - <Но одно, правда, - признается посредник, - она имеет не- большой горб>. - <Но какой горб>, - подкрепляет опять эхо. Другие истории вполне аналогичны, но они более остроумны.

Жених при знакомстве с невестой неприятно поражен и отводит посредника в сторону, чтобы сообщить ему о недо- статках, которые он нашел в невесте. <Зачем вы привели меня сюда? - спрашивает он с упреком. - Она отвратительна и стара, она косит; у нее плохие зубы и слезящиеся глаза...> - <Вы можете говорить громко, - вставляет посредник, - она глуха тоже>.

Жених делает первый визит в дом невесты вместе с по- средником, и в то время, как они ожидают в гостиной появления семьи, посредник обращает его внимание на стеклянный шкаф, в котором выставлена напоказ серебряная утварь. <Взгляните сюда. По этим вещам вы

можете судить, как богаты эти люди>. - <А разве невозможно, - спрашивает недоверчивый молодой человек, - что эти вещи были взяты взаймы только для этого случая с той целью, чтобы произвести впечатление богатства?> - <Ну, что приходит вам в голову, - отвечает, возражая посредник, - разве можно доверить эпиш людям что-нибудь^

Во всех трех случаях происходит одно и то же. Человек. который несколько раз подряд реагирует одинаковым образом, продолжает этот способ выражения также и по ближайшему поводу, который оказывается неподходящим и противоречит тем целям, к которым стремится этот человек. Он не видит необходимости приспосабливаться к требованиям ситуации и поддается автоматизму привычки. Так, помощник посредника в первом рассказе забывает, что его взяли с собой для того, чтобы он подавал голос в пользу предлагаемой невесты, и до сих пор он оправдывал возложенную на него задачу, подчеркивая своим повторением указываемые положительные черты невесты, но затем он подчеркивает и ее робко признаваемый горб, который он должен был бы преуменьшить. Во втором рассказе посредник был так увлечен перечислением недостатков и пороков невесты, что он дополняет их список теми недостатками, о которых знает только он один, хотя это, конечно, не входит в круг его обязанностей и намерений. В третьем рассказе, наконец, он настолько увлекается рвением уверить молодого человека в богатстве этой семьи, что он, желая оказаться правым в одном только пункте доказательства, приводит довод, уничтожающий все его старания. Повсюду автоматизм берет верх над целесообразным изменением мышления и выражения.

Это легко понять, но это должно сбить нас с толку, если мы обратим внимание на то, что эти три истории могут- быть названы комическими с таким же правом, с каким мы привели их в качестве остроумных. Открытие психического автоматизма принадлежит к технике комического, как и всякое разоблачение, когда человек сам себя выдает. Мы очутились внезапно перед проблемой отношения остроумия к комизму, которую мы думали обойти (см. введение). Являются ли эти истории только комическими и не остроумными в то же время? Работает ли здесь комизм теми же средствами, что и остроумие? И опять- таки, в чем заключается особый характер остроумного?

Мы должны придерживаться взгляда, что техника последней исследованной нами группы острот заключается в преподноше- нии <ошибок мышления>, но мы вынуждены признать, что их исследование привело нас скорее к затемнению вопроса, чем к его выяснению. Но мы все-таки не перестаем надеяться, что благодаря полному изучению технических приемов остроумия мы придем к некоторым данным, которые послужат нам исходным пунктом для дальнейших рассуждений.

Ближайшие примеры остроумия, на которых мы будем ба- зировать дальнейшее исследование, не представят больших труд- ностей. Их техника напомнит нам уже знакомую.

Вот, например, острота Lichtenberg'a: <Январь - это месяц, когда приносят своим друзьям добрые пожелания, а остальные месяцы - эпю те, в течение которых они не исполняются>.

Поскольку эти остроты следует назвать скорее тонкими, чем удачными, и поскольку они пользуются мало энергичными приемами, мы хотим усилить получаемое от них впечатление, умножая их число.

<Человеческая жизнь распадается на две половины: в течение первой половины стремятся вперед ко второй, а в течение второй стремятся обратно к первой>.

<Жизненное испытание состоит в том, что испытывают то, чего не хотят испытать>. (Оба примера у К. Fischera.)

Эти примеры напоминают рассмотренную нами раньше груп- пу, особенностью которой является <многократное применение одного и того же материала>. Особенно последний пример дает нам повод поставить вопрос, почему мы не включили его в эту прежнюю группу вместо того, чтобы приводить его в связи с новой группой. Испытание описывается опять через само себя, как в другом месте ревность (с. 35). И это указание я не буду особенно оспоривать. Я полагаю, что в двух других примерах, имеющих аналогичный же характер, другой новый момент является более поразительным и многозначительным, чем многократное употребление одного и того же слова, кото- рому здесь недостает даже намека на двусмысленность. Здесь созданы новые и неожиданные единства, новые отношения представлений друг к другу и определение одного понятия другим или отношением к общему третьему понятию. Я назвал бы этот процесс унификацией. Он, очевидно, аналогичен сгуще- нию благодаря укомплектовыванию в одни и те же слова. Так, две половины человеческой жизни описываются при помощи открытого между ними взаимоотношения; в течение первой половины стремятся вперед ко второй, а в течение второй стремятся обратно к первой. Это, точнее говоря, два очень сходных отношения друг к другу, которые взяты для изобра- жения. Сходству отношений соответствует сходство слов, которое напоминает о многократном употреблении одного и того же материала

стремиться вперед/ стремиться обратно

В остроте Lichlenbcrg'a - январь и противопостапляемые ему месяцы характеризуются опять-таки модифицированным отно- шением к чему-то третьему. Это - пожелания счастья, которые люди приносят в течение одного месяца и которые не испол- няются в течение других месяцев. Отличие от многократного применения одного и того же материала, которое приближается к двусмысленности, здесь ясно и очевидно.

ПРИМЕЧАНИЕ. Я хочу воспользоваться piiiiec упомянутым С1мх;об[)д:111ым 11СГОТ11ВНЫМ отношением остроты к загадке (то, что скрыто в остроте, дано в загадке и наоборот), чтобы описать <унпфнкацню> лучше, чем JTO позволят сделать

вышеприведенные примеры. Многие из загадок, сочинением которых занимался философ G. Th. Fecliner после того, как потерял зрение, отличаются и высокой степени уппфпкацнеп, прндающеп им особую прелесть. Такова, например, следующая загадка (Ratselbiichlein von D-r Mises. Vierte vci'nlehi'le Aliflage. Год издания не указан).

Die beiden ersten fintlen ihre Rlihestatte 1m Paar dcr andern, uild das G.inxe iii.iclU ihi' Belle.

(<Оба первых находят себе пристанище в паре вторых, а целое создает им ложе>. Разгадка: Totengraher (Могильщик) = Toten (мертвые) + (iraher (гробы).)

О двух нарах слогов, которые нужно отгадать, не сказано ничего, кроме их отношения друг к другу и кроме отношения всего в целом к первой паре слогов (Разгадка: Toteilgralicr). Улн следующие два примера, в которых описание происходит путем указания отношения к одному н тому же или слегка модифицированному третьему:

Die erste Silb'hat Zailn' und llaare, Die r.weite ^ahiie in den llaaren. Wei- aiif den /.ahnen nicht lial Haar Vom Ganxen kaufe keinc Ware. (Rosskamin).

[<Первый слог имеет зубы к волосы (разгадка: конь - Ross), второго зубья в волосах (разгадка: гребень - Kanini). кого нет на зубах волос.

Пусть не покупает у целого никаких товароп> (нс.ч.). (Ross + Kanim = Rosskamni.)l

Die erste Silhe frisst. Die andere Silhe isst. Die dritte wird gelresscii, Das ganze wird gcgcssen. (Sauerkraut).

(<Первый слйг жрет (разгадка: свинья - Sail). Второй слог ест (разгадка: он - ег).

Третьим кормят скот (разгадка: ботпа - Kraut). А целое едят (разгадка: квашеная капуста - Sauerkraut)>, (не.и.)] Наиболылая унификация содержится в загадке Schleicrmacher'a. которую нельзя не назначь остроумной:

Von tier let/.ten urnschilingen Schweht d;is vollendcle Ganr.c Zli den zwei ersten einpor. (Ci.'ilgeiisirick).

Обвитое последним Законченное целое Взмывает к двум первым (нем.)

Разгадка: Galgen.strick (висельник) = Galgeii (цпс^лнца) + strick (верейка). В большинстве загадок, в которых искомое слово расчленяется на с.'ioi1i, унификация отсугстиует. т. с. признак, но которому нужно отгадать один из слогов, совершенно независим от признака, данного для второго, третьего слога, и от опорных точек, по которым можно отгадать все в целом.

Прекрасным примером унификационной остроты, не нужда- ющейся в пояснении, является следующая.

Французский писатель од J. B. Rousseau написал одну оду потомству (a la posleritc); Вольте? нашел, что стихотворение это по своей ценности не имеет достаточных оснований, чтобы дойти до потомства, и сказал остроумно: <Это стихотворение не дойдет по своему

адресу>. (По K. Fischer'y.)

Последний пример может обратит>, наше внимание на то, что по существу унификация является тем моментом, который лежит в основе так называемых находчивых острот. Находчи- вость состоит в переходе от обороны к агрессивности, в <об- ращении острия от себя в сторону противника>, в <отплате тою же монетой>, следовательно, в создании неожиданного единства между атакой и контратакой.

Так, например, пекарь говорит трактирщику, у которого нарывает палец: <071, вероятно, попал в твое пиво?> - <Этого не было, но мне под ноготь попала одна из твоих саек>. (По Uberhosl'y. Das Komische, II. 1900.)

Светлейший князь объезжает свои владения и замечает в толпе человека, похожего на его собственную высокую персону. Он подзывает его, чтобы спросить: <Служила ли его мать когда-либо в резиденции?> - <Нет, ваша светлость, - гласит ответ, - мать не служила, зато мои отец - да>.

Герцог Карл Вюртембергский случайно наталкивается по вре- мя одной из своих верховых прогулок на красильщика, занятого своим делом. <Может ли он покрасишь мою белую лошадь в cuHtiU цвет?> - подзывает его герцог и получает ответ: <Конечно, ваша светлость, если она выдержит температуру кипения!>

В этих отличных <поездках на обратных> - в которых на бессмысленный вопрос отвечают столь же невозможным усло- вием - принимает участие еще и другой технический момент, который отсутствовал бы, если бы ответ красильщика гласил: <Нет, ваша светлость, я боюсь, что лошадь не выдержит тем- пературы кипения>.

В распоряжении унификации имеется еще и другой, особенно интересный технический прием, присоединение при помощи союза и. Такое присоединение означает связь; мы понимаем его не иначе. Когда Гейне рассказывает, например, в <Путеше- ствии на Гарц> о городе Геттингене: <Вообще геттингенские жители разделяются на студентов, профессоров, филистеров и скот>, то мы понимаем это сопоставление именно в таком смысле, который еще резче подчеркивается добавлением Гейне: <все они немногим различаются между собой>. Или когда Гейне говорит о школе, где он должен был перенести <латынь, побои и географию>, то это присоединение, которое более чем ясно благодаря тому, что побои поставлены посередине между обоими учебными предметами, хочет сказать нам, что мы должны распространить отношение ученика к занятиям, несомненно определяемое отношением к побоям, и на латынь и географию.

У Lipps'a мы находим среди примеров <остроумного пере- числения> () стих, очень близкий Гейневскому <студенты, профессора, филистеры и скот>:

<С трудом и вилкой мать вытащила его из соуса>, как будто бы труд был инструментом, подобно вилке, добавляет Lipps, поясняя^ Создается впечатление, что этот

стих совсем неост- роумен, а только комичен в то время, как Гейневское присо- единение несомненно остроумно. Быть может, впоследствии мы

<У одного богатого и старого человека были молодая жена и размягчение мозга>. К. Макушинскнй. <Старый муж>. Чтец-декламатор. Т. V, Юмористи- ческий. Киев: Кн-во Самоненок. (Я. К.) вспомним об этих примерах, когда нам больше не нужно будет избегать проблемы соотношения комизма и остроумия.

На примере герцога и красильщика мы заметили, что этот пример остался бы остротой, возникшей путем унификации, и в том случае, если бы ответ красильщика гласил: <Нет, я боюсь, что лошадь не выдержит температуры кипения>. Но ответ гласил: <Да, ваша светлость, если она выдержит темпе- ратуру кипения>. В замене собственно уместного <нет> словом <да> и заключается новый технический прием остроумия, упот- ребление которого мы проследим на других примерах. Одна из приведенных у К. Fischer'a острот более проста. Фридрих Великий слышит об одном силезском проповеднике, о котором говорили, что он общается с духами. Фридрих приказывает этому человеку прийти и встречает его вопросом: <Умеет ли он заклинать духов?> Ответ был: <Так точно, ваше величество, но они не приходят>. Здесь вполне очевидно, что прием ост- роумия заключается в замене единственно возможного <нет> его противоположностью. Чтобы произвести эту замену, к слову <да> должно быть присоединено <но>, так что <да> и <но> по смыслу равны <нет>.

Это изображение при помощи противоположности служит работе остроумия в различных продукциях. В следующих двух примерах оно выступает в чистом виде. Гейне: <Эта дама во многих отношениях подобна Венере Милосской: она также чрез- вычайно стара, тоже не имеет зубов и имеет несколько белых пятен на желтоватой поверхности своего тела>. Это - изо- бражение отвратительной внешности при помощи аналогии с прекрасным. Эти аналогии могут состоять только в двусмыс- ленно выраженных качествах или во второстепенных чертах. Последнее относится ко второму примеру: Lichtenberg: Великий дух.

Он объединил в себе качества великих мужей. Он держал голову криво, как Александр, всегда поправлял волосы, как Цезарь, мог пить кофе, как Лейбниц, и когда он однажды прочно сидел в кресле, он забыл о еде и питье, как Ньютон, и его должны были будить, как этого последнего; свой парик он носил как д-р Джонсон, и пуговица от брюк была всегда у него расстегнута, как у Сервантеса>. Особенно хороший пример изображения при помощи про-

тивоположности, в котором абсолютно не имеет места упот- ребление двусмысленных слов, привезен J. v. Falkc'OM из его поездки в Ирландию: <Место действия - кабинет восковых фигур>, - сказали мы rnadame Tussaud. И здесь имеется про- водник,

сопровождающий общество, с котором и стар и млад, от фигуры к фигуре со своими объяснениями. . После этого одна молодая девушка задает вопрос: - . (Какая фигура - герцог В, а какая - его лошадь? - Как вам будет угодно, мое дитя, вы зашатали деньги, и выбор принадлежит вам.) (Lebenserinnerungen.)

Редукция этой ирландской остроты должна была бы гласить: Как не стыдно предлагать обозрению публики эти восковые фигуры людей! Ведь в них нельзя отличить лошадь от всадника! (Шутливое преувеличение.) И за это платят хорошие деньги! Это негодующее выражение драматизируется, подкрепляется не- большими подробностями, вместо публики вообще выступает одна дама, фигура всадника определяется индивидуально столь популярной в Ирландии личностью герцога Веллингтона. Бес- стыдство же владельца или проводника, который тянет у людей деньги из кармана и не дает ничего взамен этого, изображается путем противоположности, с помощью речи, в которой он восхваляется как добросовестный делец, у которого на уме нет ничего, кроме соблюдения прав, которые публика приобрела уплатой денег. Теперь можно также отметить, что техника этой остроты совсем не проста. Найдя путь к тому, чтобы торже- ственно уверить обманщика в его добросовестности, эта острота является примером изображения при помощи противополож- ности; но повод, по которому острота прибегает к этому изо- бражению, требует от нее совсем другого: она отвечает деловой солидностью там, где от нее ожидают сходства фигур, и яв- ляется, таким образом, примером передвигания. Техника этой остроты заключается в комбинации обоих приемов.

От этого примера легко перейти к небольшой группе, которую можно было бы назвать остротами, возникающими путем преувеличения. В них <да>, которое было бы уместно в редукции, заменяется отрицанием <нет>, но это <нет> равносильно в силу своего содержания даже усиленному <да>, и обратно: <нет> заменяется таким же <да>. Отрицание стоит на месте утверж- дения с преувеличением; такова, например, эпиграмма Lcssing'a:^

<Прекрасная Галатея! Говорят, что она красит свои волосы в черный цвет?> - <О, нет: ее волосы были уже черны, когда она их купила>.

Или мнимая ехидная защита книжной мудрости Lichtenberg'oM: <Есть многое на небе и земле, Что и во сне, Горацио, не снилось

Твоей учености>, - сказал презрительно Гамлет. Lichlenberg знает, что это определение не метко, поскольку оно не реализует все то, что можно возразить против ученой мудрости. Поэтому он прибавляет еще недостающее суждение. <Но в учености есть и многое такое, чего нет ни на небе, ни на земле>. Его изложение подчеркивает, чем вознаграждается книжная мудрость за порицаемый Гамлетом недостаток, но в этом вознаграждении заключается второй и еще больший упрек.

Еще яснее, хотя и грубы, две еврейские остроты, т. к. они свободны от всякой

примеси передвигания.

Два еврея говорят о купании: <Я ежегодно купаюсь один раз, - говорит один из них, - нужно ли это или нет>.

Ясно, что таким хвастливым уверением в своей чистоплот- ности он уличает себя только в нечистоплотности.

Один еврей замечает остатки пищи на бороде у другого еврея. <Я могу сказать тебе, что ты вчера ел>. - (<А ну-ка, скажи>. - <Чечевичную похлебку>. - <Неправда, позавчера>.

Великолепной остротой, возникшей путем преувеличения, ко- торая легко может быть отнесена за счет изображения при помощи противоположности, является следующая.

Король, снизойдя, посещает хирургическую клинику и застает профессора, готовящегося к ампутации ноги; отдельные стадии этой ампутации король сопровождает громкими выражениями своего благоволения: <Браво, браво, мой милый профессор>. По

По изложению окончании операции профессор подходит к королю и спрашивает с глубоким поклоном: <Прикажите, каше ведичести, алтути- ровать и вторую ногу?>

То, о чем думал про себя профессор со время королевского одобрения, можно выразить, конечно, только в таком виде: <Все это производит такое впечатление, как будто я ампутирую ногу этому бедняге по королевскому указу и только ради королевского благоволения. Однако я, в действительности, имею другие ос- нования для этой операции>. Но затем он подходит к королю и говорит: <Я не имею никаких других оснований для произ- водства этой операции, чем указ вашего величества. Высказанное мне одобрение так осчастливило меня, что я ожидаю только приказания вашего величества, чтобы ампутировать и здоровую ногу!> Высказывая противоположную мысль, ему удается дать понять то, о чем он думает и о чем он должен умолчать. Эта противоположность есть невероятное преувеличение.

Изображение при помощи противоположности является, как мы видим на этих примерах, часто употребляемым и очень энергичным приемом техники остроумия. Но мы не должны проглядеть и другого момента, заключающегося в том, что эта техника свойственна отнюдь не одному только остроумию. Когда Марк Антоний, произнеся длинную речь о трупе Цезаря на форуме и завоевав у слушателей расположение, опять бросает, наконец, фразу:

<Брут - достойный уважения человек>, - то он знает, что народ крикнет ему в ответ только истинный смысл его слов: <Они - изменники', достойные уважения люди>. [Аналогичной техникой пользуется Шуйский в <Борисе Го- дунове> Пушкина:

..Лакая честь для нас, для всей Руси! Вчерашний раб, татарин, зять Малюты, Зять палача и сам с душе палач, Возьмет венец и бармы Мопомаха... (Я. К.)]

Или когда переписывает собрание неслыхан- ных сальностей и цинизмов, как

выражения из (<Нравственные люди>), то это - тоже изо- бражение при помощи противоположности. Но это называют <иронией>, а не остротой. Иронии не свойственна никакая другая техника, кроме техники изображения при помощи противоположности\ Кроме того, говорят и пишут об иронической остроте. Таким образом нельзя больше сомневаться в том, что одна техника недостаточна для характеристики остроты. К технике должно присоединиться нечто другое, чего мы до сих пор не открыли. Но, с другой стороны, все-таки неоспоримо, что с упразднением техники исчезает и острота. A priori может показаться трудным объединить друг с другом оба эти спорных пункта, которые добыты нами для объяснения остроумия.

Если изображение при помощи противоположности относится к техническим приемам остроумия, то мы вправе ожидать, что остроумие может использовать и противоположный прием, т. е. изображение при помощи сходного и родственного. Продолжение исследования покажет, что это является техникой новой, со- вершенно особой, обширной группы острот по смыслу. Мы определим своеобразность этой техники гораздо точнее, если вместо изображения при помощи <родственного> скажем: изо- бражение при 1ЮЛЮ1Ц11 принадлежащего друг к другу или нахо- дящегося в связи друг с другом. Мы сделаем почин последней характеристикой и поясним ее примером.

Один американский анекдот гласит: двум не очень-то ще- петильным дельцам удалось рядом смелых предприятий создать себе большое состояние, после чего их стремление было на- правлено на то, чтобы войти в высшее общество. Среди прочего им казалось целесообразным заказать свои портреты самому дорогому и знаменитому художнику, появление произведений которого считалось событием. На большом вечере эти драго- ценные портреты были показаны впервые. Хозяева подвели весьма влиятельного критика и знатока искусства к стене, на которой висели оба портрета, рассчитывая услышать от него мнение, полное одобрения и удивления. Критик долго смотрел на портреты, потом покачал головой, как будто ему чего-то не хватало, и спросил только, указывая на свободное место между двумя портретами: А где же спаситель? (или: я не вижу здесь изображения спасителя).

Смысл этой фразы ясен. Здесь речь идет об изображении чего-то, что не должно быть выражено прямо. Каким образом осуществляется это <непрямое изображение>? При помощи целого

Ср. у Крылова: <Отколе, умная, бредешь ты, голова?> (Я. К.)

ряда легко возникающих ассоциаций и заключений мы про- следим путь изображения этой остроты в обратном направлении.

Вопрос <где спаситель, изображение спасителя?> позволяет нам догадаться, что вид обоих портретов напоминает говорящему подобное, известное как ему, так и нам зрелище, в

котором имеется отсутствующий здесь элемент: изображение спасителя посередине двух других портретов. Возможен только один такой случай: Христос, висящий между двумя разбойниками. Недо- стающий элемент подчеркивается остротой, сходство же заклю- чается в оставленных в остроте без внимания портретах, на- ходящихся направо и налево от спасителя. Оно может состоять только в том, что повешенные в салоне портреты являются портретами разбойников. То, что критик хочет сказать и чего он не может сказать, было следующим: вы - пара грабителей. Подробнее: какое мне дело до ваших портретов? Я знаю только то, что вы - пара грабителей. И в конце концов он сказал это путем некоторых ассоциаций и умозаключений. Этот путь мы называем намеком.

Мы тотчас вспоминаем, что уже встречали намек при дву- смысленности. Если из двух значений, которые находят свое выражение в одном и том же слове, одно, как более частое и более употребительное, настолько высыпает на первый план, что прежде всего приходит нам в голову, в то время как другое, более отдаленное, отступает на задний план. то этот случай мы называли двусмысленностью с намеком. В целом ряде исследованных до этого примеров мы заметили, что техника их вовсе не проста, и рассматривали намек как ус- ложняющий ее момент. (Например, ср. остроту о жене, воз- никающую путем перестановки, где жена немного прилегла и при этом много заработала, или остроту-бессмыслицу при поздравлении по поводу рождения младшего сына, где отец удивляется тому, что могут произвести человеческие руки. С. 60).

В американском анекдоте мы видим свободный от двусмыс- ленности намек, и в качестве характерной его черты находим замену одного представления другим, связанным с ним. Легко догадаться, что эта связь может реализоваться более чем одним способом. Чтобы не потеряться в этом множестве видов, мы будем обсуждать только резко выраженные вариации и иллю- стрировать .их лишь немногими примерами. Реализуемая для замены связь может быть только созвучием, так что этот подвид аналогичен каламбуру при произношении острот вслух. Но это не созвучие двух слов, а созвучие фраз, характерных оборотов речи и т. п.

Например, Lichlenberg'y принадлежит изречение: <Новый ку- рорт хорошо лечит>, которое напоминает о поговорке: <Новая мечиш хорошо метет>. В них тождественны первое слово, третье слово и вся структура предложения. Это изречение возникло в голове остроумного мыслителя, вероятно, как подражание из- вестной поговорке. Изречение Lichtenberg'a является, таким об- разом, намеком на поговорку. С помощью поговорки нам указывается на нечто, что не высказывается прямо, а именно: что в действии, оказываемом курортами, принимает участие еще и другой временный момент, кроме теплых вод, занима- ющих одно и то же постоянное место в его целебных свойствах.

Подобным же образом технически вскрывается и другая шутка или острота

Lichtenberg'a: девочка, которой четыре моды. Это созвучно с определением возраста <четыре годи> и было первоначально, возможно, опиской в этом определении. Но употребление смены мод вместо смены годов для определения возраста лиц женского пола является удачным приемом.

Связь может состоять в тождестве вплоть до единичной небольшой модификации. Эта техника опять-таки параллельна словесной технике. Оба вида остроумия вызывают почти одно и то же впечатление, однако их можно отличить друг от друга по процессам, происходящим при работе остроумия.

Вот пример такой словесной остроты или каламбура: великая, но известная не только объемом своего голоса певица Мария Свит^ была обижена тем, что заглавие театральной пьесы, инсценированной по известному роману Ж. Верна, послужило намеком на ее безобразную наружность^. <Путешествие вокруг Свита в 80 дней>.

Или: <Что ни сажень - то королева>, являющееся моди- фикацией известного шекспировского: <Что ни дюйм - то король>, служащее намеком на эту цитату и сказанное про одну знатную и пережившую свое величие даму. В действительности

Настоящая фамилия певицы Wilt. Эта фамилия является модификацпоп слова Welt, Соответственно этому модификацией русского Снег яинлась фамилия Свит. (Я. К.)

Она была очень толста. (Я. К.)

можно было бы немного возразить, если бы кто-нибудь захотел отнести эту остроту к сгущению с модификацией или к заместительному образованию. (Ср. tele-a-bete) (с. 26, 34).

Об одном. имеющем высокие стремления, но своеобразном в достижении своих целей своенравном человеке один из его друзей сказал: <Он - набитый идеалист>. - <Он - набитый дурак> - это общеупотребительный оборот речи, на который намекает эта модификация и на смысл которого она сама претендует. И здесь можно описать технику как сгущение с модификацией.

Почти невозможно отличить намек с модификацией от сгу- щения с заместительным образованием тогда, когда модифи- кация ограничивается изменением букв, как например, дихтерит (Dichter - поэт). Намек на страшную заразу дифтеритом рисует бездарное поэтическое творчество как нечто опасное в общественном отношении.

Отрицательные приставки дают широкую возможность со- здания удачных намеков с незначительными изменениями.

<Мой товарищ по неверию Спиноза>, - говорит Гейне. <Мы, немилостью божьей, поденщики, крепостные, негры, отбываю- щие барщину...> -так начинается у Lichtenberg'a неприведенный дальше манифест этих несчастных, которые имеют, во всяком случае, больше права на такое титулование, чем короли и князья на немодифицированное.

Формой намека является, наконец, и пропуск, который можно сравнить с сгущением

без заместительного образования. Собст- венно, при каждом намеке пропускается нечто, а именно: при- водящие к намеку пути, по которым идет течение мыслей. Речь только о том, что больше бросается в глаза: пробел или заме- стительное образование, отчасти выполняющее пробел в тексте намека. Таким образом, мы вновь вернулись бы от целого ряда примеров с грубыми пропусками к собственно намеку.

Пропуск без замещения дан в следующем примере: в Вене живет остроумный и воинственный писатель, который неодно- кратно бывал бит своими противниками за резкость полеми- ческих статей. Когда однажды в обществе обсуждалось новое преступление одного из его обычных противников, кто-то ото- звался: <Если бы Х слышал это, он опять получил бы пощечину>. К технике этой остроты относится прежде всего смущение вследствие непонимания этой мнимой бессмыслицы, потому что получение пощечины как непосредственное следствие того, что о чем-то слышали, никак не может быть понято. Но бессмыслица исчезает, когда вставляют пробел: тогда он написал бы такую едкую статью против лица, о котором идет речь, что и т. д. Намек, получающийся в результате пропуска, и бессмыслица являются, таким образом, техническими приемами этой остроты.

Гейне: <Он хчалил себя так много, что курительные свечи поднялись в цене>. Этот пробел легко выполнить. Пропущенное заменено следствием, которое служит намеком на этот пропуск. <Самохвальство издает зловоние>. (Нем. поговорка). Еще одна острота о евреях, встретившихся у бани. <Вот и еще год прошел!> - вздыхает один из них. Эти примеры не оставляют никакого сомнения в том, что пропуск относится к намеку.

Бросающийся в глаза пробел имеется в нижеследующем примере, являющемся истинной и настоящей остротой, возни- кающей путем намека. После одного празднества художников в Вене был издан юмористический сборник, в котором, между прочим, было помещено следующее замечательное изречение:

<Жена - как зонтик. В случае необходимости все же при- бегают к услугам комфортабельности>.

Зонтик мало защищает от дождя. <Все же> может только означать: когда падает сильный дождь, и комфортабельностью является омнибус (общественный экипаж). Но, т. к. здесь мы имеем дело с формой сравнения, то отложим пока более подробное исследование этой остроты.

Истинный клубок колких намеков содержат <Луккские воды> Гейне. Они превращают эту форму остроумия в искусное орудие для полемических целей (против графа Платена). Прежде чем читатель может догадаться об этом орудии, создается прелюдия к определенной теме, непригодной для прямого изображения; прелюдия состоит из намеков, созданных из самого разнооб- разного материала, как, например, в исковерканных словах

Гирш-Гиацинта: <Вы слишком корпулентны, а я слишком тощ. У вас богатое воображение, а у меня тем более деловитости. Я - практик, а вы - диарретик (вместо - теоретик. Diarrhea - понос). Одним словом, вы совершенно мой антиподекс (вме- сто - антипод. Podex - задница)>. - <Венера Уриния> (Uriii - моча) - толстая Гудель из Дрекваля (Dreck - кал) в Гамбурге и т. п., затем эти события, о которых рассказывает поэт, принимают другое направление, которое якобы прежде всего свидетельствует только о невежливых вольностях поэта, но вскоре открывает свое символическое отношение к полемическим целям и является, таким образом, тоже намеком. Наконец, нападки на Платена прорываются, и намеки на ставшую уже известной тему о гомосексуальности графа клокочуг и струятся из каждой фразы, которую Гейне направляет против таланта и характера своего противника, например:

<Если музы и неблагосклонны к нему, то дух языка все-таки находится в его полном распоряжении или, сернее, он умеет его насиловать, ибо свободной любви этого духа у него нет, он должен постоянно бегать также за этим юношей, и умеет он схватывать только внешние формы, которые, несмотря на свою прекрасную закругленность, лишены всякого благородства>.

<С ним бывает в этих случаях то же, что со страусом, который считает себя достаточно спрятавшимся, когда уткнул в песок голову так, что видным остался только хвост. Наша сиятельная птица поступила бы лучше, если бы хвост упрятала в песок, а нам показала голову>.

Намек является самым употребительным и охотнее всего применяемым приемом остроумия. Он лежит в основе боль- шинства недолговечных созданий остроумия, которые мы обыч- но вплетаем в нашу речь и которые теряют свой смысл при отделении от взрастившей их почвы и при самостоятельном существовании. Но именно намек напоминает о тех соотноше- ниях, которые чуть было не ввели нас в заблуждение при оценке техники остроумия. Намек тоже сам по себе неостроумен; есть корректно созданные намеки, не претендующие на остро- умие. Остроумен только <остроумный> намек, так что признак остроумия, который мы проследили вплоть до техники остро- умия, опять ускользает от нас.

Я назвал намек <непрямьш изображением> и обращу теперь внимание только на то, что можно с большим успехом объединить различные виды намека с изображением при помощи противо- положности и с техническими приемами, о KO'ropbLX еще пойдет речь, в одну большую группу, которую можно было бы назвать всеобъемлющим названием <непрямое изображение>. Ошибки мыш- ления - унификация - непрямое изображение - таковы наименования рубрик, под которые можно подвести ставшие нам известными технические приемы остроумной мысли.

При продолжении исследования нашего материала мы, ве- роятно, найдем новый

подвид непрямого изображения, доступ- ный яркому охарактеризованию, иллюстрировать который можно лишь немногими примерами. Это - изображение при помощи мелочи или детали, разрешающее задачу: дать полное выражение целой характеристике с помощью крохотной детали. Присоеди- нение этой группы к намеку становится возможным благодаря тому, что эта деталь находится в такой связи с материалом, который подлежит изображению, что ее можно вывести как следствие из этого материала, например:

<Галицийский еврей едет в поезде; он устроился очень удобно, расстегнул свой сюртук и положил ноги на скамейку. В вагон входит модно одетый господин. Тотчас еврей приводит себя в порядок и усаживается в скромной позе. Вошедший перели- стывает книгу, что-то высчитывает, соображает и вдруг обра- щается к еврею с вопросом: <Скажите, пожалуйста, когда у нас иомкипур (судный день)?> <Так вон оно что>, - говорит еврей и опять кладет ноги на скамейку, прежде чем ответить на вопрос.

Нельзя отрицать, что это изображение при помощи детали связано с тенденцией к экономии, которую мы отметили при исследовании техники словесных острот, как общую всем без исключения остротам черту. Совершенно таков же и следующий пример. Врач, приглашенный помочь баронессе при разрешении от бремени, заявляет, что время еще не наступило, и предлагает барону тем временем сыграть в соседней комнате в карты. Спустя некоторое время до слуха обоих мужчин доносится стон баронессы: ((франц.)) Супруг вскакивает, но врач удерживает его: <Это - ничего, играем дальше>. Спустя некоторое время слышно, как роженица опять стонет: <Боже мой, боже мой, какие боли!> - <Не хотите ли вы пойти к роженице, господин профессор?> - спрашивает барон. - <Нет, нет, еще не время>. Наконец, из соседней комнаты слышится не оставляющий сомнений крик: <АН, ай, аи>. Тогда врач бросает карты и говорит: <Пора>. Эта удачная острота показывает на примере шаг за шагом

меняющихся жалобных возгласов знатной роженицы, как бо- левые ощущения дают возможность пробиться первичной при- роде через все наслоения воспитания, и как важное решение ставится в зависимость от как будто незначительного выражения.

Другой вид непрямого изображения, услугами которого поль- зуется остроумие, - сравнение, мы приберегали 'так долго, потому что обсуждение его наталкивается на новые трудности, или потому, что сравнение особенно отчетливо оттеняло труд- ности, уже имевшие место в других случаях.

Мы еще раньше признали, что относительно некоторых под- лежащих исследованию примеров мы не могли отрешиться от сомнения, следует ли их вообще отнести к остротам, и в этой неуверенности мы усматривали опасную угрозу для основ нашего исследования. Но ни при каком другом материале я не ощущал эту неуверенность так сильно и так часто, как при остротах, возникающих путем сравнения. Ощущение, которое позволяет мне, - а также

Многим другим при тех же самых условиях, что и мне, - сказать: <Это - острота, это можно считать остротой>, прежде чем открыт еще скрытый существенный характер остроты, это ощущение легче всего покидает меня при остроумных сравнениях. Если я сразу без размышления считаю сравнение остротой, то мгновение спустя я замечаю, что удовольствие, которое оно мне доставляет, отлично от того, которому я обязан остроте, и тот факт, что остроумные сравнения очень редко вызывают оглушительные раскаты смеха, свидетельствующего об удачной остроте, не дает мне возможности отделаться от сомнения, как и раньше, несмотря на то, что я ограничиваюсь самыми лучшими и самыми эффектными примерами этого вида.

Легко показать, что есть прекрасные и эффектные примеры сравнений, не производящие на нас впечатления острот. Таково сравнение нежности, проходящей через дневник Оттиленса, с красной нитью в английском флоте. Я не могу отказать себе в удовольствии привести и другое сравнение, которым я не перестал еще восхищаться и которое произвело на меня неиз- гладимое впечатление. Это - сравнение, которым Ферд. Лассаль закончил свою знаменитую защитительную речь (<Наука и рабочие>): <На человека, который, как я вам выяснил, посвятил всю свою жизнь девизу "Наука и рабочие", не может произвести никакого впечатления осуждение, которое он встретит на своем пути, как лопнувшая реторта нс производят никакого впечатления на углубленного в свои научные эксперименты химика. Слегка наморщив лоб по поводу сопротивления материала, он спокойно продолжает свои исследования и работы, как только препятствие устранено>.

Богатый выбор метких и остроумных сравнений имеется в сочинениях Lichtenbcrg'a (II т. геттингенского издания, 1853 г.). Я хочу позаимствовать оттуда материал для нашего исследования.

<Почти невозможно пронести факел истины через толпу, не опалив кому-нибудь бороды>. Это кажется остроумным, но при ближайшем рассмотрении можно заметить, что остроумное дей- ствие исходит не из сравнения, а из одного его побочного качества. <Факел истины> - сравнение не новое, а издавна употребляемое и закрепленное за фиксированной фразой, как это всегда бывает, когда речь идет о счастливом сравнении, подхваченном практикой языка. В то время как в обычной разговорной речи мы больше почти не намечаем сравнения <факел истины>, у Lichtenberg'a ему вновь придается первона- чальный смысл, и из него развивается претензия на остроту, построенная на дальнейшем сравнении.. Но такое употребление в прямом смысле оборотов речи, потерявших прямой смысл, уже известно как технический прием остроумия; он находит себе место при многократном употреблении одного и того же материала (см. с. 33). Весьма возможно, что остроумное впе- чатление от Lichtenberg'овской фразы проистекает только от применения этого технического приема остроумия.

Это же рассуждение относится и к другому остроумному сравнению того же автора:

<Большим светилом этот человек не был, но он был большим подсвечником... Он был профессором философии>.

Называть ученого великим светилом, , - это уже давно не эффектное сравнение, независимо от того, было ли это первоначально остротой или нет. Но это сравнение освежают, ему вновь придают силу и первоначально принадле- жавший ему смысл, получая модифицированное производное от него и второе новое сравнение такого рода. Условие этой остроты содержится в способе, благодаря которому возникло второе сравнение, а не в обоих сравнениях. Это - случай такой же техники остроумия, как в примере с факелом.

Следующее сравнение кажется остроумным на другом осно- вании, подлежащем такой же оценке.

<Я рассматриваю рецензии как особый вид детской Сюлсзнч, которая в большей или меньшей степени поражает новые книги. Иногда от этой болезни умирают самые здоровые, а слабеющие часто переносят ее. Некоторые совсем не заболевают ею. Часто пытались предохранить их талисманом предисловия и посвящения или же пытались произносить над ними свой собственный приговор, но это не всегда помогало>.

Сравнение рецензии с детской болезнью основано прежде всего на том, что как первая, так и вторая поражают свои объекты вскоре после того, как эти последние увидели свет божий. Я не решаюсь утверждать, действительно ли оно так уж остроумно. Но затем сравнение это продолжено; оказывается, что дальнейшая участь новых книг может быть изображена в рамках этого же самого сравнения или путем сравнения, примыкающего к нему. Такое продолжение сравнения, несомненно, остроумно, но мы уже знаем, благодаря какой технике оно кажется таким. Это - случай унификации, создание непредполагавшейся связи. И характер уни- фикации не изменяется здесь оттого, что она заключается в присоединении к первому сравнению.

В ряде других сравнений мы поддаемся искушению передвинуть несомненно имеющееся впечатление остроумия на другой момент, который опять-таки не имеет ничего общего с природой сравнения. Это - те сравнения, которые содержат бросающееся в глаза сопоставление, а часто и абсурдно звучащую аналогию, или которые заменяются такой аналогией в результате сравнения. Большинство примеров Lichtenberg'a относится к этой группе.

<Жаль, что у писателей нельзя видеть ученой требухи, чтобы исследовать, что они ели>. <Ученая требуха> - это приводящее в смущение собственно абсурдное определение, понятное только благодаря сравнению. Как обстояло бы дело, если бы впечатление остроумия от этого сравнения происходило за счет смущающего характера этого сопоставления? Это соответствовало бы одному из хорошо известных нам приемов

остроумия, изображению при помощи бессмыслицы.

Lichtenberg применил это же сравнение усвоения прочитан- ного и заученного материала с усвоением психической пищи также и в другой остроте.

<Он был очень высокого мнения о занятиях в колтате и стоял, таким образом, за ученую кормежку в хлеву>. Столь же абсурдное или, по крайней мере, бросающееся в глаза определение, которое, как мы начинаем замечать, является собственно носителем остроумия, содержится и и других срав- нениях того же автора.

<Это - закаленная сторона моей моральной конституции, п этом пункте я могу кое-что выдержать>.

<Каждый человек имеет и спою моральную изнанку, которую он не показывает без нужды и прикрывает штанами хорошею воспитания до тех пор, пока это возможно>.

Нас не должно удивлять, что мы в целом получаем впе- чатление очень остроумного сравнения; мы начинаем замечать, что склоняемся к распространению в своей оценке того, что относится к части целого, на псе целое. Впрочем", <штаны приличия> напоминают о подобном же приводящем в смущение стихе Гейне:

<Пока у меня, наконец, не оборвались все пуговицы, На штанах терпения>.

Несомненно, оба последних сравнения несут на себе отпе- чаток, который можно найти не во всех хороших, т. е. удачных сравнениях. Они, можно было бы сказать, в высокой мере принижают, они сопоставляют вещь высшей категории, абст- рактное понятие (здесь: приличие, терпение) с вещью весьма конкретной природы и даже низкого сорта (со штанами). Имеет ли это своеобразие что-нибудь общее с остроумием, об этом мы еще должны будем поговорить в другом месте. Попытаемся проанализировать здесь другой пример, в котором принижаю- щий характер выступает особенно отчетливо. В фарсе Ncstroy'a: <Он хочет повеселиться> приказчик Вейнберл, рисующий в своем воображении картину, как он когда-нибудь, будучи старым солидным купцом, вспомнит о днях своей юности, говорит: <Когда, таким образом, в задушевном разговоре будет разрублен лед перед магазином воспоминании, когда магазинная дверь про- шедшего будет вновь открыта, и ящик фантазии будет наполнен товарами старины...> Это, конечно, сравнение абстрактных по- нятий с обыкновенными конкретными вещами, но острота зависит - исключительно или только отчасти - от того об- стоятельства, что приказчик пользуется сравнениями, взятыми из обихода его повседневной жизни. Приведение же абстрактною понятия в связь с этим обыкновенным, сплошь заполняющим его, является актом унификации.

Вернемся к сравнению Lichtciiberg'a.

<Побудительные основания, исходя из которых делают что- нибудь. могут быть систелтптзи/юааны тик же, как и 32 чет- ри, и название их формулируется подобным же образом, чи- пример, хлеб-хлеб-слава или слава-слаш-.клеб>.

Как это часто бывает при остротах Lichlenberg'a, и здесь впечатление меткости, глубокомысленности и проницательности преобладает настолько, что наше суждение о характере остроумия вводится этим в заблуждение. Когда в таком выражении присоединяется нечто слегка остроумное к превосходной мысли, то мы, вероятно, захотим признать все в целом за удачную остроту. Я скорее решился бы утверждать, что все, что здесь действительно остроумно, проистекает из удивления по поводу странной ком- бинации <хлеб-хлеб-слава>, следовательно, это - острота, пользу- ющаяся изображением при помощи бессмыслицы.

Странное сопоставление или абсурдное определение может возникнуть само по себе как результат сравнения.

Lichtenberg: двуспальная женщина - односпальный церковный стул. За обоими скрывается сравнение с кроватью, но кроме смущения вследствие непонимания в обоих случаях действует еще и другой технический момент намека: один раз - на усыпительное действие проповедей, другой раз - на вечно неисчерпаемую тему половых отношений. Lichtenberg'ская характеристика некоторых од: <Они в поэзии являются тем, чем в прозе являются бес- смертные произведения Якова Бема: род пикника, причем автор доставляет слова, а читатель - мысли>.

<Когда он философствует, он обычно бросает на предметы приятный лунный свет; все в целом нравится, но ни один предмет не виден при этом отчетливо>.

Или Гейне: <Ее лицо было как рукопись, наведенная по стертым письменам пергамента, где под свежечерным монаше- ским писанием звучат нолуугасшие стихи древнегреческого по- эта о любви>.

Или продолженное сравнение с весьма принижающей тен- денцией в <Луккских водах>^

В русском переводе <Луккскпх под> это сравнение было пропущено, по- видимому, из цензурных соображении. (Я. К.)

<Католический священнослужитель ведет себя скорее как при- казчик, который служит о большом торговом предприятии. Церковь, этот большой торговый дом, шефом которого является папа, дает ему определенную работу и определенное жалование; он работает вяло, как каждый не работающий на собствен и ы и риск; у него много сослуживцев, и в большом деловом обороте он легко остается незамеченным; его интересует только кредит торгового дома, а еще больше - сохранение этого кредита, т. к. при могущем произойти банкротстве он лишился бы средств к жизни. Протестантский священнослужитель, наоборот, является повсюду сам принципалом и делает религиозные дела за собственный счет. Он не занимается крупной торговлей, как его католический товарищ по профессии, а только мелкой торговлей, и, поскольку он должен сам управлять

своим пред- приятием, он не должен быть вялым, он должен расхваливать предметы своей веры, предметы же своих конкурентов он должен принижать, и, как настоящий мелочный торговец, он стоит в своем балагане, где продажа производится в розницу, полный профессиональной зависти ко всем большим торговым домам, особенно к большому торговому дому в Риме, оплачивающему

груд многих тысяч бухгалтеров и упаковщиков и имеющему свои отделения во всех четырех частях света>.

При наличии этого примера, равно как и многих других, мы больше не можем не признать, что сравнение может быть ост- роумно само по себе, без того, чтобы это впечатление относилось за счет усложнения одним из технических приемов остроумия. Но в таком случае от нас совершенно ускользает понимание того, чем именно определяется остроумный харакгер сравнения, 'г. к. он происходит, конечно, не за счет сравнения как формы выра- жения мысли, или действия сравнения. Мы можем отнести сравнение только к виду <непрямого изображения>, которым поль- зуется техника остроумия, и должны оставить неразрешенной проблему, выступающую при сравнении гораздо отчетливее, чем при ранее обсуждавшихся приемах остроумия. Конечно, тот факт, что решение вопроса, является ли данный пример остротой или нет, представляет в случае сравнения больше трудностей, чем при других формах выражения, должен иметь особое основание.

Но и этот пробел в нашем понимании не является осно- ванием для того, чтобы говорить, что это первое исследование осталось безрезультатным. При той тесной связи, которую сле-

дует приписать различным особенностям остроумия, непредус- мотрительно было бы ожидать, что можно полностью выяснить одну сторону проблемы, прежде чем мы бросим взгляд на другие ее стороны. Мы, конечно, должны будем подойти к этой проблеме с другой стороны.

Уверены ли мы, что от нашего исследования не ускользнул ни один из возможных технических приемов остроумия? Ко- нечно, нет. Но при продолжительной проверке нового материала мы можем убедиться в том, что все же изучили самые частые и самые важные технические приемы остроумия, по крайней мере, настолько, насколько это необходимо для создания суж- дения о природе этого психического процесса. Такого суждения в настоящее время еще нет, но зато мы приобрели важное указание, в каком направлении следует в дальнейшем выяснять проблему. Интересные процессы сгущения с заместительным образованием, которые мы распознали как ядро техники сло- весного остроумия, указывают на образование сновидения, в механизме которого были открыты те же самые процессы. На то же указывают и технические приемы острот по смыслу: передвигание, ошибки мышления, бессмыслица, непрямое изо- бражение, изображение при помощи противоположности, - ко-

торые все без исключения вновь проявляются в технике работы сна. Передвиганию сновидение обязано своим странным внеш- ним видом, который не позволяет видеть в нем продолжение бодрствующих мыслей. За пользование бессмысленностью и абсурдностью (как техническими приемами) сновидение запла- тило званием психического продукта и побудило авторов пред- положить распад душевной деятельности, приостановку критики, морали и логики как условий для образования сновидения. Изображение при помощи противоположности столь употреби- тельно в сновидении, что с ним обычно считаются даже на- родные, абсолютно неправильные сонники. Непрямое изобра- жение, замена мысли сновидения намеком, деталью, символи- кой, аналогичной сравнению, является именно тем, что отличает способ выражения сновидения от нашего бодрствующего мыш- ления^. Такая столь далеко идущая аналогия между приемами работы остроумия и приемами работы сна едва ли случайна. Подробное доказательство этой аналогии и проверка ее обос- нованности явится одной из наших будущих задач.

Ср. мое <Толкование сновидений>. Глава IV. Работа сна.

Ill

ТЕНДЕНЦИИ ОСТРОУМИЯ

Когда в конце предыдущей главы я привел Гейневское сравнение католического священнослужителя со служащим боль- шого торгового дома, а протестанского - с самостоятельным мелким торговцем, я испытал задержку, направленную на то, чтобы не приводить этого сравнения. Я говорил себе, что среди моих читателей, вероятно, найдутся некоторые, считающие нуж- ным почитать не только религию, но и ее управление и персонал. Эти читатели придут только в негодование по поводу сравнения, и аффективное состояние отобьет у них всякий интерес к решению вопроса о том, является ли это сравнение остроумным само по себе или только вследствие каких-нибудь присоединившихся моментов. При других сравнениях, как, на- пример, при находящемся рядом с ним сравнении о лунном свете, который некая философия бросает на предметы, не нужно было бы беспокоиться о таком влиянии на часть читателей, которое мешало бы исследованию; самый набожный человек был бы расположен создать себе суждение о нашей проблеме.

Легко угадать характер остроты, с которым связана такая разница в реакции на остроту у слушателя. В одном случае острота является самоцелью и не преследует никакой особой цели, в другом случае - такая цель есть: она становится тенденциозной. Только острота, имеющая тенденцию, подвержена опасности наткнуться на людей, не желающих ее выслушивать.

Не тенденциозная острота названа Th. Vischer'OM <абстрак- тной> остротой; я

предпочитаю называть ее <безобидной> (). Поскольку раньше мы подразделили остроты согласно ма-

териалу, на котором выяснялась их техника, на словесные остроты и остроты по смыслу, то нам надлежит исследоиать отношение этого подразделения к только что произведенному. Словесная острота и острота по смыслу, с одной стороны, и абстрактная и тенденциозная острота, с другой стороны, не стоят ни в какой связи по влиянию, оказываемому ими друг на друга. Это - два совершенно независимых друг от друга подразделения острот. Быть может, у кого-нибудь создалось впечатление, что безобидные остроты преимущественно являются словесными остротами в то время, как остроты с ярко выра- женными тенденциями в большинстве случаев прибегают к услугам более сложной техники острот по смыслу. Однако существуют безобидные остроты, пользующиеся игрой слои и созвучием, наряду с безобидными остротами, пользующимися всеми приемами острот по смыслу. Не менее легко показать, что тенденциозная острота по технике может быть ничем иным, как словесной остротой. Так, например, остроты, <играющие> собственными именами, часто имеют более обидную, оскорби- тельную тенденцию; они относятся к словесным остротам. Но самыми безобидными из всех острот являются все-таки сло- весные; таково, например, ставшее недавно излюбленным риф- моплетство, в котором техника заключается в многократном употреблении одного и того же материала с совершенно сво- еобразной модификацией:

Und wcil er Geld in Menge halle. lag stels er in dcr llangeniatte.

(И так как он имел много денег, он всегда лежал в гамаке.) Надеюсь, что никто не станет отрицать, что удовольствие от такого рода невзыскательных рифм является именно тем фактором, благодаря которому мы распознаем остроту.

Хорошие примеры абстрактных или безобидных острот по смыслу имеются в большом числе среди сравнений Lichtenberg'a; некоторые из них мы уже изучили. Я присоединяю сюда еще некоторые:

<Чтобы возвести эту постройку надлежащим образом, преж- де всего должен быть заложен хороший фундамент, и я не знаю более прочного фундамента чем тот, в котором над каждым слоем "pro" сейчас же кладут слой "contra">.

<Один рождает мысль, другой устраивает си крестины, тре- тий приживает с ней детей, четвертый посещает ее на смерт- ном одре, а пятый погребает ее> (сравнение с унификацией).

. Острота заключается здесь исключительно в бессмысленном изображении, которое ставит имеющее обычно незначительную ценность понятие в сравнительной степени, понятие же, счи- тающееся более важным, ставит в положительной степени. Если отказаться от этой остроумной оболочки, эта мысль будет гласить: гораздо легче победить разумом

боязнь привидений, чем защищаться от них, вообразив их существующими. Но это вовсе не остроумно, это - правильное и еще слишком мало оцененное психологическое суждение, то именно суждение, которое Lessing выразил следующими известными словами:

. (Не все те свободны, которые иронизируют по поводу своих цепей.)

Я хочу воспользоваться удобным случаем, представляющимся здесь, чтобы устранить недоразумение, которое может возник- нуть. <Безобидная> или <абстрактная> острота отнюдь не должна быть равнозначна <празднословной> остроте; она является только противоположностью обсуждаемым в дальнейшем <тенденциоз- ным> остротам. Как показывает вышеприведенный пример, без- обидная, т. е. лишенная тенденций острота тоже может быть очень содержательной и выражать нечто ценное. Но содержание остроты вполне независимо от остроты и является содержанием той мысли, которая получила здесь остроумное выражение благодаря особой технике. Конечно, как часовой мастер обычно снабжает особенно хороший механизм ценным футляром, так может обстоять дело и с остротой: лучшие произведения ост- роумия используются именно как оболочка для самых содер- жательных мыслей.

Если мы обратим особое внимание на то, чтобы отличать содержание мыслей от остроумной оболочки, то придем к заключению, которое многое разъяснит в нашем суждении об остроумии, в чем мы были неуверены. А именно, оказывается, хотя это и поражает нас, наше благосклонное отношение к остроте является результатом суммированного действия содер-

жания и техники остроумия, и что мы по одному из факторов ложно судим о размерах другого. Лишь редукция остроты показывает нам обман суждения.

Впрочем, то же верно и для словесной остроты. Когда мы слышим, что <жизненное испытание состоит в том, что испы- тывает то, чего не хотят испытать>, то мы смущены, думаем, что слышим новую истину, и проходит некоторое время, пока мы узнаем в этой оболочке тривиальную мысль: <Страдания учат уму-разуму> (K. Fischer). Отличная техника остроумия, определяющая <испытание> употреблением слова <испытывать>, вводить нас в обман настолько, что мы переоцениваем содер- жание этой фразы. Так же обстоит для нас дело и при остроте Lichlcnberg'a о <январе>, которая возникает путем унификации (с. 66) и которая не говорит ничего, кроме того, что мы уже давно знаем, а именно, что новогодние пожелания сбываются так же редко, как и другие пожелания. Так же обстоит дело и во многих подобных случаях.

Обратное мы встречаем при других остротах, в которых нас, очевидно, пленяет меткость и правильность мысли, так что мы называем предложение блестящей остротой, в то время как блестяща только мысль, а техника остроумия слаба. Как раз в остротах Lichlenberg'a ядро мысли часто гораздо ценнее, чем остроумная оболочка, на которую мы

часто неправильно рас- пространяем оценку первого. Так, например, замечание о <фа- келе> истины (с. 83) является едва ли остроумным сравнением, но оно так метко, что мы можем отметит), это предложение как особенно остроумное.

Остроты Lichtenberg'a являются выдающимися прежде всего благодаря содержанию их мыслей и их меткости. Гете по праву сказал об этом авторе, что за его остроумными и шутливыми идеями скрыты проблемы, правильнее говоря, что они затра- гивают разрешение проблем. Когда он, например, отмечает, как остроумную, мысль:

<Он так ревностно читал Гомера, что всегда читал Agamcnuwn вместо aiigenoniineii> (технически: глупость + созвучие), то этим он вскрывает тайну очитки\ Такова же острота (с. 60), техника которой показалась нам очень неудовлетворительной:

Ср. мою <Психопатологию обыденной жизни>. М.: Сопрем, проблем],]. 1924. 92

. Глупосп>. выставленная здесь напоказ, только кажущаяся; в действительности же за этим глупым замечанием скрыта большая проблема телеологии в построении организма животного; совсем уж не так само собой понятно, что щель век открывается там, где лежит свободная часть роговой оболочки, пока эмбриология не объ- яснит нам этого совпадения.

Хочется подчеркнуть, что мы получаем от остроумного пред- ложения совокупное представление, в котором не можем отде- лить участие содержания мыслей от участия работы остроумия; быть может, в дальнейшем будет найдена еще большая парал- лель.

Для теоретического объяснения сущности остроумия безобид- ные остроты должны быть важнее тенденциозных, бессодержа- тельные - ценнее глубокомысленных. Безобидная и бессодер- жательная игра слов поставит проблему остроумия в чистейшей ее форме, т. к. при ней мы избегаем опасности быть введенным в заблуждение тенденцией и в обман суждения логичным смыслом. На. таком именно материале наше познание может сделать новый успех.

Я выбираю по возможности безобидный пример словесной остроты:

Девушка, которой доложили о приходе гостей в то время, когда она совершала свой туалет, воскликнула: <Ах, как жаль, что человек не может показаться как раз тогда, когда он (am anziehendsten)

одевается/^ привлекательнее всего

Поскольку у меня возникает сомнение, имею ли я право выдавать эту остроту за безобидную, я заменяю ее другой, наивно простодушной, которая была бы свободна от такого возражения.

^ R. Kleinpaul. Die Ratsel tier Spraclie.

В одном доме, куда я был приглашен в гости, к концу обеда подали .мучное блюдо, называемое Roulard, приготовление которого требует большого кулинарного искусства. Поэтому один из гостей спрашивает: <Дома приготовлено это блюдо?> На что хозяин дома

отвечает: <Да, конечно, Home-Roulurd> (Home-Rule)^.

На этот раз мы хотим исследовать не технику остроумия, а думаем обратить внимание на другой важный момент. Вы- слушивание этой импровизированной остроты доставило при- сутствующим - ясно вспоминаемое мною - удовольствие и заставило нас смеяться. В этом случае получение слушателем удовольствия может проистекать не от тенденций и не от содержания мыслей; остается только привести это получение удовольствия в связь с техникой остроумия. Описанные выше технические приемы остроумия: сгущение, передвигание, непря- мое изображение и т. д" - обладают, таким образом, способ- ностью вызывать у слушателей удовольствие, хотя мы еще совсем не можем понять, как они могут обладать такой спо- собностью. Таким легким путем мы получили второе положение для объяснения остроумия; первое положение гласило (с. 1.9), что характер остроумия зависит от формы выражения. Подумаем еще о том, что второе положение не научило нас собственно ничему новому. Оно обособляет только то, что содержалось уже в прежде сделанном нами опыте. Мы вспоминаем, что когда удавалось редуцировать остроту, т. е. заменить одно выражение другим, тщательно сохранив его смысл, то этим упразднялся не только характер остроумия, но и смехотворный эффект, следовательно, удовольствие от остроты.

Мы не можем идти здесь дальше, не разделавшись с нашими философскими авторитетами.

Философы, причисляющие остроумие к комическому и само комическое трактующие в эстетике, характеризуют комическое представление одним непременным условием, согласно которому мы при этом ничего не хотим от вещей, не нуждаемся в них для удовлетворения какой-нибудь из наших важных жизненных потребностей, а просто довольствуемся их созерцанием и на- слаждаемся их представлением. <Это наслаждение, этот ряд

Гоморуль - программа автономии Ирландии в рамках Британской импе- рии.

представлений - чисто эстетический; он зависит только от себя, только с себе имеет свою цель и не выполняет никаких других жизненных целей> (К. Fischcr, с. 68).

Мы едва ли находимся в противоречии с этими словами К. Fischcr'a и переводим, быть может, только его мысли в наш способ выражения, когда подчеркиваем, что остроумная дея- тельность все-таки не может быть названа нецелесообразной или бесцельной, т. к. она поставила себе целью, несомненно, вызывать у слушателя удовольствие. Я сомневаюсь, можем ли мы вообще предпринять что-либо, при чем не была бы принята в соображение цель. Если наш душевный аппарат не нужен для выполнения одного из необходимых удовлетворений, то мы позволяем ему самому работать для удовольствия, стремимся извлечь удовольствие из его собственной работы. Я полагаю, что это вообще является условием, которому подчинены все эстетические представления, но я слишком мало понимаю в

эстетике, чтобы доказать это положение; что же касается ост- роумия, то на основании двух доказанных раньше положений я могу утверждать, что оно является деятельностью, направленной на получение удовольствия от душевных процессов - интеллектуальных или других. Существуют, конечно, и другие виды деятельности, которые имеют своей целью то же самое. Быть может их отличие заключается в том, из какой области душевной деятельности они черпают удовольствие, а может быть в методе, котором они при этом пользуются. В настоящую минуту мы этого не можем решить, но придерживаемся мнения, что техника остроумия и отчасти управляющая ею тенденция к экономии (с. 44) имеют отношение к получению удовольст- вия.

Но прежде чем мы попытаемся разрешить загадку, каким образом технические приемы работы остроумия могут вызывать удовольствие у слушателя, мы хотим напомнить о том, что в целях упрощения и большей ясности мы отложили в сторону тенденциозные остроты. Следует все-таки попытаться объяснить, каковы тенденции остроумия и каким образом оно обслуживает эти тенденции.

Одно наблюдение напоминает прежде всего о том, что не должно оставлять в стороне тенденциозную остроту при исс- ледовании происхождения удовольствия, получаемого от остро-

умия. Удовольствие от безобидной остроты в большинстве слу- чаев умеренно; отчетливое благоволение, легкая усмешка - вот все, что она может вызвать у слушателя, и к тому же некоторую часть этого эффекта нужно отнести на счет содержания мысли, как видно из соответствующих примеров (с. 95). Острота, ли- шенная тендециозности, почти никогда не вызывает тех нео- жиданных взрывов смеха, которые делают столь неотразимой тенденциозную остроту. Поскольку техника в обоих случаях может быть одной и той же, то должно возникнуть предполо- жение, что тенденциозная острота с силу своей тенденциозности должна обладать источниками удовольствия, недоступными без- обидной остроте.

Тенденции остроумия легко обозреть. Там, где острота не является самоцелью, т. е. там, где она не безобидна, она обслуживает только две тенденции, которые могут быть объединены в одну точку зрения; она является либо враждебной остротой, обслуживающей агрессивность, сатиру, оборону, либо скабрезной, служащей для обнажения. Прежде всего следует заметить, что технический вид остроумия - будет ли это словесная острота или острота по смыслу - не имеет никакого отношения к обеим тенденциям.

Подробнее нужно изложить, каким образом остроумие об- служивает эти тенденции. В этом исследовании я хотел бы сделать почин не враждебной, а обнажающей остротой. Эта последняя гораздо реже удостаивалась исследования, как будто отрицательное отношение к материалу исследования было пе- ренесено здесь на самый предмет исследования. Однако

мы не позволим ввести себя в заблуждение, т. к. вскоре наткнемся на пограничный случай остроумия, который обещает привести нас к выяснению не одного неясного пункта.

Известно, что понимается под <сальностью>: умышленное подчеркивание в разговоре сексуальных обстоятельств и отно- шений. Пока это определение не было основательно. Доклад об анатомии половых органов или о физиологии совокупления не имеет, несмотря на это определение, ни одной точки со- прикосновения, ничего общего с сальностью. К этому присое- диняется еще и то, что сальность направлена на определенное лицо, которое вызывает половое возбуждение и которое благодаря выслушиванию сальности должно узнать о возбуждении говорящего и благодаря этому должно само прийти в сексуальное возбуждение. Вместо этого возбуждения оно может быть также пристыжено или приведено в смущение, что означает только реакцию на возбуждение и таким окольным путем признание этого возбуждения. Таким образом, сальность первоначально направлена на женщину и должна быть приравнена к попытке совращения. Если мужчина затем забавляется в мужском об- ществе, рассказывая или выслушивая сальности, то этим изо- бражается вместе с тем и первоначальная ситуация, которая не может быть осуществлена вследствие социальных задержек. Кто смеется над слышанной сальностью, тот смеется как оче- видец сексуальной агрессивности.

Сексуальное, которое образует содержание сальности, охва- тывает больше, чем то, чем один пол отличается от другого. Кроме этого оно охватывает и то, что обще обоим полам, на что распространяется стыд, следовательно, на экскрементируемое во всем его объеме. А это есть тот объем, который имеет сексуальное в детском возрасте, когда в представлении суще- ствует как бы клоака, внутри которой сексуальное и экскре- ментальное плохо или вовсе не отделены друг от друга\ Повсюду в области психологии неврозов сексуальное замыкается экскре- ментальным; оно понимается в старом; инфантильном смысле.

Сальность - это как бы обнажение лица противоположного пола, на которое она направлена. Произнесением скабрезных слов она вынуждает лицо, к которому они относятся, представить себе соответствующую часть тела или физиологическое отправ- ление и показывает ему, что и произнесший эти слова сам представляет себе то же самое. Нет сомнения, что первона- чальным мотивом сальности является удовольствие, испытыва- емое от рассматривания сексуального в обнаженном виде.

Для нашего объяснения будет полезно вернуться к основам. Влечение видеть то, что отличает один пол от другого, является одним из первоначальных компонентов нашего либидо. Оно само является, быть может, уже заменой и сводится на пред-

См. мою <Теорию полового влечения.> Изд. <Психотерапевтическая биб- лиотека>. Вып. III.

полагаемое первичным удовольствие, испытываемое от прикос- новения к сексуальному. Как это очень часто бывает, рассмат- ривание заменило здесь ощупывание'. Либидо рассматривания и ощупывания существует у каждого в двояком виде, активно и пассивно, в мужском и женском виде, и формируется смотря по преобладанию полового характера в одном или другом направлении. У маленьких детей можно легко наблюдать влечение к самообнажению. Там, где зародыш этого влечения не претерпевает участи преодоления и подавления, он развивается в перверзию взрослых мужчин, известную в качестве эксгиби- ционистического стремления. У женщины пассивное эксгиби- ционистическое влечение почти всегда преодолевается велико- лепным реактивным образованием в виде сексуальной стыдли- вости, но не без того, чтобы оно не сохранило за собой лазейки в одежде. Мне остается только указать, как растяжимы и варьирующи по условности и по обстоятельствам оставшиеся разрешенными женщине размеры эксгибиционизма.

У мужчины продолжает существовать высокая степень этого стремления, как составная часть либидо, и оно обслуживает вступление в половой акт. Если это стремление дает о себе знать при первом приближении к женщине, то. оно должно обслуживаться двумя мотивами разговора: во-первых, чтобы заявить о себе женщине, и во-вторых, потому что, вызывая при помощи разговора определенное представление, можно при- вести женщину в ответное возбуждение и разбудить в ней влечение к пассивному эксгибиционизму. Эта домогающаяся речь - еще не сальность, но она переходит в сальность. А именно там, где готовность женщины наступает скоро, там сальный разговор недолговечен, он тотчас уступает место сек- суальному действию. Иначе обстоит дело, когда нельзя рассчи- тывать на быструю готовность женщины, и вместо этой го- товности у женщины наступает оборонительная реакция. Тогда сексуально возбуждающий разговор, каким является сальность, будет самоцелью; поскольку сексуальная агрессивность тормо- зится в своем прогрессировании до акта, она не спешит вызвать возбуждение и извлекает удовольствие из признаков этого воз-

Влечение к контректации Mo11'я (Untersucliungen iiber (lie Libido sexualis, 1898).

буждения у женщины. Агрессия изменяет при этом и свой характер, в том же смысле как и каждое либидинозное побуж- дение, которому противопоставляется препятствие. Она стано- вится враждебной, жестокой и призывает, таким образом, на помощь против препятствия садические компоненты полового влечения.

Неподатливость женщины является, следовательно, достаточ- ным условием для образования сальности (конечно, такая не- податливость, которая обозначает просто отсрочку и не считает безнадежным дальнейшее домогательство). Идеальный случай такого

сопротивления женщины получается в результате одно- временного присутствия другого мужчины, третьего участника, потому что в такой ситуации немедленная податливость женщины исключена. Этот третий сейчас же получает величайшее значение для развития сальности; но прежде всего нельзя не принять во внимание присутствия женщины. У простого народа или в трактире для мелкого люда можно наблюдать, что лишь приближение кельнерши или трактирщицы вызывает сальность. На более высокой социальной ступени наступает противопо- ложное: именно приближение женщины кладет конец сальности; мужчины приберегают этот вид беседы, изначально предпола- гающий присутствие стыдливой женщины, до той поры, когда они останутся <в холостом обществе>. Так постепенно место женщины занимает зритель, теперь слушатель, инстанция, для которой предназначена сальность, и эта последняя, благодаря такому превращению, уже приближается к характеру остроты.

Наше внимание, начиная с этого момента, должно быть обращено на два фактора: на роль третьего, слушателя, и на содержание условий самой сальности.

Для тенденциозной остроты нужны три лица: кроме того лица, которое острит, нужно второе лицо, которое берется как объект для враждебной или сексуальной агрессивности, и третье лицо, на котором достигается цель остроты, извлечение удо- вольствия. Более глубокое обоснование этих соотношений мы найдем в дальнейшем, пока же отметим лишь тот факт, что по поводу остроты смеется не тот, кто острит, следовательно, не он получает удовольствие, а бездеятельный слушатель. В таком же отношении находятся три лица при сальности. Этот процесс можно описать так: либидинозный импульс первого

4* 99

лица, поскольку удовлетворение женщиной наталкивается на задержку, развивает враждебный импульс против второго лица и призывает первоначально мешавшее третье лицо в союзники. Сальным разговором первого лица женщина обнажается перед третьим лицом, которое теперь подкупается в качестве слушателя удовлетворением его собственного либидо, полученным без вся- кого труда.

Замечательно, что такой сальный разговор чрезвычайно из- люблен простым "народом, и дело никогда не обходится без него, если общество находится в веселом настроении духа. Но достойно внимания также то, что при этом сложном процессе, который несет в себе столько характерных черт тенденциозной остроты, самой сальности не предъявляется ни одно из харак- теризующих остроту формальных требований. Высказывание открытой непристойности доставляет первому лицу удовольствие и заставляет третье лицо смеяться.

Лишь когда мы подымаемся до высокообразованного обще- ства, присоединяется формальное условие остроумия. Сальность становится остроумной и терпимой только в том

случае, если она остроумна. Техническим приемом, которым она в боль- шинстве случаев пользуется, является намек, т, е. замена де- талью, чем-либо находящимся в отдаленной связи, которую слушатель реконструирует в своем представлении в полную и прямую скабрезность. Чем больше несоразмерность между прямо данным в сальности и между неизбежно возбужденным ею у слушателя, тем тоньше острота, тем скорее она может рискнуть войти в хорошее общество. Кроме грубого и тонкого намека в распоряжении остроумной сальности имеются все другие при- емы словесной остроты и остроты по смыслу.

Теперь наконец становится понятно, что острота доставляет для обслуживания своей тенденции. Она делает возможным удовлетворение влечения, похотливого и враждебного, несмотря на стоящее на пути препятствие, она обходит препятствие и черпает, таким образом, удовольствие из ставшего недоступным благодаря препятствию источника удовольствия. Стоящее на пути препятствие является собственно ничем иным, как повы- шенной (соответственно более высокой ступени образования и общества) неспособностью женщины переносить незамаскиро- ванную сексуальность. Мыслимая в исходной ситуации присутствующей, женщина продолжает все еще учитываться присут- ствующей, или ее влияние продолжает действовать на мужчин запугивающе и в ее отсутствии. Можно наблюдать, как мужчины высшего общества тотчас предрасполагаются обществом ниже стоящих девушек к замене остроумной сальности простой.

Силу, которая затрудняет или делает невозможным для жен- щины и в незначительной степени для мужчины получение удовольствия от незамаскированной скабрезности, мы называем <вытеснением> и узнаем в ней тот же психический процесс, который в случае серьезных заболеваний держит вдали от сознания целые комплексы побуждений вместе с их производ- ными и является главным обусловливающим фактором при так называемых психоневрозах. Мы признаем за культурой и высшим воспитанием большое влияние на образование вытес- нения и предполагаем, что при этих условиях осуществляется изменение психической организации (которое может быть при- внесено и как унаследованное предрасположение), вследствие которого то, что воспринималось прежде как приятное, кажется теперь неприятным и отвергается всеми психическими силами. Благодаря вытесняющей работе культуры оказываются потерян- ными первичные, но отвергнутые нашей цензурой, возможности наслаждения. Но для психики человека каждое отречение очень тяжело, и мы находим, что тенденциозная острота возвращает средство упразднить отречение, вновь получить потерянное. Ког- да мы смеемся по поводу тонкой скабрезной остроты, то мы смеемся над тем же, что заставляет крестьянина смеяться при грубой сальности. Удовольствие в обоих случаях проистекает из одного и того же источника, но смеяться по поводу грубой сальности мы не могли бы, нам было бы стыдно,

или она показалась бы нам отвратительной. Мы можем смеяться лишь тогда, когда остроумие пришло нам на помощь.

Таким образом для нас подтверждается то, что мы предпо- ложили вначале: тенденциозная острота располагает иными ис- точниками удовольствия, чем безобидная, при которой все удовольствие так или иначе связано с техникой. Мы можем также подчеркнуть, что при тенденциозной остроте мы не в состоянии отделить при помощи нашего восприятия, какая часть нашего удовольствия проистекает из источников техники, а какая - из источников тенденции. Мы, следовательно, строго говоря, не знаем, над чел1 л{ы смеемся. При всех скабрезных остротах мы подвержены ярким обманам суждения о <добро- качественности> остроты, поскольку эта острота зависит от формальных условий. Техника этих острот часто очень бедна, а их смехотворный эффект огромен.

Мы хотим теперь исследовать, играет ли острота ту же роль при обслуживании враждебной тенденции.

С самого начала мы и здесь наталкиваемся на те же условия. Враждебные импульсы против ближних подвержены, начиная с нашего индивидуального детства, равно как и с детских времен человеческой культуры, тем же ограничениям, тому же про- грессирующему вытеснению, что и наши сексуальные стремле- ния. Мы еще не дошли до того, чтобы любить своих врагов или подставить им левую щеку после удара в правую; все моральные предписания в области ограничения ненависти и поныне несут на себе явные признаки того, что они должны были первоначально считаться действительными для небольшой общины соплеменников. Поскольку все мы можем чувствовать себя принадлежащими к одному народу, то позволяем себе не принимать во внимание большинство этих ограничений в от- ношении к чужому народу. Но внутри своего собственного круга мы все же сделали успехи в сдерживании враждебных побуж- дений, как это резко выразил Lichtenberg: <Там, где теперь говорят: "Извините, пожалуйста", там прежде давали пощечину>. Насильственная враждебность, запрещенная законом, сменилась руганью; лучшее признание обуздания человеческих побуждений все больше и больше лишает нас способности сердиться на ближнего, ставшего нам на пути, благодаря своему последова- тельному \ Еще детьми мы были одарены сильной способностью к враждебности; позже высшая личная культура научила нас, что нехорошо употреблять ругательства даже там, где борьба сама по себе разрешена, число приемов, которые не должны применяться как средства борьбы, чрезвычайно велико. С тех пор как мы должны были

^ <Все понять - это значит все простить> (франц.). 102

отказаться от выражения враждебности при помощи действия - этому препятствует и беспристрастное третье лицо, в интересах которого лежит охрана личной безопасности, - мы создали (точно так же, как и при сексуальной агрессивности) новую технику оскорбления,

цель которой - завербовать это третье лицо против нашего врага. Делая врага мелким, низким, пре- зренным, комическим, мы создаем себе окольный путь наслаж- дения по поводу победы над ним. Это наслаждение подтверждает нам своим смехом третье лицо, не приложившее никаких усилий к этой победе.

Мы, таким образом, подготовлены к роли остроумия при враждебной агрессивности. Острота позволяет нам использовать в нашем враге все то смешное, которого мы не смеем отметить вслух или сознательно; таким образом, острота обходит ог- раничения и открывает ставшие чедоступньши источники удо- вольствия. Далее, она подкупает слушателя благодаря тому, что доставляет ему удовольствие, не производя строжайшего испы- тания нашей пристрастности, как это мы сами делаем иной раз, подкупленные безобидной остротой, переоценивая содержа- ние остроумно выраженного предложения. В немецком языке существует очень меткое выражение: <Насмешники привлекают на свою сторону>.

Возьмем, например, разбросанные в предыдущей главе ост- роты г-на N. Это все без исключения ругательства. Они носят такой характер, как будто N хотел громко воскликнуть: <Но ведь министр земледелия сам - бык! Оставьте меня в покое с Y, который лопается от тщеславия! Более скучного, чем статьи этого историка о Наполеоне в Австрии, я еще никогда не читал!> Но высокопоставленность его особы делает для него невозможным выражение своих суждений в этой форме. Поэ- тому они прибегают к помощи остроумия, обеспечивающего им успех у слушателя, которого они никогда не имели бы в неостроумной форме, несмотря на то, что их содержание со- ответствует истине. Одна из этих острот особенно поучительна, это - острота о <красном пошляке (Fadian)>, быть может, самая агрессивная из всех острот. Что в ней заставляет нас смеяться и всецело отвлекает наше внимание от вопроса, справедливо ли это суждение о бедном писателе или нет? Конечно, остро- умная форма, следовательно, сама острота. Но над чем мы

при этом смеемся? Без сомнения, над самим лицом, которое было представлено нам как <красный пошляк (Fadian)> и осо- бенно над его красными волосами. Образованный человек отвык насмехаться над телесными недостатками, и для него красные волосы не относятся даже к заслуживающим насмешки телесным недостаткам. Но красные волосы продолжают подвергаться на- смешкам и у гимназистов, и у простого народа, а также еще на ступени образования общественных и парламентарных пред- ставителей. А эта острота г-на N искуснейшим образом дала нам возможность смеяться, как гимназисты, над красными волосами историка X. Это, конечно, не входило в цели г-на N; но сомнительно, чтобы кто-нибудь, создающий свою остроту, должен был точно знать ее цель.

Если в этих случаях препятствие для агрессивности, обой- денное с помощью остроты, было внутренним - эстетический протест против ругани, - то в других случаях оно может быть чисто внешнего характера. Таков случай, когда светлейший, которому бросилось

в глаза сходство его собственной персоны с другим человеком, спрашивает: <Служила ли его мать ког- да-либо в резиденции?> И находчивый ответ на этот вопрос гласит: <Мать не служила, зато мой отец ~ да>. Спрошенный хотел бы, конечно, осадить наглеца, который осмелился опо- зорить таким намеком память любимой матери, но этот на- глец - светлейший князь, которого он не смеет ни осадить, ни оскорбить, если он не хочет искупить этой мести ценой своей жизни. Это значило бы молча задушить в себе обиду, но, к счастью, острота указывает путь отмщения без риска, принимая этот намек с помощью технического приема уни- фикации и адресуя его нападающему светлейшему князю. Впе- чатление остроты настолько определяется здесь тенденцией, что при наличии, остроумного ответа мы склонны забыть, что вопрос нападающего остроумен благодаря содержащемуся в нем намеку.

Внешние обстоятельства так часто являются препятствием для ругани или оскорбительного ответа, что тенденциозная острота особенно охотно употребляется для осуществления воз- можности агрессивности или критики вышестоящих или пре- тендующих на авторитет лиц. Острота представляет собой про- тест против такого авторитета, освобождение от его гнета. В этом же факте заключается и вся прелесть карикатуры, по поводу которой мы смеемся даже тогда, когда она мало удачна, потому только, что ставим ей в заслугу протест против авто- ритета.

Если мы будем иметь в виду, что тенденциозная острота пригодна к нападению на все большое, достойное и могуще- ственное, которое защищено от непосредственного унижения внутренними задержками или внешними обстоятельствами, то должны будем прийти к особому пониманию некоторых групп острот, высказываемых малоценными, бессильными людьми. Я имею в виду истории с посредниками брака, с некоторыми из которых мы познакомились при исследовании разнообразных технических приемов острот по смыслу. В некоторых из них, например, в примерах: <Она глуха также> и <разве можно доверять этим людям что-нибудь!> посредник высмеивается как неосторожный и оплошный человек, который становится ко- мичным благодаря тому, что у него как бы автоматически вырывается правда. Но согласуется ли то, что мы, с одной стороны, узнали о природе тенденциозной остроты и степень нашего благоволения к этим историям, с другой стороны, с убожеством лиц, над которыми смеется острота? Достойны ли эти противники остроумия? Не обстоит ли дело скорее таким образом, что остроумие лишь выдвигает вперед посредника, чтобы попасть в нечто более значительное, что оно, как говорит пословица, целит в бровь, а попадает в глаз? Этой трактовки фактически нельзя не допустить.

Вышеизложенное толкование историй о посредниках может быть продолжено. Правда, мне не нужно вникать в них, я могу удовольствоваться тем, что буду видеть в этих историях <шутки> и могу отказать им в характере остроты. Существует, следова- тельно, и

такая субъективная условность остроты; мы обратили теперь на нее внимание и должны будем впоследствии ее исследовать. Она говорит, что только то является остротой, что я могу таковой считать. То, что для меня является остротой, может для других быть только комической историей. Но если острота допускает сомнение, то причина этого лишь в том, что она имеет показную сторону, - в нашем смысле комиче- ский фасад, которым вполне насыщается взгляд одного человека,

в то время как другой человек может сделать попытку рас- смотреть, что находится позади этого фасада. Может возникнуть также подозрение, что этот фасад предназначен для того, чтобы ослепить испытующий взгляд, что такие истории, следовательно, что-то скрывают.

Во всяком случае, если наши истории с посредниками - остроты, то тем лучшими остротами они являются, поскольку благодаря своему фасаду могут скрыть не только то, что им нужно сказать, но также то, что они должны сказать нечто запретное. Продолжение этого толкования, открывающего скры- тое и разоблачающего, что эти истории с комическим фасадом являются тенденциозными остротами, было бы следующим: каждый, у кого в неосторожный момент вырывается правда, собственно рад тому, что он освобожден от необходимости притворяться. Это - верное и глубоко психологическое поло- жение. Без такого внутреннего согласия никто не позволит одержать верх над собой автоматизму, выявляющему истину^. Но этим смешная личность шадхена превращается в достойную сожаления, симпатичную. Как должен блаженствовать, наконец, человек, который может сбросить ярмо притворства, когда он пользуется первым удобным случаем, чтобы выкрикнуть по- следнюю долю истины! Как только он замечает, что дело проиграно, что невеста не нравится молодому человеку, он охотно обнаруживает, что она имеет еще один скрытый недо- статок, который не бросился в глаза претенденту на руку невесты. Или он пользуется поводом, чтобы привести вместо детали решительный аргумент, чтобы выразить при этом людям, в пользу которых он работает, свое презрение: <Скажите, по- жалуйста, разве кто доверит этим людям что-нибудь!> Вся ирония падает на только вскользь упомянутых в этой истории родителей, которые считают позволительным подобное надува- тельство, лишь бы во что бы то ни стало выдать замуж свою дочь; на убожество девушек, которые позволяют себе выходить замуж при подобных обстоятельствах; на недостойность браков, заключению которых предшествуют такие прелюдии. Посредник является именно тем человеком, который может дать выражение

Это - тот же механизм, который управляет <огопоркамп> и другими феноменами, которыми человек сам выдает себя. См. <Психопатологию обыденной жизни>. М.: Соврем, проблемы, 1924.

такой критике, т. к. он в большинстве случаев знает об этих злоупотреблениях, но он

не должен говорить о них вслух, потому что он бедный человек, который может добывать средства к жизни только путем использования этих злоупотреблений. Но в подобном же конфликте находится и дух народа, создав- шего эту и ей подобные истории, т. к. он знает, что святость заключенных браков в большой мере страдает от указания на события при заключении брака.

Вспомним также о замечании, сделанном при исследовании техники остроумия: бессмыслица в остроте часто заменяет насмешку и критику в мыслях, скрывающихся за остротой, в чем работа остроумия, впрочем, тождественна работе сновидения. Мы видим, что это положение снова подтверждается. Что насмешка и критика относятся не к личности посредника, который в предыдущих примерах является только козлом от- пущения остроумия, будет доказано рядом других острот, в которых посредник является мыслящей личностью, диалектика которой способна на самую замысловатую вещь. Это истории с логическим фасадом вместо комического, софистические ос- троты по смыслу. В одной из них (с. 63) посредник прекрасно знает, как ему вести диспут о недостатке невесты, которая хромает. Это, по крайней мере, <готовое дело>. Другая женщина со здоровыми конечностями подвержена постоянной опасности, она может сломать себе ногу, а затем придет болезнь, боли, расходы по лечению, которые можно сэкономить, женившись на готовой хромоножке. Или в другой истории он находит возражения на целый ряд указаний относительно недостатков невесты, сделанных претендентом. На каждое указание в от- дельности он приводит веские аргументы, чтобы при последнем указании, которое не может быть скрашено ничем, возразить: <А что же вы хотели? Чтоб она не имела ни одного недостатка?>, как будто от прежних возражений не осталось никакого небла- гоприятного впечатления. Нетрудно в обоих примерах указать на слабое место в аргументации. Мы сделали это и при исследовании техники. Но теперь нас интересует нечто другое. Если речи посредника придается такая строгая логическая ви- димость, которая при тщательной проверке оказывается только видимостью, то истина скрывается в том, что острота указывает на правоту посредника. Мысль не решается серьезно признать за ним правоту, заменяет эту серьезность видимостью, которую

производит острота, но под видом шутки часто кроется серь- езность. . Мы. не ошибемся, если признаем за всеми этими историями с логическим фасадом, что они серьезно думают то, что утверждают с намеренно ложным обоснованием. Лишь это применение софизма для скрытого изображения истины придает ему характер остроумия, который зависит, следователь- но, главным образом от тенденции. В обеих историях должно быть указано на то, что претендент действительно оказывается смешным: он тщательно выискивает отдельные преимущества, которые являются, однако, ненадежными, и забывает при этом, что он должен быть подготовлен к тому, чтобы взять в жены смертного человека с

неизбежными недостатками, в то время как единственным качеством, которое делает приемлемой более или менее недостаточную личность женщины, является взаимное расположение и готовность к исполненному любви приспособ- лению, о нем и речи нет при всей этой торговле.

Содержащееся во всех этих примерах высмеивание претен- дента на брак, причем посредник играет только пассивную роль рассудительного человека, выражено в других историях гораздо отчетливее. Чем отчетливее эти истории, тем меньше техники остроумия содержится в них. Они являются только как будто пограничным случаем остроумия, с техникой которого у них только одна общая черта: фасадное образование. Но вследствие той же тенденции и сокрытия ее за фасадом им присуще в полной мере действие остроты. Бедность техническими при- емами делает, кроме того, понятным, почему многие остроты этого рода не могут быть без особого ущерба лишены коми- ческого элемента жаргона, который действует подобно технике остроумия.

Такова следующая история, в которой при всей силе тен- денциозного остроумия абсолютно нет техники остроумия. По- средник спрашивает: <Чего вы требуете от вашей невесты?> - Ответ: <Она должна быть красива, она должна быть богата и образована>. - <Хорошо, - говорит посредник, - но из этого я сделаю три партии>. Здесь выговор сделан мужчине прямо, он больше не облачен в форму остроты.

В приведенных до сих пор примерах замаскированная аг- * рессивность направлялась еще и против лиц - в остротах о посредниках против сторон, - которые участвуют в деле за- ключения брака: невесты, жениха и их родителей. Но объектами нападения остроумия могут в такой же мере быть и целые институты, лица, поскольку они являются носителями этих институтов, уставы морали и религии, мировоззрения, которые пользуются таким уважением, что возражение против них не может быть сделано иначе, как под маской остроумия, а именно остроты, скрытой за своим фасадом. Темы, которые имеет в виду такая тенденциозная острота, могут быть немногочисленны, но ее формы и облачения крайне разнообразны. Я думаю, что мы правильно поступаем, обозначая этот вид тенденциозного остроумия особым наименованием. Какое наименование при- годно для этого, выяснится после того, как мы истолкуем некоторые примеры этого вида.

Я вспоминаю о двух историях: об обедневшем гурмане, который был застигнут при поедании <семги с майонезом>, и о пьянице-учителе, - которые мы изучили, как софистические остроты, возникшие путем передвигания; я продолжаю их тол- кование. Мы уже слышали с тех пор, что если видимость логичности относится к фасаду истории, то мысли, скрываю- щиеся за фасадом, хотели бы серьезно сказать: этот человек прав, но в силу получающегося противоречия они не решаются признать за человеком правоту иначе чем в одном пункте, в котором нетрудно доказать его неправоту. Избранная <острота> является

настоящим компромиссом между его правотой и его неправотой, что, конечно, не является решением вопроса, но соответствует конфликту в нем самом. Обе истории просто носят эпикурейский характер, они говорят: <Да, этот человек прав, нет ничего высшего, чем наслаждение, и совершенно безразлично, каким образом его себе доставляют>. Но это звучит ужасно безнравственно, и фактически это не совсем хорошо, но в основе его лежит ничто иное как (<Срывай день, лат.) поэтов, которые ссылаются на непрочность жизни и на бесплодность добродетельного отречения от мирских благ. Если идея, что человек в остроте о <семге с майонезом> должен быть прав, действует на нас так отталкивающе, то это происходит только вследствие иллюстрации истины на наслаждении низшего рода, которое кажется нам совершенно излишним. В действи- тельности у каждого из нас были минуты и целые эпохи в жизни, когда он признавал за этой жизненной философией ее права и ставил на вид моральному учению, что оно умеет только требовать, не давая никакого вознаграждения. С тех пор, как мы больше не верим в указание на потусторонний мир, в котором всякий отказ должен вознаграждаться удовлетворе- нием - впрочем, есть очень мало набожных людей, если за отличительную черту верования принять отречение от мирских благ - с тех пор стало серьезным лозунгом. Я охотно отсрочу удовлетворение, но разве я знаю, буду ли я завтра еще в живых?

. (<Я не уверен в завтрашнем Дне>Л)

Я охотно откажусь от всех запрещенных обществом путей удовлетворения, но уверен ли я, что общество вознаградит меня за это отречение от мирских благ, открыв мне - хотя бы с некоторой отсрочкой - один из дозволенных путей? Можно громко сказать то, о чем шепчут эти остроты: желания и страсти человека имеют право на то, чтобы и им внимали наряду с взыскательной и беспощадной моралью, и в наши дни было сказано убедительно и проникновенно, что эта мораль является только корыстолюбивым предписанием немногих бо- гачей и сильных мира сего, которые в любой момент могут удовлетворить свои желания. Пока медицина не научилась обес- печивать нашу жизнь и пока социальные установки не направ- лены на то, чтобы она складывалась более радостно, до тех пор не может быть задушен в нас голос, протестующий против требований морали. Каждый честный человек сделает, в конце концов, эту уступку, по крайней мере, для себя. Разрешение конфликта возможно лишь окольным путем благодаря новому рассуждению. Нужно так связать свою жизнь с другой, уметь так тесно идентифицировать себя с другим человеком, чтобы можно было преодолеть недолговечность своей собственной жиз- ни. Нельзя незаконно удовлетворять собственные нужды, нужно оставлять их неисполненными, т. к. только существование столь- ких неудовлетворенных требований может развить силу, необ- ходимую для изменения общественного строя. Однако не все личные потребности могут быть подвергнуты такому передви- ганию и перенесены на других людей, и полного и

оконча- тельного разрешения конфликта - нет. Мы знаем теперь, как нужно назвать эти последние истол-

Lorenzo del Medici.

кованные нами остроты: это - циничные остроты; то, что они скрывают, - цинизмы.

Среди институтов, на которые нападает циничная острота, ни один из них не охраняется более серьезно и более настойчиво моральными предписаниями, и тем не менее ни один из них не является столь заманчивым для нападения, чем институт брака, к которому, таким образом, и относится большинство циничных острот. Никакое посягательство не задевает личность так, как посягательство на сексуальную свободу, и нигде культура не пыталась произвести такого давления, как в области сексу- альности. Для наших целей достаточен один-единственный при- мер: упомянутая на с. 79 <Запись в родовую книгу принца Карнавала>:

<Жена - как зонтик; в случае необходимости все же при- бегают к услугам комфортабельности>.

Сложную технику этого примера мы уже обсудили: смуща- ющее вследствие своей непонятности, по-видимому, невозмож- ное сравнение, которое, как мы теперь видим, само по себе не остроумно, далее намек (комфортабельность = общественному экипажу), и, как самый сильный технический прием, - про- пуск, делающий остроту еще непонятнее. Сравнение нужно было бы провести в следующем виде: женятся для того, чтобы обеспечить себя от искушений чувственности, а затем оказы- вается все-таки, что брак не дает удовлетворения одной несколько более сильной потребности точно так, как берут с собой зонтик, чтобы защитить себя от дождя, и тем не менее мокнут, когда падает дождь. В обоих случаях нужно искать более сильной защиты, какой в данном случае является общественный экипаж, а в первом случае - доступные за деньги женщины. Теперь острота почти полностью заменена цинизмом. Что брак не является институтом, удовлетворяющим сексуальность мужчины, не решаются сказать громко и открыто, если к этому не вынуждает любовь к истине и страстное желание реформы в духе Christian'a v. Ehrcnfels'a\ Сила остроты заключается в том, что она все-таки - разными окольными путями - сказала это. Для тенденциозной остроты представляется особенно благо-

См. его статьи в Politisch-Anthropologischen Revue II, 1903.

приятным случай, когда критика протеста направляется на собственную личность; осторожнее говоря, на личность, в ко- торой принимает участие личность человека, создающего ост- роту, следовательно, на собирательную личность, например, на свой народ. Это условие самокритики может объяснить, почему именно на почве еврейской народной жизни выросло большое число удачных острот, из которых мы привели здесь достаточное число примеров. Это - истории, созданные евреями и направ- ленные против своеобразности

еврейского характера. Остроты, созданные не-евреями о евреях в большинстве случаев являются плоскими шутками, в которых острота происходит за счет того, что не-еврей относится к еврею как к комической фигуре. Остроты о евреях, созданные евреями, тоже допускаю')' такой прием, но они знают свои истинные недостатки, равно как и связь их с их положительными чертами, и участие собственной личности в порицаемой создает трудно поддающееся изображе- нию субъективное условие работы остроумия. Впрочем, я не знаю, случается ли еще так часто,' чтобы народ в такой мере смеялся над своим собственным существом.

В качестве примера я могу указать на упомянутую на с. 81 историю о том, как еврей в вагоне железной дороги тотчас перестает соблюдать все правила приличного поведения после того, как узнает в человеке, вошедшем в купе, своего единоверца. Мы изучили эту остроту как доказательство наглядного пояс- нения при помощи детали, изображение при помощи мелочи; она должна изображать демократический образ мышления ев- реев, который делает небольшую разницу между господами и рабами, но, к сожалению, нарушает дисциплину и взаимный контакт между людьми. Другой, особенно интересный ряд острот изображает взаимоотношения между бедным и богатым евреем. Героями этих острот являются проситель и благотворитель - хозяин дома или барон. Проситель, которого принимали в гости каждое воскресенье в одном и том же доме, появляется однажды в сопровождении неизвестного молодого человека, ко- торый тоже намеревается сесть за стол к обеду. <Кто это?> - спрашивает хозяин дома и получает ответ: <Это - мой зять с прошлой недели: я обещал содержать его в течение первого года>. Тенденция этих историй одна и та же; она выступает отчетливее всего в следующей истории. Проситель обращается к барону за деньгами для поездки на курорт Остендэ; врач, выслушав его жалобы, предписал ему курорт. Барон находит, что Остендэ очень дорогое местопребывание; более дешевый курорт принесет ту же пользу. Проситель отклоняет это пред- ложение следующими словами: <Господин барон, для моего здоровья нет ничего, что было бы дорого>. Это - великолепная острота, возникающая пугем передвигания, которую мы могли бы взять за образец этого вида остроумия. Барон, очевидно, хочет сэкономить свои деньги, проситель же отвечает так, как будто деньги барона - это его деньги, которые, конечно, менее ценны для него, чем его здоровье. Дерзость этого требования вызывает в нас смех. Но все эти остроты за некоторым исключением не снабжены фасадом, который мешал бы пра- вильному их пониманию. Истина скрывается за тем, что про- ситель, который мысленно обращается с деньгами богача как со своими собственными, на самом деле почти имеет право по священным заповедям евреев на такую ошибочность суж- дения. Протест, создавший эту остроту, направлен, разумеется, против закона, тяжело обременяющего даже набожного человека.

Другая история гласит: проситель встречает на лестнице в доме одного богатого

человека, своего товарища по ремеслу, который не советует ему продолжать свой путь. <Не ходи сегодня наверх, барон сегодня не в духе; он никому не дает больше одного гульдена>. - <Я все-таки пойду наверх, - го- ворит первый проситель. - Почему я должен подарить ему этот гульден? Разве он мне что-нибудь дарит?>

Эта острота пользуется техникой бессмыслицы, заставляя просителя утверждать, что барон ему ничего не дарит в тот самый момент, когда он собирается выпросить у него подарок. Но эта бессмыслица только кажущаяся. Почти верно, что богатый не дарит ему ничего, т. к. закон обязует богатого дать ему милостыню, и, строго говоря, он должен быть благодарен, что проситель доставляет ему случай сделать благодеяние. Обы- денное мещанское понимание милостыни находится в проти- воречии с религиозным - оно открыто возмущается против религиозного в истории с бароном, который, будучи глубоко тронут рассказом просителя о его страданиях, бранит своего лакея: <Выкиньте его вон: он действует на мои нервы>. Это открытое изложение тенденции создает опять пограничный слу-

\ 13

чай остроты. От совсем неостроумной жалобы: <В действитель- ности нет никакого преимущества быть богатым среди евреев. Чужое страдание не позволяет наслаждаться собственным сча- стьем> - эти последние истории переходят для более наглядного пояснения почти исключительно к отдельным ситуациям.

Другие истории свидетельствуют о глубоком пессимистиче- ском цинизме. Эти истории являются опять-таки в техническом отношении пограничными случаями остроумия, равно как и нижеследующая: глухой обращается за советом к врачу, который ставит правильный диагноз, что пациент пьет, вероятно, слиш- ком много водки и поэтому глух. Врач советует больному не делать этого впредь, глухой обещает принять во внимание этот совет. Спустя некоторое время врач встречает его на улице и спрашивает его громко, как идут его дела. <Благодарю вас, - гласит ответ, - вам не нужно так кричать, г. доктор, я отказался от пьянства и опять слышу хорошо>. Спустя некоторое время они опять встречаются. Доктор спрашивает обычным голосом о состоянии его здоровья, но он замечает, что его не понимают. <Как? Что?> - <Мне кажется, что вы опять пьете водку, - кричит ему доктор в ухо, - и потому опять не слышите>. - <Вы правы, - отвечает глухой. - Я опять начал пить водку, но я хочу объяснить вам почему. Покуда я не пил, я слышал; но все, что я слышал, было не так хорошо, как водка>. - В техническом отношении эта острота - не что иное как на- глядное пояснение; жаргон, искусство рассказывать должно слу- жить для того, чтобы вызвать смех, но за этим нас подкара- уливает печальный вопрос: не прав ли этот человек, сделав такой выбор?

То, на что намекают все эти пессимистические истории, это - разнообразное безнадежное состояние еврея; в силу этого я должен причислить их к тенденциозной

остроте.

Другие в подобном же смысле циничные остроты, и не только еврейские истории, нападают на религиозные догмы и даже на веру в бога. История о <взгляде раввина>, техника которой состояла в ошибочности сопоставления фантазии и действительности (трактовка этой техники как передвигания тоже была бы правильна), является такой циничной или кри- тической остротой, которая направлена против чудотворцев и, конечно, также против веры в чудесное. Гейне, лежа на смертном одре, создал одну прямо-таки святотатственную остроту. Когда дружески настроенный пастор сослался на божью милость и указал ему, что он может надеяться на то, что он найдет у бога прощение всех своих грехов, Гейне ответил: ^. Это- унизительное сравнение, имеющее в техническом отношении только ценность намека, т. к. metier, дело или призвание, имеет только ремесленник или врач, и имеет он только одно-единственное metier. Но сила этой остроты заключается в ее тенденции. Она не может сказать ничего иного кроме: конечно, он мне простит, для этого он ведь и существует, я его не создал себе ни для какой другой цели (как имеют своего врача, своего адвоката). И в нем, бессильно лежавшем на смертном одре, живо было еще сознание того, что он создал себе бога и наделил его могуществом, чтобы при случае воспользоваться его услугами. Нечто вроде творчества дало знать о себе еще незадолго до его гибели, как творца.

К обсуждавшимся до сих пор видам тенденциозного остро- умия,

обнажающему или скабрезному, агрессивному (враждебному),

циничному (критическому, святотатственному), я хотел бы присоединить еще четвертый, новый и самый редкий вид, характеристика которого должна быть наглядно выяснена хоро- шим примером.

Два еврея встречаются на галициНскоН станции в вагоне железной дороги. <Куда ты едешь?> - спрашивает один. - <В Краков>, - гласит ответ. - <Ну посуди сам, какой ты лгун, - вспылил первый, - когда ты говоришь, что ты едешь в Краков, то ты ведь хочешь, чтоб я подумал, что ты едешь в Лемберг. А теперь я знаю, что ты действительно едешь в Краков. Почему же ты лжешь?>

Эта ценная история, которая производит впечатление чрез- вычайной софистики, оказывает свое действие, очевидно, при помощи техники бессмыслицы. Второго еврея упрекают в лжи- вости, т. к. он сообщил, что едет в Краков, что в действитель-

<Конечно, он меня простит; ведь это его ремесло> (франц.).

ности является целью его поездки! Этот сильный технический прием - бессмыслица - сопряжен здесь с другим техническим приемом, изображением при помощи противоположности, т. к. согласно беспрекословному утверждению первого другой лжет,

когда он говорит правду, и говорит правду при помощи лжи. Но более серьезным содержанием этой остроты является вопрос об условиях правды: острота намекает опять-таки на проблему и пользуется для этого ненадежностью одного из самых упот- ребительных у нас понятий. Будет ли правдой, если человек описывает вещи такими, какими они есть, и не заботится о том, как слушатели воспримут сказанное? Или это только иезуитская правда? И не состоит ли истинная правдивость скорее в том, чтобы принять во внимание слушателя и спо- собствовать тому, чтобы он получил верное отображение того, что знает сам рассказывающий? Я считаю остроты этого рода достаточно отличными от других, чтобы отвести им особое место. То, на что они нападают, не является личностью или институтом, а надежностью нашего познания, одного из наших спекулятивных достояний. Термин <скептические> остроты будет, таким образом, подходящим для них.

В ходе наших рассуждений о тенденциях остроумия мы, быть может, получили некоторые разъяснения и, конечно, нашли множество побуждений к дальнейшим исследованиям. Но ре- зультаты этой главы соединяются с результатами предыдущей в одну сложную проблему. Если верно, что удовольствие, до- ставляемое остроумием, происходит, с одной стороны, за счет техники, а с другой стороны, - за счет тенденции, то с какой же общей точки зрения можно объединить два эти столь различных источника удовольствия от остроумия?

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ
МЕХАНИЗМ УДОВОЛЬСТВИЯ И ПСИХОГЕНЕЗ ОСТРОУМИЯ

Из каких источников вытекает своеобразное удовольствие, доставляемое остроумием - это мы предполагаем уже извест- ным. Мы знаем, что можем быть обмануты и можем заменить удовольствие, доставленное содержанием мыслей предложения, собственно удовольствие от остроумия, но что это последнее имеет по существу два источника: технику и тенденции ост- роумия. Теперь мы хотели бы узнать, каким образом из этих источников вытекает удовольствие, т. е. механизм этого дейст- вия удовольствия.

Нам кажется, что искомое объяснение можно гораздо легче получить при тенденциозной остроте, чем при безобидной. Итак, начнем с первой.

Удовольствие при тенденциозной остроте получается в ре- зультате того, что удовлетворяется тенденция, которая в про- тивном случае не была бы удовлетворена. То, что такое удов- летворение является источником удовольствия, не нуждается ни в каком дальнейшем доказательстве. Но тот способ, с помощью которого остроумие реализует это удовлетворение, связан с особыми условиями, из которых можно извлечь дальнейшее разъяснение. Здесь следует различать два случая. Более про- стой - тот, когда на пути к

удовлетворению тенденции стоит внешнее препятствие, которое человек обходит при помощи остроты. Мы нашли это, например, в ответе, полученном свет- лейшим князем на вопрос, жила ли когда-либо мать спраши- ваемого в резиденции, или в выражении критика, которому два богатых мошенника показали свои портреты:

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

is the Saviour?> В первом случае тенденция клонилась к тому, чтобы возразить на ругательство ругательством, в другом слу- чае - к тому, чтобы нанести оскорбление вместо того, чтобы дать требуемый отзыв. Здесь противодействие оказывают чисто внешние моменты: те лица, к которым относятся ругательства, обладают властью. Все-таки нам может броситься в глаза, что эти и аналогичные им остроты - тенденциозной природы, хотя и удовлетворяют нас, однако не в состоянии вызвать сильный смехотворный эффект.

Иначе обстоит дело, когда на пути к прямому осуществлению тенденции стоят не внешние моменты, а внутренние препят- ствия, когда внутреннее побуждение противоречит тенденции. Это условие как бы осуществляется, согласно нашему предпо- ложению, в агрессивных остротах г. N, у которого сильная склонность к брани подавлялась высокоразвитой эстетической культурой. С помощью остроумия внутреннее сопротивление для этого частного случая было преодолено, задержки упразд- нены. Благодаря этому, как и в случае внешнего препятствия, стало возможным удовлетворение тенденции, было избегнуто подавление и связанная с ней <психическая запруда>; механизм развития удовольствия, поскольку дело касается обоих случаев, - один и тот же.

Мы чувствуем здесь желание подробнее вникнуть в различие психологической ситуации для случая внешнего и внутреннего препятствия, т. к. нам представляется возможным, что в ре- зультате упразднения внутреннего препятствия может получиться гораздо более интенсивное удовольствие. Но я предлагаю удо- вольствоваться малым и удовлетвориться пока выяснением од- ного существенного момента. Случаи внешнего и внутреннего препятствия отличаются только тем, что в одном упраздняется существующая уже наготове задержка, а в другом избегается создание новой задержки. Мы думаем, что не заслуживаем упрека в спекулятивном мышлении, утверждая, что как для создания, так и для сохранения психической задержки требуется <психическая затрата>. Если оказывается, что в обоих случаях применения тенденциозной остроты целью является получение удовольствия, то уместно предположить, что такое получение удовольствия соответствует экономной психической затрате.

Таким образом, мы опять наткнулись на принцип экономии, который встретили при технике словесной остроты. Но в то время, как там мы прежде всего думали найти экономию в употреблении по возможности меньшего числа слов или по возможности одних и тех же слов, здесь нам видится гораздо более объемлющий смысл экономии психической затраты, и мы должны считать, что можно подойти ближе к сущности остроумия через более точное определение еще неясного понятия <психической затраты>.

Некоторая неясность, которую мы не могли преодолеть при обсуждении механизма удовольствия, получаемого от тенденци- озной остроты, является для нас небольшим наказанием за то, что мы пытались выяснить более сложное раньше, чем более простое, тенденциозную остроту раньше, чем безобидную. Мы замечаем, что экономия затраты энергии, расходуемой на за- держки или подавление, оказывается тайным источником дей- ствия удовольствия, получаемого от тенденциозной остроты, и обращаемся к механизму удовольствия при безобидной остроте.

Из соответствующих примеров безобидных острот, относи- тельно которых нет нужды бояться нарушения нашего мнения о них из-за содержания или тенденции, следует сделать за- ключение, что технические приемы остроумия являются источ- ником удовольствия, и теперь нужно проверить, можно ли свести это удовольствие к экономии психической затраты. В одной группе этих острот (игре слов) техника состояла в том, что наша психическая установка направлялась на созвучие слов вместо смысла слов, что мы ставили (акустическое) изображение слова на место его значения, данного отношением к предметным представлениям. Можно предположить, что этим дано большое облегчение психической работе, и что при серьезном употреб- лении слов мы должны сильно напрягать свое внимание, чтобы удержаться от этого удобного приема. Мы можем наблюдать, что болезненные состояния мыслительной деятельности, при которых, вероятно, ограничена возможность концентрировать на одном месте психическую затрату, действительно выдвигают на первый план представление о созвучии слов такого рода в сравнении со значением слов, и что такие больные в своих речах следуют, как говорит формула, <внешним> (вместо <внут- ренних>) ассоциациям представлений о словах. Также и у

ребенка, который привык еще трактовать слова, как вещи, мы замечаем склонность искать за тождественным или сходным текстом тождественный смысл, склонность, становящуюся ис- точником многих ошибок, над которыми смеются взрослые. Если нам доставляет в остроумии несомненное удовольствие переход из одного круга представлений в другой (как при Home-Roulard из области кухни в область политики) путем употребления

одного и того же или сходного слова, то это удовольствие нужно по праву свести к экономии психической затраты. Удовольствие от остроумия, вытекающее из такого <короткого замыкания>, оказывается тем большим, чем более чуждыми являются друг другу оба круга представлений, при- веденные в связь тождественным словом, чем дальше они лежат друг от друга, чем больше, следовательно, удается экономия мысленного пути благодаря техническому приему остроумия. Заметим, кроме того, что острота пользуется здесь приемом установления связи, которая отбрасывается и тщательно избе- гается серьезным мышлением^

Выясненная здесь разница совпадает с нижеприведенным отделением <шутки> от <остроты>. Но было бы неправильно, если бы мы исключили такие примеры, как Home-Roulard, из обсуждения вопроса о природе остроумия. Принимая по вни- мание своеобразное удовольствие от остроты, мы находим, что

Бели я позволю себе предупредить здесь изложение в тексте, то я смогу теперь же пролить свет на то условие, которое оказывается руководящим в практике языка, чтобы назвать остроту <удачной> или <неудачной>. Если я с помощью двусмысленного или немного модифицированного слона попадаю кратчайшим путем из одного круга представлений в другой в то время, как между обоими кругами представлений не существует одновременно более глубокой связи, то я создал неудачную остроту. В этой неудачной остроте одно это слово <соль> является единственной существующей связью между обоими несходными представлениями. Таким случаем является вышеприве- денный пример: Hoi-ne-Rolilard. <Удачная> же острота получается в том случае, если правым оказывается детское ожидание и если подобием слов действительно указывается одновременно на другое существенное подобие смысла, как в примере: Traduttore - Traditore. Оба несходные представления, связанные здесь внешней ассоциацией, стоят, кроме того, в остроумной связи, которая свидетельствует об их родственности по существу. Внешняя ассоциация заменяет только внутреннюю связь. Она служит только для того, чтобы указать на эту связь или выяснить ее. <Переводчик не только подобен предателю, он тоже является до некоторой степени предателем; он но праву получил свое имя>.

<неудачные> остроты отнюдь не неудачны, как остроты, т. е. не неспособны доставить удовольствие.

Вторая группа технических приемов остроумия: унификация, созвучие, многократное употребление, модификация известных оборотов речи, намек на цитату, - позволяет отметить как общую характерную черту тот факт, что каждый раз находят вновь нечто известное там, где вместо него можно было бы ожидать что-то новое. Эта возможность вновь обрести нечто известное исполнена удовольствия, и нам опять-таки нетрудно видеть в этом удовольствии - удовольствие от экономии, от- нести его к экономии психической затраты.

Тот факт, что вновь нахождение известного, <опознание> исполнено удовольствия, является, видимо, общепризнанным. Groos^ говорит: <Опознание повсюду, где оно не слишком механизировано (как, например, при одевании, где...), связано с чувством удовольствия. Один только признак известного легко сопровождается уже тем тихим удовольствием, которое испы- тывает Фауст, когда он после жуткой встречи вновь вступает в свой кабинет...> <Если самый акт опознания возбуждает такое удовольствие, то мы можем ожидать, что человек постарается упражнять эту способность ради нее самой, следовательно, экс- периментировать, играя ею. И, действительно, Аристотель ус- матривает в радости от опознания основу художественного наслаждения, и следует признать, что этот принцип нельзя игнорировать, хотя он и не имеет такого большого значения, как полагает Аристотель>.

Groos обсуждает затем игры, характерная черта которых состоит в повышении удовольствия от опознания благодаря тому, что на пути к этому последнему воздвигают препятствия, следовательно, создают <психическую запруду>, которая устра- няется актом познания. Но его попытка объяснения не при- нимает во внимание тот факт, что познание само по себе исполнено удовольствия, в то время как он, ссылаясь на эти игры, учитывает удовольствие от познания как радость силы (die Freude an der Macht), как преодоление трудности. Я считаю этот последний момент вторичным и не вижу никаких причин

'Die Spiele des Menchen, 1899.

уходить от более простого понимания, согласно которому по- знание само по себе, т. е. благодаря уменьшению психической затраты, исполнено удовольствия, и основанные на этом удо- вольствии игры пользуются лишь механизмом запруды, чтобы повысить свою ценность.

Общеизвестно, что рифма, аллитерация, припев и другие формы повторения подобных созвучных слов в поэзии поль- зуются тем же источником удовольствия, вновь нахождением известного. <Чувство силы> не играет в этих технических при- емах, являющих собою такую полную аналогию с <многократ- ным употреблением>, никакой значительной роли.

При том близком отношении, какое существует между опоз- нанием и воспоминанием, мы без риска можем утверждать, что существует также удовольствие от воспоминания: т. е. что акт воспоминания сопровождается чувством удовольствия подоб- ного же происхождения. Groos, видимо, не склоняется к такому предположению, но считает удовольствие от воспоминания про- изводным опять-таки чувства силы, в котором он ищет - на мой взгляд, неправильно - главную основу наслаждения почти при всех играх.

На <вновь нахождении известного> основано также приме- нение другого

технического вспомогательного приема остроумия, о котором до сих пор еще не было речи. Я имею в виду момент актуальности, являющийся при очень многих остротах обильным источником удовольствия и объясняющий некоторые особенности генезиса и существования острот. Есть остроты, которые совершенно свободны от этого условия, и в работе об остроумии мы вынуждены пользоваться почти без исключения такими примерами. Но мы не можем забыть о том, что, быть может, еще сильнее смеялись по поводу некоторых других острот, чем по поводу подобных долговечных острот. При этом употребление острот первого рода (недолговечных) было для нас труднее, т. к. они требовали долгих комментариев, и даже с помощью них они не могли достигнуть определенного эф- фекта. Эти остроты содержат намеки на людей и события, которые в то время были <актуальны>, вызывали всеобщий интерес и держали всех в напряжении. После того, как этот интерес угасает и соответствующее происшествие исчерпано, эти остроты также лишаются части своего действия в смысле удовольствия (Lustwirkung), и нередко очень значительной части,

как, например, острота, созданная моим дружественным, гос- теприимным хозяином, когда он назвал розданное мучное блюдо . Она кажется мне теперь не стол>, удачной, как тогда, когда Home-Rule был постоянной рубрикой в политиче- ском отделе наших газет. Если я попытаюсь теперь оценить достоинство этой остроты указанием на то, что одно это слово перевело нас с большой экономией окольного мысленного пути из круга представлений кухни в столь отдаленный от него круг политических представлений, то я должен был бы изменить это указание в том смысле, <что это слово переводит нас из круга представлений кухни в столь отдаленный от него круг политических представлений, но этот последний круг вызывал наш оживленный интерес, т. к. он все время занимал нас>. Другая острота: <Эта девушка напоминает мне Дрейфуса; армия не верит в нее невиновность>, несмотря на то, что ее технические приемы должны были бы остаться неизменными, в настоящее время как будто утратила свою яркость. Смущение, возникающее вследствие сравнения, и двоякое толкование слова <невинность> не могут искупить того, что этот намек, касавшийся тогда события, к которому относились с возбуждением, напоминает теперь о происшествии, интерес к которому иссяк. Следующая острота тоже может служить примером актуальной остроты: Кронпринцесса Луиза обратилась с запросом в крематорий в Готе, сколько стоит сожжение. Управление ответило: <Сожжение стоит 5 тысяч марок, но ей посчитают только 3 тысячи марок, т. к. она один раз уже перегорела>. Эта острота кажется для настоящего времени неудачной; одно время мы оценивали ее очень высоко, а некоторое время спустя, когда нельзя рассказать ее, не прокомментировав того, кто такая была

принцесса Луиза и как следует понимать ее <горение>, она, несмотря на отличную игру слов, останется без эффекта.

Большое число находящихся в обращении острот имеет определенную длительность существования, собственно опреде- ленное течение, слагающееся из периода расцвета и периода упадка и оканчивающееся полным забвением. Потребность лю- дей извлекать удовольствие из мыслительных процессов создает все новые и новые остроты, опираясь на злободневные интересы. Жизненная сила актуальных острот отнюдь не принадлежит этим остротам, она заимствуется при помощи намека у всяких других интересов; прекращение которых определяет и судьбу

самой остроты. Момент актуальности, присоединявшийся как особенно обильный, хотя и непостоянный источник удовольствия к собственным источникам остроумия, не может быть просто сопоставлен с нахождением известного. Речь может идти скорее об особой квалификации известного, которому должно принад- лежать свойство свежего, недавнего, нетронутого забвением. При образовании сновидения тоже приходится встречаться с особым предпочтением, которое оказывается свежему материалу, и нель- зя не предположить, что ассоциация со свежим материалом вознаграждается своеобразным удовольствием, и таким образом облегчается ее возникновение.

Унификация, которая является собственно лишь повторением в области связи, существующей между определенными мыслями, вместо повторения материала, нашла себе у G. Th. Fechner'a особую оценку в качестве источника удовольствия, доставляемого остроумием. Fechner говорит (Vorschule der Asthetik I, XVII): <На мой взгляд, в поле зрения, которое мы имеем перед собой, главную роль играет принцип объединенной связи разнообраз- ного материала, но он нуждается в подкрепляющих побочных условиях, чтобы увеличить благодаря своему своеобразному характеру размеры того удовольствия, которое могут доставить относящиеся сюда случаи>^.

Во всех этих случаях повторения одной и той же связи или одного и того же словесного материала, вновь нахождения известного и свежего нам не запрещается производить испы- тываемое при этом удовольствие из экономии психической затраты, если эта точка зрения оказывается пригодной для объяснения отдельных деталей и для новых обобщений. Мы знаем, что нам еще предстоит точное выяснение этого способа, с помощью которого осуществляется эта экономия, и смысла выражения <психическая затрата>.

Третья группа психических приемов остроумия - в боль- шинстве случаев острот по смыслу - которая охватывает ошиб- ки мышления, передвигание, бессмыслицу, изображение при помощи противоположного и др., на первый взгляд носит как будто особый отпечаток и не обнаруживает ничего общего с

Глава XVII озаглавлена: <Об остроумных и метких сравнениях, игре слов и других случаях, носящих характер забавного, веселого, смешного>.

техническими приемами вновь нахождения известного или за- мены предметных ассоциаций словесными ассоциациями. Тем не менее именно в данном случае очень легко показать точку зрения экономии или уменьшения психической затраты.

Вообще не подлежит сомнению, что легче и удобнее укло- няться от избранного мысленного пути, чем придерживаться его, сваливать в одну кучу противоположные понятия, чем противопоставлять их, что особенно удобно принимая, отбра- сываемые логикой умозаключения и не принимать, наконец, во внимание при сочетании слов или мыслей условие, согласно которому должен получиться смысл; а именно это делают те технические приемы остроумия, о которых идет речь. Но такая постановка вопроса вызовет удивление по поводу того, что такой образ действия работы остроумия является источником удовольствия, т. к. при всех такого рода недочетах мыслительной деятельности вне остроумия мы испытываем только неприятное чувство отталкивания от них.

<Удовольствие от бессмыслицы>, как мы могли бы коротко сказать, в действительной жизни скрыто вплоть до полного его исчезновения. Чтобы доказать его, мы должны подробно рассмот- реть два случая, в которых оно очевидно в настоящее время и всегда будет очевидно: поведение учащегося ребенка и поведение взрослого в настроении, измененном под влиянием интоксикации. В то время, когда ребенок учится владеть запасом слов родного языка, ему доставляет очевидное удовольствие, <играя, экспери- ментировать> (Groos) этим материалом, и он соединяет слова, не связывая этого соединения со смыслом, чтобы достигнуть эффекта удовольствия, получаемого от их ритма и рифмы. Это удовольствие ему постепенно воспрещается, и, наконец, ему ос- тается дозволенной лишь имеющая смысл связь слов. В более позднем возрасте эти стремления невольно ищут выхода из заученных ограничений в употреблении слов путем искажения слов определенными надстройками и изменения их формы не- которыми приемами (редупликации, дрожащая речь) или даже созданием своего собственного языка для употребления среди товарищей по игре; впоследствии эти стремления вновь всплывают у душевнобольных некоторых категорий.

Я полагаю, что это является постоянным мотивом, которому следует ребенок, начиная такого рода игры. В дальнейшем развитии он предается им уже с сознанием того, что они

бессмысленны, и находит удовольствие в этой прелести запре- щенного разумом. Он пользуется игрой для того, чтобы избежать гнета критического разума. Но гораздо сильнее те ограничения, которые при воспитании касаются правильного мышления и обособления действительно существующего в реальности от лож- ного, и потому протест против

принуждения к мышлению и к реальности глубок и длится долго; даже феномены фантастической деятельности подпадают под эту точку зрения. Сила критики в позднейшем периоде детства и в периоде обучения, простирающемся за пределы зрелости, в большинстве случаев оказывается настолько возросшей, что удовольствие от <бес- смыслицы, освобожденной от гнета и критики>, только в редких случаях рискует проявиться в прямом виде. Человек не решается высказать бессмыслицу, но характерная для ребенка склонность к бессмысленному, нецелесообразному поведению оказывается прямым производным удовольствия от бессмыслицы. В пато- логических случаях можно легко заметить, что эта склонность настолько усилилась, что она опять управляет разговором и ответами гимназистов подобно тому, как это было в детстве. У некоторых заболевших неврозом гимназистов я мог убедиться, что бессознательно действующее удовольствие, испытываемое от продуцированной ими бессмыслицы, принимало не меньшее участие в их ошибочных действиях, чем истинное незнание.

И студент впоследствии не отказывается продемонстрировать протест против принуждения к мышлению и к реальности. Власть этого принуждения, как он чувствует, становится все более нетерпимой и все более неограниченной. Сюда относится добрая часть студенческих кутежей. Человек является <неуто- мимым искателем удовольствия> - я уже не помню, у какого автора я нашел это счастливое выражение, - и ему очень тяжело отказаться от однажды вкушенного удовольствия.

Веселой бессмыслицей пьяной болтовни студент пытается спасти для себя удовольствие, которое он получает от свободы мышления и которое становится для него все более и более недоступным благодаря влиянию университетских лекций. Даже еще позднее, когда он, будучи зрелым человеком, встречается с другими зрелыми людьми на научном конгрессе и опять чувствует себя учащимся, то <банкетная газета> после окончания заседания, которая карикатурно превращает новые открытия в

бессмыслицы, должна вознаградить его за вновь прибавившиеся задержки мышления.

Слова <пьяная болтовня> и <банкетная газета> дают доказа- тельства того, что критика, вытеснившая удовольствие от бес- смыслицы, стала уже настолько сильной, что не может быть даже временно устранена без токсического вспомогательного действия. Изменение настроения является самым ценным, что доставляет человеку алкоголь и в силу чего этот <яд> не для каждого является одинаково ненужным. Веселое настроение, эндогенно возникшее или токсически вызванное, уменьшает задерживающие силы и скрытую за ними критику и делает, таким образом, вновь доступными источники удовольствия, над которыми тяготел запрет. Чрезвычайно поучительно видеть, как с подъемом настроения уменьшаются претензии на остроумие. Расположение духа заменяет остроумие, равно как остроумие должно стремиться заменить собой расположение духа, в

ко- тором проявляются прежде запрещенные возможности наслаж- дения и скрытое за ними удовольствие от бессмыслицы. . (Мало остроумия и много веселья.) Под влиянием алкоголя взрослый человек опять превращается в ребенка, которому доставляет удовольствие свободное распо- ряжение течением своих мыслей без необходимости соблюдать логическую связь.

Мы надеемся, что доказали, что эти технические приемы острот-бессмыслиц соответствуют источнику удовольствия. Нам остается только повторить, что это удовольствие проистекает от экономии психической затраты, от уменьшения гнета критики.

Бросив еще раз взгляд назад на обособленные в три группы технические приемы остроумия, мы замечаем, что первая и третья группы: замена предметных ассоциаций словесными ассоциациями и употребление бессмыслицы для воссоздания старых свобод и избавления от гнета интеллектуального восп- риятия, - могут быть объединены. Это - психические облег- чения (Erieichterungen), которые до некоторой степени можно противопоставить экономии, составляющей технику второй груп- пы. К облегчению уже существующей и экономии предстоящей еще психической затраты, к этим двум принципам сводится, таким образом, вся техника остроумия и вместе с тем все удовольствие, проистекающее от этих технических приемов.

'5 зак. № 64 129

Впрочем, оба вида техники и получение удовольствия совпада- ют - по крайней мере с гласных чертах - с разделением остроумия на словесные остроты и остроты по смыслу.

Предшествующие рассуждения внезапно привели нас к ис- тории развития или психогенезу остроумия; к этому психогенезу мы хотим теперь подойти ближе. Мы изучили предварительные ступени остроумия, развитие которых вплоть до тенденциозного остроумия может открыть, вероятно, новые взаимоотношения между различными характерными чертами остроумия. Перед каждой остротой существует нечто, что мы могли бы обозначить как игру или <шутку>. Игра - мы будем придерживаться этого наименования - наступает у ребенка в то время, когда он учится употреблять слова и присоединять мысли одна к другой. Она следует, вероятно, одному из влечений, которые вынуждают ребенка упражнять свои способности (Groos); он наталкивается при этом на действие удовольствия, которое проистекает от повторения сходного, от вновь нахождения известного, от со- звучности и т. д., и которое объясняется как неожиданная экономия психической затраты. Нечего удивляться тому, что эти эффекты удовольствия поощряют ребенка к игре и побуж- дают его продолжить эти эффекты, не обращая внимания на значение слов и на связь предложений. Игра словами и мыс- лями, мотивируемая определенными эффектами удовольствия от экономии, является, таким образом, первой предварительной ступенью остроумия.

Усиление момента, который заслуживает названия критиче- ского отношения или разумности, кладет конец этой игре. Игра забрасывается как нечто бессмысленное или прямо противоре- чащее здравому смыслу; она становится невозможной вследствие критического отношения. При этом исключается всякая воз- можность (кроме случайной) извлекать удовольствие из этих источников вновь нахождения известного и т. д" разве только взрослый приходит в радостное настроение, которое упраздняет критическую задержку подобно веселью ребенка. Хотя в этом случае становится опять возможной старая игра, сопровождаю- щаяся получением удовольствия, но человек не хочет ожидать этого случая и не хочет отказаться от удовольствия, которое он может испытать. Он, следовательно, ищет средств, которые сделали бы его независимым от радостного настроения; дальнейшее развитие этого процесса в остроту управляется двумя стремлениями: избежать критики и заменить собой расположе- ние духа.

Этим начинается вторая предварительная ступень остро- умия - шутка. Она стремится получить удовольствие, достав- ляемое игрой, заставив замолчать вместе с тем голос критики, который не позволяет возникнуть чувству удовольствия. К этой цели ведет только один-единственный путь: бессмысленное со- поставление слов или противоречащее здравому смыслу нани- зывание мыслей должно все-таки иметь какой-нибудь смысл. Все искусство работы остроумия направлено на то, чтобы найти такие слова и такие констелляции мыслей, при которых это условие было бы выполнено. Все технические приемы остроумия находят себе применение уже здесь, при шутке, и практика языка в свою очередь не отграничивает резко шутку от остроты. Шутка отличается от остроты тем, что в шутке смысл усколь- знувшей от критики фразы не должен быть ценным, новым или даже просто удачным; он должен быть выражен в опре- деленном виде, хотя бы это было неупотребительно, излишне и бесполезно. При шутке на первом плане стоит удовлетворение от осуществления того, что запрещено критикой.

Простой шуткой является, например, определение Schleicrmachcr'OM ревности как страсти, которая ревностно ищет, что причиняет страдания (Eifersucht ist Leidenschaft, die mil Eifer sucht, was Leiden schafft). Шуткой является и следующее воск- лицание проф. Kastner'a, преподававшего физику в Геттингене в XVIII столетии и слывшего остряком: на вопрос о возрасте, заданный им студенту по фамилии Война, он, получив ответ, что студенту 30 лет, воскликнул: <Ах, в таком случае я имею честь видеть тридцатилетнюю войну>\ Шуткой ответил Rokitansky на вопрос о том, какие профессии избрали его четыре сына (два врача и два певца): ^. Этот ответ был верен и потому не мог быть оспорен, но он не прибавил ничего нового к тому, что содержалось в выражении, стоящем в скобках. Несомненно, этот ответ принял

Kleinpaul. Die Ratsel der Sprache, 1890. <Двое лечат, а двое воют>, (нем.)

другую форму только ради удовольствия, вытекающего из уни- фицирования и созвучия обоих слов.

Я надеюсь, что только что высказанное нами положение стало, наконец, ясным. В оценке технических приемов остроумия нам всегда мешало то обстоятельство, что они свойственны не одному только остроумию и что тем не менее сущность ост- роумия зависит от них, т. к. устранение их путем редукции влекло за собой утрату характера остроты и удовольствия от остроты. Мы теперь замечаем, что то, что мы описали как технические приемы остроумия, является скорее источником, из которого остроумие извлекает удовольствие, и мы не удив- ляемся тому, что' другие приемы, ведущие к той же цели, пользуются этими же источниками. Свойственная же остроумию и только ему одному присущая техника заключается в способ- ности обеспечивать применение доставляющих удовольствие приемов от возражения критики, которая может упразднить удовольствие. 06 этой способности мы можем сказать кое-что в общих чертах. Работа остроумия проявляется, как уже было упомянуто, в выборе такого словесного материала и таких ситуаций мышления, которые позволяют старой игре словами и мыслями выдержать натиск критики. Для этой цели должны быть использованы все особенности запаса слов и все констел- ляции связи мыслей для искусного составления текста. Быть может, нам впоследствии придется охарактеризовать работу ос- троумия одним определенным качеством, пока же остается необъяснимым, как может быть сделан выгодный для остроумия выбор. Но тенденция и работа остроумия, заключающиеся в защите доставляющих удовольствие словесных и мыслительных связей от критики, выясняется уже как существенная особен- ность шутки. Уже с самого начала работа остроумия заключается в том, чтобы упразднить внутренние задержки и сделать в изобилии доступными те источники удовольствия, которые стали недоступными, и мы увидим, что остроумие на протяжении всего своего развития остается верным этой характеристике.

Нам нужно дать теперь правильную оценку и моменту <смысла в бессмыслице> (ср. введение с. 12), которому авторы придают такое важное значение для характеристики остроумия и для объяснения доставляемого им удовольствия. Два твердо установ- ленных пункта в условности остроумия: его тенденция добиться исполненной удовольствия игры и его стремление оградить ее от

критики разума, - объясняют исчерпывающим образом, почему отдельная острота, кажущаяся с одной точки зрения бессмыс- ленной, с другой точки зрения должна казаться глубокомыс- ленной или, по крайней мере, приемлемой. Как острота вы- полняет эти условия - это уже дело работы остроумия; там, где это ей не удается, острота отбрасывается как <бессмыслица>. Но для нас необязательно считать удовольствие от остроумия производным антагонизма чувств, вытекающих из смысла и одновременной

бессмысленности остроты, будь то непосредст- венно или путем <смущения от непонимания и внезапного уяснения>. Для нас не существует и необходимости ближе подойти к вопросу, каким образом удовольствие может вытекать из смены оценки бессмыслицы оценкой осмысленности. Пси- хогенез остроумия научил нас тому, что удовольствие от остроты вытекает из игры словами или из раскрепощения бессмыслицы, и что смысл остроты предназначен только для того, чтобы защитить это удовольствие от упразднения его критикой.

Таким путем уже на исследовании шутки выясняется про- блема сущности характера остроумия. Мы должны обратиться к дальнейшему развитию шутки до ее апогея - к тенденциозной остроте. Уже шутка выдвигает на первый план доставление нам удовольствия и удовлетворяется тем, что способ ее выражения не кажется нам бессмысленным или лишенным всякого содер- жания. Когда этот способ сам по себе содержателен и ценен, тогда шутка превращается в остроту. Мысль, которая заслужила бы наше внимание, выраженная в самой простой форме, об- лекается теперь в такую форму, которая сама по себе вызвала бы у нас удовольствие^. Конечно, такое соединение формы и содержания осуществляется не без цели, мы должны так думать и постараемся найти цель, лежащую в основе этого образования остроты. Одно наблюдение, сделанное прежде в качестве пред- варительного, наводит нас на след. Выше мы заметили, что

Примером, выясняющим разницу между шуткой и собственно остротоП. является отличная острота, которой член <гражданского министерства> п Австрии ответил на вопрос о солидарности кабинета: <Как мы можем вносишь одинаковые предложения, когда мы не выноаш друг друга"> - Техника: применение одного и того же материала с незначительной (противополож- ной) модификацией. Правильная и меткая мысль: не существует солидарно- сти без личной симпатии. Противоположность модификации (вносить - выносить) соответствует разногласию, которое утверждает мысль, и служит ему изображением.

удачная острота производит на нас совокупное впечатление приятного без того, чтобы мы могли непосредственно различить, какая часть удовольствия проистекает из остроумной формы, а какая - из меткого содержания мысли (с. 92). Мы всегда обманываемся относительно этого подразделения: то переоце- ниваем качество остроты вследствие нашего удивления по поводу содержащейся в ней мысли, то, наоборот, переоцениваем цен- ность мысли из-за удовольствия, доставляемого нам остроумной оболочкой. Мы не знаем, что доставляет нам удовольствие, по поводу чего мы смеемся. Эта предполагаемая действительно существующей неуверенность нашего мышления может дать нам повод к образованию остроты в собственном смысле. Мысль ищет остроумной оболочки, т. к. благодаря ей обращает на себя наше внимание, может показаться нам более значительной, более ценной, но прежде всего потому, что эта оболочка под- купает и запутывает нашу

критику. Мы склонны приписать мысли то, что понравилось нам в остроумной форме, и, кроме того, не имеем больше желания искать неправильное в том, что доставило нам удовольствие, боясь закрыть себе таким образом источник этого удовольствия. Если острота вызвала у нас смех, то в нас, кроме того, создается неблагоприятное для критики предрасположение, т. к. мы приходим в такое настро- ение, в котором еще были способны удовлетворяться игрой, и заменить которое остроумие старалось всеми средствами. Хотя прежде мы установили, что такую остроту нужно назвать без- обидной, а еще не тенденциозной, однако не можем не признать, что только шутка лишена тенденций, т. е. она служит одной только цели - доставлять удовольствие. Острота собственно никогда не бывает лишена тенденции, хотя бы содержащаяся в ней мысль сама по себе была лишена тенденции и служила, таким образом, теоретическому интересу мышления. Она пре- следует вторую цель - преувеличение мысли для того, чтобы она не осталась незамеченной, и ограждение ее от критики. Она проявляет здесь опять-таки свою первоначальную природу, противопоставляя себя задерживающей и ограничивающей силе, в данном случае критическому суждению.

Это первое применение остроумия, выходящее за пределы доставления удовольствия, указывает нам дальнейший путь. Острота оценивается как могущественный психический фактор, вес которого может склонять чашу весов в ту или иную сторону.

Важные тенденции и влечения душевной жн:1ни пользуются ею для своих целей. Первоначально лишенная тенденции острота, начавшаяся как игра, приходит впюрично в связь с тенденциями, от которых на продолжительное время не может ускользнуть никакое явление душевной жизни. Мы знаем уже, что может сделать острота, обслуживая обнажающую, враждебную, цинич- ную, скептическую тенденцию. При скабрезной остроте, проис- шедшей из сальности, она делает из третьего участника, пер- воначально мешавшего сексуальной ситуации, союзника, кото- рого женщина должна стыдиться; острота подкупает его доставленным удовольствием. При агрессивной тенденции она, пользуясь тем же средством, превращает первоначально индиф- ферентного слушателя в сообщника и соненавистника и создает против своего врага целую армию противников там, где был только один-единственный противник. В первом случае она преодолевает только задержки стыда и благопристойности, воз- награждая за это доставляемым ею удовольствием. Во втором случае она побеждает критическое суждение, которое в противном случае выдержало бы сражение. В третьем и четвертом случае, обслуживая циничную и скептическую тенденцию, она стремится поколебать уважение к институтам и истинам, в которые верил слушатель, с одной стороны, усиливая аргумент, с другой - употребляя новые приемы нападения. Там, где аргумент ста- рается привлечь критику слушателя на свою сторону, острота стремится устранить эту критику. Нет сомнения, что острота избрала

психологически более действительный путь.

При этом обзоре действий тенденциозной остроты для нас на первый план выступило то, что легче всего увидеть: действие остроты на того, кто ее слушает. Для понимания сущности остроумия более важны действия, которые совершает острота в душевной жизни того, кто ее создает или - правильнее сказать - кого, кому она приходит в голову. Мы уже однажды возымели намерение - и находим теперь повод возобновить его - изучить психические процессы остроумия, принимая во внимание распределение их между двумя лицами. Предвари- тельно мы высказываем предположение, что возбужденный ост- ротой психический процесс у слушателя в большинстве случаев копирует психический процесс автора остроты. Внешнему пре- пятствию, которое должно быть преодолено у слушателя, соответствует внутренняя задержка у топ), кто острит. По крайней мере, у последнего, как тормозящее представление, существует ожидание внешнего препятствия. В отдельных случаях внутрен- нее препятствие, преодолеваемое тенденциозной остротой, оче- видно. Говоря об остротах г. N (с. 103), мы можем предпо- ложить, что они не только создают для слушателей возможность агрессивности благодаря оскорблениям, но прежде всего делают для него возможной продукцию этой агрессивности. Среди различных видов 'внутренней задержки или подавления один из них заслуживает нашего особого интереса как наиболее распространенный; он носит название <вытеснения>, и о его работе известно, что оно выключает из сознания подпавшие под его действие побуждения, равно как и производные этих побуждений. Мы услышим, что тенденциозная острота может извлекать удовольствия даже из этих подверженных вытеснению источников. Если, таким образом, как было выше указано, можно свести преодоление внешних препятствий к внутренним задержкам и вытеснениям, то нужно сказать, что тенденциозная острота указывает яснее, чем все ступени развития остроумия, на сущность работы остроумия, заключающуюся в освобождении удовольствия путем устранения задержек. Она усиливает тен- денции, которые обслуживает, оказывая им помощь за счет подавленных побуждений или обслуживая вообще подавленные тенденции. Можно признать, что именно это является работой тенденциозной остроты, однако следует подумать о том, что все-таки непонятно, каким образом ей удается такая работа. Ее сила заключается в выигрыше удовольствия, которое она из- влекает из источников игры словами и освобожденной бес- смыслицы. Обсуждая впечатления, полученные от лишенных тенденций шуток, нельзя считать размеры этого удовольствия такими большими, чтобы можно было приписать им силу, достаточную для упразднения укоренившихся задержек и вы- теснений. На самом деле мы имеем перед собой не простое действие силы, а запутанные соотношения освобождения. Вместо того, чтобы излагать окольный путь, по которому я пришел к пониманию этого соотношения, я попытаюсь изложить это кратким синтетическим путем.

G. Th. Fechner в своей (1. Bd" V) установил <принцип эстетической помощи или стимулирования>, который он излагает в следующем виде: <Из совпадения противоречивых условии, при которых может быть достиадсно удовольствие и которые сами по себе имеют небольшое значение, вытекает большее и чисто даже гораздо большее удовольствие, чем то, которое соответствует удовольственчой ценности от- дельных условнИ; это удовольствие больше, чем то, которое можно объяснить суммой единичных влияниН; блигодаря совни- денит такого рода можно даже достигнуть положитй/чьного удовольственного результата и перешагнуть через порог удоволь- ствия в тех случаях, где отдельные факторы слишком слабы для этого, т. к. только они сравнительно с другими условиями могут дать ощутительную выгоду чувству приятного>^. Я думаю, что исследование остроумия дает нам немного моментов, под- тверждающих правильность этого принципа, который оказался верным в применении ко многим другим художественным произведениям. При исследовании остроумия мы нашли нечто иное, близко стоящее к этому принципу, а именно: при со- вместном действии нескольких доставляющих удовольствие фак- торов мы не можем указать, какая часть результата приходится фактически на долю каждого из них (см. с. 134). Но предпо- лагаемую этим <принципом помощи> ситуацию можно варьи- ровать и поставить этим новым условиям целый ряд вопросов, которые заслуживали бы ответа. 41-0 происходит вообще, если в одной констелляции совпадают условия удовольствия с ус- ловиями неудовольствия? Отчего зависит результат и его де- терминирование? Тенденциозная острота является частным слу- чаем этих возможностей. Существует побуждение или стремле- ние, которое хочет освободить удовольствие из определенного источника и которое действительно освобождает его, если ничто не препятствует этому. Кроме того, существует другое стрем- ление, противодействующее этому развитию удовольствия; оно, следовательно, тормозит или подавляет. Подавляющее течение, как показывает результат, должно быть несколько сильнее, чем подавленное, которое все-таки не упраздняется.

Теперь присоединяется еще одно стремление, которое осво- бождает удовольствие из того же процесса, хотя и и:! других

2-е изд. Лейпциг, 1897. - Курсив Pechncr'a.

источников. Это стремление действует, следовательно, в том же направлении, что и подавленное стремление. Каков может быть результат в данном случае? Пример поможет нам лучше ра- зобраться, чем эта схематизация. Существует стремление вы- ругать кого-нибудь. Но этому настолько мешает чувство при- личия, эстетическая культура, что ругательство не осуществля- ется. Если бы оно прорвалось благодаря, например, измененному аффективному состоянию или настроению, то этот прорыв тенденции к ругани явился бы потом источником неудоволь- ствия. Итак, ругань не осуществляется. Но

представляется воз- можность извлечь из материала слов и мыслей, служащих для ругательства, удачную остроту, освободить удовольствие из дру- гих источников, которым не мешает уже прежнее подавление. Однако это второе развитие удовольствия не могло 61.1 осуще- ствиться, если бы ругательство не было позволено. Но поскольку это последнее позволяется, с ним связывается еще новое осу- ществление удовольствия. Опыт тенденциозной остроты пока- зывает, что при таких обстоятельствах, подавленная тенденция может получить силу благодаря помощи, оказываемой ей удо- вольствием от остроумия, для преодоления более сильной за- держки. Человек ругается, т. к. благодаря этому осуществляется возможность остроты. Но достигнутое чувство приятного вы- зывается не только за счет остроты. Оно несравненно больше, настолько больше удовольствия от остроумия, что мы должны предположить, что подавленной прежде тенденции удалось про- биться почти совсем без ущерба. При таких соотношениях смеются больше всего по поводу тенденциозной остроты.

Быть может, путем исследования условий смеха мы придем к созданию более наглядного представления о процессе помощи, которую оказывает острота против подавления. Но и теперь мы видим, что тенденциозная острота является частным случаем принципа помощи. Возможность получения удовольствия при- соединяется к ситуации, в которой существует препятствие для другой возможности удовольствия, так что эта последняя сама по себе не может вызвать удовольствие. Результатом является получение удовольствия, привнесенное присоединившейся воз- можностью. Это последнее действует как заманчивая премия', с помощью преподнесенного небольшого количества удовольствия было выиграно очень большое количество его, которого в противном случае было бы трудно достигнуть. Я имею основание

предположить, что этот принцип соответствует приспособлению, которое оказалось полезным для многих друг от друга далеко расположенных областей душевной жизни, и считаю целесооб- разным назвать удовольствие, которое служит для освобождения большого количества удовольствия, предварительным удовомьст- виел1, а самый принцип - принципом предварительного удо- вольствия.

Мы можем теперь дать формулировку механизма действия тенденциозной остроты: она обслуживает тенденции, чтобы, пользуясь удовольствием от остроумия как предварительным удовольствием, доставить новое удовольствие благодаря упразд- нению подавлений и вытеснений. Если мы проследим развитие тенденциозной остроты, то сможем сказать, что она с самого начала до конца остается верной своей сущности. Она начинается как игра, чтобы извлекать удовольствие из свободного приме- нения слов и мыслей. Когда усиление разума запрещает ей эту игру словами, как лишенную смысла, и игру мыслями, как бессмысленную, она обращается к шутке, чтобы удержать эти источники удовольствия и

выиграть новое удовольствие из освобождения бессмыслицы. Будучи собственно остротой, еще лишенной тенденции, она оказывает свою помощь мыслям и усиливает их против нападения критического суждения, причем принцип смешивания источников удовольствия выгоден для нее. Она, наконец, присоединяется к сильным, борющимся с подавлением тенденциями, чтобы упразднить внутренние задерж- ки согласно принципу предварительного удовольствия. Разум- критическое суждение-подавление, вот те силы, с которыми борется по очереди острота. Она прочно удерживает первона- чальные словесные источники удовольствия и, начиная со сту- пени шутки, открывает новые источники удовольствия благодаря упразднению задержек. Удовольствие, которое она доставляет, будь то удовольствие от игры или от упразднения, мы всякий раз можем считать производным экономии психической затраты в том случае, если такое толкование не противоречит сущности удовольствия и оказывается плодотворным еще и для других моментов.

ПРИМЕЧАНИЯ. Краткого дополнительного изложения заслуживают те ос- троты-бессмыслицы, которые не нашли себе полного изложения и тексте,

При том значении, которое нпшс изложение признает за моментом <смысла в бессмыслице>, может появиться искушение рассматрнпать каждую острогу как остро1у-бессмысл11цу. По это не обязательно, т. к. только шра мыслями неизбежно ведет к бессмыслице. Другой источник удовольстпия от остроумия, игра словами, производит только иногда такое впечатление и не вызывает закономерно связанной с ним критики. Двоякий корень удог.ол^етвня- от остроумия - игра словами и игра мыслями, соответствующий важнейшему подразделению на остроты по смыслу и ча словесные остроты, в шачнтелыюн мере затрудняет краткую формулировку общих положении об остроумии.

Игра словами доставляет очевидное удовольстпне велеДс-гвш-' кыщсиере- численных моментов опознания и т. д. н в силу этого только в нсболыион степени подвержена подавлению. Игра мыслями не может быть мотивирована таким удовольствием; она подвержена чрезвычайно энергичному подавлению. и удовольствие, которое она может доставить, является только удог.ольствием от упразднения задержки. Поэтому можно сказать, что удовольствие имеет ядро первоначального удовольствия от игры н оболочку удовольствия от упразднения. Мы, разумеется, не усматриваем удовольствия от остроты-бес- смыслицы в том, что нам удаюсь вопреки подавлению освободнгь бессмыс- лицу, замечая сразу, что нам доставила удовольствие игра слонами. Исссмыс- лица, продолжающая относиться к разряду острот но смыслу, приобретает пторичио функцию напряжения нашего внимания нутем смущения: она служит средством усиления действия остроты, но только в том случае, если бросается в глаза, так что смущение нредшестиует на некоторое время пониманию. Что бессмыслица в остроте может быть употреблена для изображения со-

держащегося в мысли суждения, было уже показано на примерах на с. 60, но II это также не является первичным значением бессмыслицы в остроте.

К остротам-бессмыелнцам примыкает целый ряд продукции, построенных по типу острот II не имеющих подходящего названия, но могущих претендовать на наименование <кажущегося остроумным слабоумия>. Их существует бес- численное множество. Я хочу привести только два примера. Некто, сидя за столом, куда была подана рыба, хватает дважды обеими руками майонез н затем проводит ими по волосам. На удивленный взгляд соседа он, как бы замечая свою ошибку, извиняется: .

Или: <Жизнь, это - цепноН мост>, - говорит один, - <Почему?> - спрашивает другой. - <А разве я знаю?> - отвечает нервыЛ.

Эти крайние примеры оказывают свое действие, потому что они будят ожидание остроты, так что каждый невольно старается найти скрытый за бессмыслицей смысл. Но смысла никакого нет. Это действительно бессмыс- лицы. Этот мираж создает на одно мгновение возможность освободить удовольствие от бессмыслицы. Эти остроты не совсем лишены тенденции; это - <провокация>, они доставляют рассказчику удовольствие, вводя в за- блуждение и огорчая слушателя. Последний утешается возможностью самому стать рассказчиком.

МОТИВЫ ОСТРОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Говорить о мотивах остроумия, казалось бы, излишне, т. к.' стремление получить удовольствие должно быть признано уже достаточным мотивом работы остроумия. Но, с одной стороны. не исключена возможность того, что и другие мотипы при- нимают участие в продукции остроумия, а с другой стороны, при постановке вопроса о субъективной условности остроумия следует принять во внимание некоторые переживания человека. Прежде всего этого требуют два факта. Хотя работа остроумия является удачным приемом для получения удовольствия от психических процессов, тем не менее мы видим, что не все люди в одинаковой мере способны пользоваться этим средст- вом. Работа остроумия доступна не всем, а высоко продуктивная работа вообще доступна только немногим людям, которых считают остроумными (sie haben Witz). <Остроумие> оказывается в данном случае особой способностью, примерно соотпетстиу- ющей старому термину <духовное достояние> (). и в своем выявлении она совершенно независима от других способностей: интеллекта, фантазии, памяти и т. п. У остро- умных людей нужно предполагать, следовательно, особое даро- вание или особые психические условия, которые дают место или способствуют работе остроумия.

Я боюсь, что мы в обосновании этой темы не достигнем удовлетворительных результатов. Нам удается только то здесь, то там, исходя из понимания единичной остроты, проникнуть в знание субъективных условий в душе того, кто эту остроту создал.

Совершенно случайно произошло так, что именно тот

пример остроумия, которым мы начали наше исследование техники остроумия, позволяет нам также бросить взгляд и на субъективную условность остроты. Я имею в виду остроту Гейне, на которую обратили снимание и Heyrnans, и Lipps.

<...Я сидел рядом с Соломоном Ротшильдом, и он обошелся со мной, как с совсем равным, совсем фамиллионьярно> (Лук- кские воды).

Эту фразу Гейне вложил в уста комическому лицу, Гирш-Ги- ацинту, коллекционеру, оператору и таксатору из Гамбурга, ка- мердинеру знатного барона Христофора Гумпелино (некогда Гум- пеля). Поэт испытывает, очевидно, большое удовольствие от этого своего образа, поскольку заставляет Гирш-Гиацинта произнести большую речь и высказывать забавнейшие и откровеннейшие мнения; он награждает его прямо-таки практической мудростью Санчо Панса. Следует пожалеть, что Гейне, которому, как известно, не присуща драматическая форма, вскоре оставляет этот ценный образ. В немногих местах нам кажется, что в лице Гирш-Гиацинта говорит как будто сам поэт, скрытый за прозрачной маской, и вскоре нами овладевает уверенность, что эта личность являсюя лишь пародией поэта на самого себя. Гирш рассказывает о причинах, в силу которых он отказался от своего прежнего имени и зовется теперь Гиацинтом. <К тому же я имею еще и ту выгоду, - продолжает он, - что буква Г. уже стоит на моей печати, и мне не нужно гравировать себе новую>. Но ту же самую экономию сделал сам Гейне, когда при крещении переменил свое имя <Гарри> на <Генрих>. Теперь каждый, кому известна биография поэта, должен вспомнить, что Гейне имел в Гамбурге, откуда происходит и Гирш-Гиацинт, дядю по фамилии Гейне, который, будучи богатым человеком в семье, сьирал величайшую роль в жизни поэта. Дядя назывался тоже Соломон, как и старый Ротшильд, который принял так фамиллионьярно бедного Гирша. То, что в устах Гирш-Гиацинта кажется простой шуткой, оказы- вается имеющим фундамент серьезной горечи в приложении к племяннику Гарри-Генриху. Он принадлежал к этой семье; мы знаем даже, что его страстным желанием было жениться на дочери этого дяди, но кузина отказала ему, а дядя обращался с ним всегда несколько <фамиллионьярно>, как с бедным род- ственником. Богатые кузены в Гамбурге никогда не принимали его радушно. Я вспоминаю рассказ моей собственной старой

тетки, которая благодаря замужеству попала п семью Гейне: однажды она, молодая красивая женщина, очутилась за семей- ным столом в соседстве с человеком, который показался ей неприятным и с которым другие обходились свысока; она нс чувствовала необходимости быть к нему более снисходительной. Лишь много лет 'спустя она узнала, что этот кузен, которым пренебрегали и которого презирали, был поэт Генрих Гейне. Как

жестоко страдал Гейне в молодости и впоследствии от такого отношения к себе своих богатых родственников, можно узнать из некоторых отзывов. На почве такой субъективной ущемленности и выросла затем острота <фамиллионьярно>.

И в некоторых других остротах великого насмешника можно предположить подобные субъективные условия, но я не знаю другого примера, на котором это можно было бы выяснить так убедительно; поэтому опасно высказываться более определенно о природе этих личных условий, и уже с самого начёта мы не склонны требовать для каждой остроты таких сложных условий возникновения. В остроумных произведениях других знаменитых людей искомое проникновение в эти условия будет для нас чрезвычайно трудно. Создается впечатление, тго субъективные условия работы остроумия часто недалеко уходят or условий невротического заболевания, когда узнают, например, что Lichlenberg был тяжелым ипохондриком, одержимым всякого рода странностями. Наибольшее число циркулирующих острот, особенно продуцированных на злобу дня, анонимно; можно с любопытством спросить, что за люди занимаются такой продукцией. Если имен. удобный случай в качестве врача изучить одного из таких людей, которые хотя и не являются выдающимися, но известны в своем кругу как остряки и авторы многих ходячих острот, можно поразиться, сделав открытие, что этот остряк является раздвоенной и предрасположенной к невротическим заболеваниям личностью. Но недостаточность документальных данных удержит нас от того, чтобы установить такую психоневротическую конституцию как закономерное или необходимое условие для создания остроты.

Более ясным случаем являются опять-таки еврейские ост- роты, которые, как уже упомянуто, сплошь и рядом созданы самими евреями в то. время, как истории о евреях другого происхождения почти никогда не возвышаются над уровнем комической шутки или грубого издевательства (с. 112), Условие

самопричастности можно выяснить здесь так же, как и при остроте Гейне <фамиллионьярно>, и значение его заключается в том, что непосредственная критика или агрессивность затруд- нена для человека и возможна только окольным путем.

Другие субъективные условия или благоприятные обстоятель- ства для работы остроумия не в такой степени покрыты мраком. Двигательной пружиной продукции безобидных острот нередко является честолюбивое стремление проявить себя, показать Свой ум, которое может быть сопоставлено с эксгибиционизмом в сексуальной области. Наличность бесчисленного множества затор- моженных влечений, подавление которых сохранило некоторую степень лабильности, создает благоприятное предрасположение для продукции тенденциозной остроты. Таким образом, особенно от- дельные компоненты сексуальной конституции человека MOlyr являться мотивами создания острот. Целый ряд скабрезных острог позволяет сделать заключение о скрытом эксгибиционистическом

влечении их авторов; тенденциозные остроты, связанные с агрес- сивностью, удаются лучше всего тем людям, в сексуальности которых можно доказать мощный садистический компонент, но в жизни которых он более или менее заторможен.

Вторым обстоятельством, требующим исследования субъек- тивной условности остроумия, является тот общеизвестный факт, что никто не может удовлетвориться созданием остроты для самого себя. С работой остроумия неразрывно связано стрем- ление рассказать остроту. Это стремление настолько сильно, что оно довольно часто осуществляется во время самого серьезного дела. При комическом произведении рассказывание другому лицу тоже доставляет наслаждение, но оно не так властно. Человек, наткнувшись на комическое, может наслаждаться им сам. Остроту он, наоборот, должен рассказать. Психический процесс создания остроты не исчерпывается выдумыванием остроты; остается нечто, что приводит неизвестный процесс создания остроты к концу путем рассказывания выдуманного.

Мы прежде всего не знаем, на чем основано влечение к рассказыванию остроты. Но замечаем другую своеобразную осо- бенность остроты, которая отличает ее от шутки. Когда мне встречается комическое произведение, я могу сам от всего сердца смеяться; меня, конечно, радует и возможность рассме- шить другого человека рассказом этого комического произве-

 дения. По поводу же пришедшей мне в голову остроты, которую я сам создал, я не могу сам смеяться, несмотря на ясное удовольствие, испытываемое мною от остроты. Возможно, моя потребность рассказать остроту другому человеку каким-либо образом связана с этим смехотворным эффектом, в котором отказано мне, но который очевиден у другого.

Почему же я не смеюсь по поводу своей собственной остроты? И какова при этом роль другого человека?

Обратимся сначала ко второму вопросу. При комизме участвуют в общем два лица: кроме меня, то лицо, в котором я нахожу комическое. Если мне кажутся комическими вещи, то это про- исходит благодаря нередкому в мире наших представлений про- цессу персонификации. Этими двумя лицами, мною и объектом, довольствуется комический процесс, третье лицо может присут- ствовать, но оно не обязательно. Острота, как игра собственными словами и мыслями, лишена еще вначале лица, служащего для нее объектом, но уже на предварительной ступени шутки, когда ей удалось оградить игру и бессмыслицу от возражений разума, она ищет другое лицо, которому может сообщить свои результаты. Но это второе лицо в остроте не соответствует объекту; оно соответствует третьему,

постороннему лицу в комическом процессе. Создается впечатление, что при шутке второму лицу поручается решить, выполнила ли работа остроумия свою задачу, как будто <Я> не уверено в своем суждении по этому поводу. Безобидная, оттеняющая мысли острота тоже нуждается в другом человеке, чтобы проверить, достигла ли она своей цели. Если острота обслуживает обнадеживающие или враждебные тенденции, она может быть описана, как психический процесс между тремя лицами, теми же, что и при комизме, но роль третьего лица при этом иная. Психический процесс остроумия совершается между первым лицом, <Я> и третьим, посторонним лицом, а не как при комизме между <Я> и лицом, служащим объектом.

У третьего лица при остроумии острота тоже наталкивается на субъективные условия, которые могут сделать цель достав- ления удовольствия недоступной. Как пишет Шекспир (Love's Labour's lost, V. 2):

A jest's prosperity lies in the ear, Of him that hears it, never in the tongue. Of him that makes it...

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Кем владеет настроение, связанное с серьезными мыслями, тому не свойственно указать шутке на то, что ей посчастливилось спасти удовольсувие от словесного выражения. Это лицо должно само пребывать в веселом или, по крайней мере, в безразличном на- строении духа, чтобы третье лицо могло служить объектом для шутки. То же препятствие остается в силе для безобидной и для тенденциозной остроты; в последнем случае возникает новое пре- пятствие в виде контраста к той тенденции, которую обслуживает острота. Готовность посмеяться по поводу удачной скабрезной ос- троты не может появиться в том случае, если обнажение касается высокоуважаемого родственника третьего лица; в собрании ксендзов и пасторов никто не решится привести сравнение Гейне католи- ческих и протестантских священнослужителей с мелкими торгов- цами и служащими большой фирмы, а в обществе преданных друзей моего противника самая осгроумная брань, которую я могу привести против него, является не остроумием, а бранью и вызывает у слушателей гнев, а не удовольствие. Некоторая степень благо- склонности или определенная индифферентность, отсутствие всех моментов, могущих вызвать сильные, противоположные тенденции чувства, является необходимым условием, если третье лицо должно содействовать осуществлению процесса остроумия.

Там, где отпадают такие препятствия для действия остроты, выступает феномен, которого касается наше исследование: удоволь- ствие, которое доставила нам острота, проявляется отчетливее на третьем лице, чем на авторе остроты. Мы должны довольствоваться тем, что говорим <отчетливее> там, где мы были бы склонны спросить, не интенсивнее ли удовольствие слушателя, чем удоволь- ствие создателя остроты, т. к. у нас,

разумеется, нет средств для измерения и сравнения. Но мы видим, что слушатель подтвередает свое удовольствие взрывом смеха, тогда как первое лицо расска- зывает остроту, по большей части, с серьезной миной. Если я далее рассказываю остроту, которую слышал сам, то, чтобы не испортить ее действия, я должен при рассказе вести себя точь-в-точь, как тот, который ее создал. Возникает' вопрос, можем ли мы из этой условности смеха по поводу остроты сделать заключение о психическом процессе при образовании остроты.

В наши цели не входит учет всего того, что было сказано и опубликовано о природе смеха. От такого намерения нас отпугивает фраза, которую Dugas, ученик Ribol'a, начинает свою книгу (1902).

146

МОТИВЫ ОСТРОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

et plus etudie, que ie rire; il n'en est pas qui ait eu ie don d'exciter davantage la curiosite du vulgaire et celle des philosophes, il n'en est pas sur lequel on ait recueilli plus d'observations et bati plus de thdories, et avec cela il n'en est pas que demeure plus inexplique, on serait tcnl6 de dire avec les sceptiques qu'il faut ctre content de rire et de ne pas chercher a savoir pour quoi on rit, d'autant que peut-etre ie reflexion tue ie rire, et qu'il serait alors contradictoire qu'elle en d^couvrft les causes'.

Но зато мы не упустим случая использовать для нашей цели тот взгляд на механизм смеха, который отлично подходит к нашему собственному кругу мыслей. Я имею в виду попытку объяснения H. Spencer'a в его статье ^ (<Физиология смеха>).

По Spencer'y смех - это феномен разрешения душевного возбуждения и доказательство того, что психическое применение этого возбуждения внезапно наталкивается на препятствия. Пси- хическую ситуацию, которая разрешается смехом, он изображает следующим образом: ^.

^ Нет явления более обычного и более изученного, чем смех; ничто не привлекает к себе в такой степени, как смех, внимания как среднего человека, так и мыслителя; не существует ни одного факта, по поводу которого было бы собрано столько наблюдении и воздвигнуто столько теорий, как это было сделано в отношении смеха - и вместе с тем нет другого такого явления, которое оставалось бы таким необъяснимым, как тот же самый смех; невольно является искушение повторить вместе со скептиками, что надо просто смеяться и не спрашивать, почему смеешься; тем более, что всякое размышление убивает смех, и знание причин смеха сейчас же послужило бы поводом к исчезновению самого смеха. ^ H. Spencer. The physiology of laughter (First published in Macmillaiis Magazine for March, 1860), Essays fi. Bd., 1901.

Различные пункты этого определения требуют при исследовании комического удовольс1вия тщательной проверки, предпринятой уже другими авторами и не имеющей во

всяком случае прямого отношения к нам. Мне кажется, что Spencer'y не посчастливилось с объяснением того, почему отреагпрование находит именно те пути, возбуждение которых дает в результате соматическую картину смеха. Я хотел бы одним-едиистенным указанием способствовать выяснению подробно обсуждавшейся до Дарвина и самим Дарвином, но все еще не исчерпанной окончательно темы о физиологическом объяснении смеха, следовательно, об источниках и толковании характерных для смеха мышечных движений. Поскольку я знаю, что характерная для улыбки гримаса растяжения углов рта впервые наступает у удовлетворенного и пресыщенного грудного ребенка, когда он, усып- ленный, выпускает грудь. Там эта мимика является дейстчительным выразитель- ным движением, т. к. она соответствует решению пищи больше не принимать; как будто выражая понятие <достаточно> или скорее даже <предостаточно>. Этот первоначальный смысл чрезмерного, полного удовольствия насыщения может впоследствии указать нам на отношение улыбки, остающейся основным фено- меном смеха, к исполненным удовольствия процессам отреагирования.

147

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

В точно таком же смысле французские авторы (Dugas) называют смех - , проявлением разряжения, и даже формула A. Bain'a: кажется мне не так уж далеко отстоящей от толкования Spencer'a, как хотят нас уверит), некоторые авторы.

Мы, однако, чувствуем необходимость видоизменить мысль Spencer'a и отчасти определить более точно, отчасти изменить содержащиеся в ней представления. Мы сказали бы, что смех возникает тогда, когда некоторая часть психическоН энергии, употреблявшаяся раньше для занятия некоторых психических путей, стала неприменимой для этой цели так, что она может быть беспрепятственно отреагирована. Мы ясно представляем себе, какую <дурную славу> навлекаем на себя такой постановкой вопроса, но решаемся процитировать в свое оправдание вели- колепную фразу из сочинения Lipps'a о комизме и юморе. Из этого сочинения можно почерпнуть объяснение не только ко- мизма и юмора, но и многих других проблем: <В конце концов, отдельные психологические проблемы всегда ведут чрезвычайно глубоко в психологию, так что в основе ни одна психологическая проблема не может обсуждаться изолированно>. Понятия: <пси- хическая энергия>, <отреагирование> и количественный учет психической энергии, - вошли в мой повседневный обиход с тех пор, как я начал философски трактовать факты психопа- тологии, и уже в своем <Толковании сновидений> (1900 г.) я, согласно с Lipps'OM, сделал попытку считать <собственно дея- тельными в психическом смысле> те психологические процессы, которые сами по себе бессознательны, а не процессы, состав- ляющие содержание сознания'. Только когда я говорю о занятии психических путей, я как будто отдаляюсь от употребляемых у Lipps'a

сравнений. Познание способности психической энергии передвигаться вдоль определенных ассоциативных путей, а также познание почти неизгладимого сохранения следов психических процессов побудили меня фактически сделать попытку картин-

См. отрывок и цитпроп. книге Lipns'a. гл. VIII. <О психической силе> и т. д. <Итак. остается в силе общее положение: факторами психической жизни ЯН.11Я10ТСЯ не процессы, состапляющне содержание сознания, а сами но себе бессознательные процессы. Задача психологнн. должна заключаться и том, чтобы 113 качестпа содержания сознания и его пременноП связи сделать выпод о природе этих бессознательных нроцессоп. Психология должна оыть теорнен этих процессов. По такая психология очень скоро паПдет. что сущесшуют совершенно различные особенности этих процессов, которые нс предстаплены в соответстиенном содержании названия>. (Lipp.s, 1. С. 123.)

ного изображения неизвестного. Чтобы избежать недоразумений. я должен присовокупить, что не сделал ни одной попытки провозгласить клетки или полокна или приобретающую теперь все большее значение систему невронов субстратом для этих психических путей, хотя такие пути должны были бы быть представлены Каким-то неизвестным еще образом органически- ми элементами нервной системы.

Итак, при смехе, согласно нашему предположению, даны условия для того, чтобы количество психической энергии, упот- ребившееся до сих пор для занятия психических путей, получило возможность свободного отреагирования, и т. к., хотя и не каждый смех, но смех по поводу остроты, безусловно, является признаком удовольствия, то мы будем склонны связать это удовольствие с прекращением существовавшей до сих пор за- траты энергии. Когда мы видим, что слушатель остроты смеется, а автор нет, то это может свидетельствовать только о том, что у слушателя прекратилась затрата психической энергии, в то время как при создании остроты возникают задержки либо для прекращения затраты энергии, либо для возможности отреаги- рования. Едва ли можно более верно охарактеризовать психи- ческий процесс у слушателя, являющегося третьим участвующим лицом в остроте, чем подчеркивая тот факт, что он покупает удовольствие от остроты с незначительной затратой собстненноН энергии. Это удовольствие является для него подарком. Слова остроты, которую он слышит, обязательно вызывают в нем те представления или ту связь мыслей, возникновению которых у него противодействовали сильные внутренние задержки. Он должен был бы сам приложить усилия, чтобы произвольно осуществить эту связь в качестве первого участвующего лица в остроте, или, по крайней мере, затратить на это такое количество психической энергии, которое соответствует силе задержки, подавления или вытеснения этих представлений. Эту

психическую затрату он сэкономил; согласно нашим предыду- щим рассуждениям (ср. с. 121) мы должны сказать, что его удеввльствие соответствует этой экономии. Согласно нашему взгляду на механизм смеха мы могли бы скорее сказать, что энергия, употреблявшаяся для обслуживания задержки, внезапно стала излишней благодаря воссозданию запретных представле- ний путем слухового восприятия; отток этой энергии прекра- тился, и потому она получила в смехе возможность отреаги-

ропания. В сущности оба эти процесса приводят к одному и тому же, т. к. сэкономленная затрата энергии точно соответ- ствует задержке, ставшей ненужной. Но последний процесс более нагляден, поскольку позволяет сказать, что слушатель остроты смеется, затрачивая при этом такое количество психической энергии, какое было освобождено благодаря упразднению за- держки; смехом он как будто осуществляет отреагирование этого количества энергии.

Если лицо, у которого возникает острота, не может смеяться, то это указывает на то, что процесс, происходящий у этого лица, отличен от процесса, имеющего место у третьего лица, у которого происходит либо упразднение задержки, либо дана возможность отреагирования этой задержки. Но первый из этих двух случаев не осуществим, как мы сейчас должны будем признать. Задержка должна быть упразднена и у первого лица, в противном случае не была бы создана острота; возникновение остроты должно было бы преодолеть это сопротивление. Точно так же было бы невозможно, чтобы первое лицо не испытывало удовольствия от остроты, являющейся следствием упразднения задержки. Таким образом, остается только второй случай, когда первое лицо, хотя оно и ощущает удовольствие, не может смеяться, т.к. отреагирование невозможно. Такая невозможность отреагирования, являющегося условием смеха, может получиться в результате того, что освободившаяся энергия тотчас находит себе другое эндопсихическое применение. Хорошо, что мы обратили внимание на эту возможность; вскоре мы еще больше заинтересуемся ею. Но у первого участвующего в остроте лица может быть осуществлено другое условие. Быть может, вообще не освободилось такое количество энергии, которое способно проявить себя, несмотря на последовавшее упразднение задер- жки. Ведь у первого лица совершается работа остроумия, которая должна соответствовать определенному количеству новой пси- хической затраты. Следовательно, первое лицо само добывает силу, которая упраздняет задержку. Из "этого оно, безусловно, извлекает удовольствие,- в. .ййучае,..^ея.денциЬзн<)й^ ^остроты даже очень, знаэдтел^ное,'^.^к?полуд&йнб^:.благода'ря-ра^о'те остроумия предварИтБЯьнеё^удовольстви^^само берет"на'* себя функцию упразднения задержки^ Та' самая затрата, которой нет у слуша- теля ,ос?'potfai. Для подкрепления вышеизложенного можно при-

вести еще и тот факт, что острота лишается споею смехотпор- ного эффекта и у третьего лица, как только ит него требуется затрата мыслительной энергии. Намеки, которые делает острота, должны бросаться в глаза, пробелы должны быть легко допол- няемы; с пробуждением сознательного мыслительного интереса действие остроты, как правило, становится невозможным, В этом заключается важное отличие остроты от загадки. Вероятно, психическая констелляция во время работы остроумия вообще не благоприятствует свободному отреагированию выигранноН энергии. Мы не можем здесь глубже вдаваться п понимание этого процесса. Мы подробнее выяснили одну часть нашей про- блемы, где речь шла о том, почему смеется третье лицо, чем другую часть, где говорится, почему не смеется первое лицо.

Тем не менее, если мы придерживаемся наших взглядов на условия смеха и на психический процесс, происходящий у третьего лица, то мы вынуждены дать удовлетворительное объ- яснение целого ряда известных нам, но непонятных особенно- стей остроты. Если у третьего лица должно быть освобождено некоторое, способное к отреагированию количество энергии, то желательны благоприятствующие моменты или соблюдение не- которых условий: 1) нужно быть уверенным, ччо третье лицо действительно делает эту экономию затраты; 2) после освобож- дения этой энергии должно быть предотвращено другое пси- хическое применение ее вместо моторного отреагировапия; 3) ес- ли количество энергии, затрачиваемой на задержку, которая должна быть упразднена у третьего лица, было до этого еще усилено, увеличено, то это может принести только пользу. Всем этим целям служат определенные приемы работы остроумия, которые мы можем объединить под названием вторичных или вспомогательных технических приемов.

Первое из этих условий устанавливает одну из особенностей, свойственных третьему лицу - слушателю остроты. Оно должно быть настолько психически согласовано с первым лицом, чтобы обладать теми же внутренними задержками, какие были пре- одолены работой остроумия у первого лица. Кто не склонен к сальностям, тому удачные обнажающие остроты не доставят никакого удовольствия. Агрессивные остроты г. N не будут поняты необразованным человеком, который привык давать волю своему удовольствию, получаемому им от ругани. Каждая

острота требует, таким образом, своей собственной аудитории, и если одна и та же острота вызывает смех у нескольких человек, то это является доказательством большой психической согласованности. Впрочем, мы дошли тут до такого пункта, который дает нам возможность более подробно разобрать про- цесс, происходящий у третьего лица. Оно

должно уметь при- вычным образом воссоздавать в себе ту задержку, которую преодолела острота у первого лица, так что у третьего лица, как только оно слышит остроту, навязчиво или автоматически пробуждается готовность к этой задержке. Эта готовность, ко- торую я должен учитывать как действительную затрату, анало- гичную мобилизации в армии, признается одновременно (у первого и третьего лица. - Я. /С.) излишней или запоздалой и отреагируется, таким образом, in stain nascendi путем смеха'.

Второе условие для создания свободного отреагированпя, заключающееся в предотвращении иного применения освобож- денной энергии, гораздо более важно. Оно дает теоретическое объяснение ненадежности действия остроты в том случае, если выраженная в остроте мысль вызывает у слушателя сильно возбуждающие представления, причем от согласованности или противоречивости между тенденциями остроты и рядом мыслей, овладевающих слушателем, зависит, будет сосредоточено вни- мание на процессе остроумия или нет. Но еще большего теоретического интереса заслуживает целый ряд вспомогательных технических приемов, которые явно служат цели отвлечь вни- мание слушателя от процесса остроумия и создать для него возможность протекать автоматически. Я говорю умышленно <автоматически>, а не <бессознательно>, потому что последний термин ввел бы нас в заблуждение. Здесь речь идет только о том, чтобы не допустить большей активности (Besel/.ung) вни- мания к психическому процессу, возникающему при выслуши- вании остроты. Употребление этого вспомогательного техниче- ского приема дает нам право предположить, что именно ак- тивность внимания принимает большое участие в надзоре за освобожденной энергией и в новом ее применении. По-видимому, вообще не легко избежать эндопсихического

Точка зрения: доказана в несколько пион форме Heymans'OM. (Zeit.schriCi lui-Psycliol. XI.).

применения энергии, которая стала ненужной, т. к. мы во время своих мыслительных процессов постоянно передвигаем такую энергию с одного пути на другой, не теряя ни малейшего количества энергии на отреагирование. Острота пользуется для этого следующими приемами: во-первых, она стремится к воз- можно краткой формулировке, чтобы дать меньше опорных точек вниманию, во-вторых, она сохраняет условие легкости понимания (см. выше), и, поскольку она учитывает работу мышления и делает выбор среди различных мыслительных путей, то она должна была бы подвергать опасности свое действие не только благодаря неизбежной мыслительной затрате, но и благодаря возбуждению внимания. Но, кроме того, чтобы отвлечь внимание, острота прибегает к новой уловке: она пред- лагает вниманию нечто выраженное в остроте, что приковывает его, так что тем

временем благодаря остроте может беспрепят- ственно произойти освобождение энергии, затрачивавшейся на задержку, и отреагирование ее. Уже пропуски в тексте остроты выполняют эту задачу. Они побуждают к заполнению этих пробелов и таким образом отвлекают внимание от процесса остроумия. Здесь работа остроумия как будто прибегает к услугам технических приемов загадки, привлекающей внимание. Еще большее значение имеют фасадные образования, которые мы встречаем, особенно в некоторых группах тенденциозных острот (ср. с. 105.). Фасадные образования отлично достигают своей цели: сосредоточить на себе внимание, которому они ставят какую-нибудь задачу. В то время, как мы начинаем раздумывать, в чем заключается ошибка того или иного ответа, мы уже смеемся; наше внимание застигнуто врасплох; отреа- гирование освободившейся энергии, затрачивавшейся на задер- жку, выполнено.

То же относится к остротам с комическим фасадом, при которых комизм приходит на помощь технике остроумия. Ко- мический фасад способствует действию остроты больше, чем обычный прием; он не только создает возможность автомати- ческого течения процесса остроумия благодаря тому, что при- ковывает внимание; он облегчает отреагирование от остроты, предпосылая ему отреагирование от комического. Комизм дей- ствует здесь точно так, как подкупающее предварительное удо- вольствие, и таким образом мы можем понять, что некоторые

остроты могут совершенно отказаться от предпарительного удо- иольстсия, создаваемого другими приемами остроумия'.

Мы уже догадываемся и впоследствии еще яснее увидим, что в условии отвлечения снимания открыли немаловажную черту психического процесса, происходящего у слушателя ост- роты. В связи с этим мы можем понять еще и другое. Во-первых, каким образом случается так, что мы никогда не знаем, над чем смеемся, хотя можем установить это благодаря аналитическому исследованию. Этот смех является результатом автоматического процесса, который возможен благодаря устра- нению нашего сознательного внимания. Во-вторых, мы поняли своеобразность остроты, заключающуюся в том, что она ока- зывает свое действие на слушателя в полной мере только в том случае, если она нова для него, если она действует на него ошеломляюще. Это свойство остроты, обусловливающее ее недолговечность и побуждающее к продукции все новых и новых острот, проистекает, очевидно, из того, что ошеломить или застигнуть врасплох можно только один раз. При повто- рении остроты снимание направляется на выплывающее вос- поминание о нервом разе. Исходя из этого, мы можем понять затем стремление рассказать слышанную остроту другому че- ловеку, который еще не знает ее. Вероятно, человек пновь

На примере остроты, возникающей пугсм нсредипгания, я хоте.] бы обсудить Д1)у1у10 характерную черчу техники остроумии. Гсниап.ная аргистка Oallnicycr на заданн1,[1'1 el'i одна^ц,] нсжслательныН iioiipoc: <Сколько нам лег?> - ответила <папино и стыдлчио. онустпп глаза>: <В Брючие>. Это - образец псрсдингання. Спрошенная о Но.ipac'i'e, она отвечает указанием на место рождения, предупреж- дает таким обрачом ближайший вопрос и дает этим понять: <Этот еднностенный попрос я хотела 61.1 остаинть без отпета>. И, однако, мы чупстнуем, что характерная часть остроты получила здесь не безупречное выражение. Уклонение от вопроса слишком ясно, псреднганнс слишком бросается в глаза. Наше иннманпе пони- мает подчас, что речь идет об умышленном передипганпи. При других остротах. возникающих нугем передингання, последнее замаскпроиано, наше внимание приковано стремлением доказать нсредвнганнс. И одной остроте, почппкающеп путем нередвпгання (с. 56), ответ на расхвалнваннс лошади <Л что я буду делать в 6.30 утра в Прессбурге"> - хотя и является бросающимся в глача передвига- нпем, но зато оно действует бессмысленно занугываюшнм образом па паше внимание, в то время как при опросе артистки мы тотчас определяем нередин- гаппе и ее ответе. Н другом liaiipan.4eHiiil идет ра^шчне между оечротой и так называемымп , которые могуг, впрочем, прибегать к услугам самых лучших технических приемов. Вот пример шуглниого вопроса, пользующегося тсхннческнм приемом передвигання: <Кто якияется каннибалом. пожравшим своего отца н свою мать"> - Отпет: <Сирота>. - <Л если он пожрал к тому же всех своих остальных родственнпков?> - <Это - наследник всего li.ч\ l^^<. cln^}(l>. - <Л где такое чудовище находит еще симпатию себе?> - <Н энциклопедическом словаре под буквой С>. Шуглнвыс вопросы не яипяются остро- тами, потому что требуемые остроумные ответы нс MOlyr быть рассматриваемы как намеки остроумия, пронускн и т. д.

МОТИВЫ ОСТГОУМИЯ. ОСТРОУМИЕ КАК СОЦИАЛЬИЫИ ПРОЦЕСС

получает некоторую возможность наслаждения, отпасшую вслед- ствие недостатка новизны, из того впечатления, которое про- изводит острота на новичка. Аналогичный же мотив побуждает автора остроты вообще рассказывать ее другому человеку.

Как на благоприятствующие моменты, которые уже являются скорее условиями процесса остроумия, я указываю, в-третьих, на те технические вспомогательные средства, которые служат для увеличения количества энергии, предназначенной для от- реагирования, и усиливают таким образом действие остроты. Хотя эти же приемы усиливают, по большей части, и внимание, направленное на остроту, они же вновь обезвреживают влияние внимания, приковывая его и ограничивая его подвижность. Все, что вызывает интерес и смущение, действует в обоих этих направлениях, следовательно, прежде всего бессмыслица, прежде всего противоположность, <контраст представлений>, который некоторые авторы считали существенной характерной чертой остроумия, но в котором я не усматриваю ничего,

кроме средства усиления действия остроты. Все, что смущает, вызывает в слушателе то состояние распределения энергии, которое Lipp.s назвал <психической запрудой> (Slauung), и он, конечно, имеет право предположить, что <разгрузка> происходит тем сильнее, чем больше была предшествующая запруда. Правда, изложение Lipps'a относится не именно к остроте, а к комическому вообще; но, вполне вероятно, может случиться так, что отреагирование при остроте, разгружающее энергию, которая затрачивалась на задержку, усилено таким же образом благодаря запруде.

Теперь нам ясно, что техника остроумия вообще определяется двоякого рода тенденциями: одними, которые создают возмож- ность образования остроты у первого лица, и другими, которые должны обеспечить остроте возможно большее действие удо- вольствия у первого лица. Подобная Янусу двуликость остроты, обеспечивающая последней первоначальный выигрыш удоволь- ствия от возражений критического рассудка, и механизм пред- варительного удовольствия относятся к первым тенденциям. Дальнейшее усложнение техники приведенными в этой главе условиями является результатом наличия третьего лица, инте- ресы которого приняты во внимание. Итак, острота сама по себе является лукавой плутовкой, которая служит одновременно двум господам. Все, что имеет в виду получение удовольствия, рассчитано при остроте на третье лицо, как будто какие-то внутренние, непреодолимые задержки мешают получению удо- вольствия первым лицом. Итак, создается полное впечатление

необходимости этого третьего лица 'для довершения процесса остроумия. Но если мы сумели получить довольно ясное впе- чатление о природе этого процесса у третьего лица, то мы чувствуем, что соответствующий процесс у первого лица еще окутан для нас мраком. Из двух вопросов: почему мы не можем смеяться по поводу острот, созданных нами самими? и почему мы вынуждены рассказывать нашу собственную ос- троту другому человеку? - на первый из них мы до сих пор еще не дали ответа. Мы можем только предположить, что между двумя подлежащими выяснению фактами существует тесная связь, что мы потому вынуждены рассказывать нашу остроту другому человеку, что мы сами не можем смеяться над ней. Из наших взглядов на условия получения удовольствия и отреагирования у третьего лица можно сделать обратный вывод относительно первого лица, что у него отсутствуют условия для отреагирования, а условия для получения удоволь- ствия выполнены лишь отчасти. Затем нельзя отрицать, что мы дополняем наше удовольствие, достигая невозможного для нас смеха окольным путем благодаря впечатлению от третьего лица, которое мы заставили смеяться; мы смеемся, таким образом, как будто , как говорит Dugas; смех относится к весьма заразительным проявлениям психических состояний. Если я за-

ставляю другого человека смеяться, рассказывая ему остроту, то я собственно пользуюсь им, чтобы возбудить свой собственный смех; и действительно можно наблюдать, что человек, рассказав- ший сперва острогу с серьезной миной, подхватывает затем смех другого человека умеренным смешком. Следовательно, сообщение своей остроты другим людям может служить нескольким целям: во-первых, дать мне объективное доказательство успеха работы остроумия, во-вторых, дополнить мое собственное удовольствие благодаря обратному действию этого другого человека на меня, в-третьих, - при повторении не самостоятельно продуцированной остроты - пополнить недостаток удовольствия, вызванный отсут- ствием новизны.

В заключение этих рассуждений о психических процессах остроумия, поскольку они разыгрываются между двумя лицами, мы можем бросить ретроспективный взгляд на момент эконо- мии, который кажется нам важным для психологического по- нимания остроумия с тех пор, как мы дали первое объяснение технике остроумия. Мы уже давно ушли от ближайшего, но вместе с тем наивного понимания этой экономии, как желания вообще избежать психической затраты, причем экономия полу-

чается при наибольшем ограничении в употреблении слов и создании мыслительных связей. Мы тогда уже сказали себе: краткое, лаконичное не есть еще остроумное. Краткость остро- умия - это особая, именно <остроумная> краткость. Первона- чальный выигрыш удовольствия, которое доставляет игра сло- вами и мыслями, проистекает действительно от одной только экономии затраты. Но с развитием игры в остроту тенденция к экономии тоже должна была переменить свои цели, т. к. по сравнению с колоссальной затратой нашей мыслительной дея- тельности безусловно не было бы принято во внимание то, что сэкономлено благодаря употреблению одних и тех же слои или избежанию новых сочетаний мыслей. Мы можем, конечно, позволить себе сравнить психическую экономию с предприя- тием. Пока оборот в нем очень невелик, то, разумеется, на предприятие в целом расходуется мало, расходы на содержание управления крайне ограничены. Бережливость распространяется еще на абсолютную величину затрат. Впоследствии, когда пред- приятие расширилось, значение расходов на содержание управ- ления отступило на задний план. Теперь не придают больше значения тому, как велико количество издержек, если только оборот и доходы увеличились в значительной мере. Экономия п расходах была бы мелочной для предприятия и даже прямо убыточной. Однако, было бы неправильно предполагать, что при абсолютно больших расходах больше нет места тенденции к экономии. Ищущая экономии мысль шефа направится теперь на бережливость в мелочах и почувствует удовлетворение, если с меньшей затратой будет исполнено то же самое распоряжение,

которое требовало раньше больших расходов, какой бы ничтож- ной ни казалась экономия в сравнении с общими расходами. Совершенно аналогичным образом и в нашем сложном психическом предприятии детализированная экономия остается ис- точником удовольствия, как могут показать нам повседневные события. Кто прежде зажигал в своей комнате керосиновую лампу и устроил теперь электрическое освещение, тот в течение некоторого времени будет испытывать определенное чувство удовольствия, поворачивая электрический выключатель; это будет длиться до тех пор, пока в тот момент в нем живо будет воспоминание о сложных манипуляциях, которые нужны были для того, чтоб зажечь керосиновую лампу. Точно так же не- значительная в сравнении с общей психической затратой, осу- ществляемая остроумием, экономия расходования психической энергии, предназначавшейся для задержек, остается для нас

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

источником удовольствия, т. к. благодаря ей мы делаем эко- номию одного-единстпенного расхода, который мы привыкли делать и который мы уже готовы были сделать и на этот раз. На первый план, несомненно, выступает момент, заключаю- щийся в том, что мы ожидали, готовились к этому расходу.

Локализованная экономия, какой является только что рас- смотренная, не замедлит доставить нам мгновенное удовольст- вие, но длительного облегчения она не даст, поскольку сэко- номленное здесь может быть израсходовано в другом месте. Лишь в том случае, если можно избежать этого другого при- ложения энергии, частная экономия вновь превращается в общее уменьшение психической затраты. Таким образом, при более глубоком взгляде на процессы остроумия момент уменьшения затраты занимает место момента экономии. Первый момент доставляет, очевидно, большее удовольствие. Процесс у первого лица в остроте доставляет удовольствие благодаря упразднению задержки, уменьшению местной затраты. Он, видимо, не за- канчивается до тех пор, пока благодаря посредничеству третьего постороннего лица не достигнет общего облегчения путем от- реагирования.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

В конце главы, которая была посвящена открытию техники остроумия, мы высказали мысль (с. 88), что процессы сгущения с заместительным образованием и без него, передвигания, изо- бражения путем противоположности, путем бессмыслицы, не- прямого изображения и другие процессы, принимающие участие в создании остроты, являют далеко идущую аналогию с про- цессами <работы сна>, и мы оставили за собой право, с одной стороны, подробнее изучить эти аналогии, с другой стороны - исследовать общее между сновидением и остроумием. Нам было бы гораздо легче провести это сравнение, если бы мы могли предположить, что один из элементов сравнения - <работа сна> - известен. Но мы,

вероятно, поступим лучше, если не сделаем этого предположения. У меня создалось впечатление, что опубликованное в 1900 году <Толкование сновидений> вы- звало у моих коллег по специальности больше <смущения>, чем <понимания>, и я знаю, что широкие круги читателей удовлетворились тем, что свели все содержание книги к ходячему выражению <исполнение желания>, которое можно легко запом- нить и которым легко злоупотреблять.

Занимаясь продолжительное время проблемами, о которых там шла речь, и имея обильный материал, доставленный мне, как психотерапевту, во время моей врачебной деятельности, я не нашел в нем ничего, что требовало бы изменения или корректуры моих рассуждений, и могу поэтому спокойно вы- жидать, пока читатели поймут <Толкование сновидений> или

б зек. №64 161

пока проницательная критика укажет мне основные ошибки моей интерпретации. В целях сравнения с остротой я повторю здесь в сжатом виде самое необходимое о сновидении и о работе сна.

Мы узнаем сновидение из воспоминания, кажущегося нам по большей части отрывочным и возникающего после пробуж- дения от сна. Сновидение состоит из призрачных в большинстве случаев (но в то же время отличающихся от них) эмоциональных впечатлений, которые дали нам суррогат переживания и которые могут быть смешаны с некоторыми мыслительными процессами (<знание> в сновидении) и аффективными прояв- лениями. То, что мы вспоминаем как сновидение, я называю <явньш содержанием>. Оно часто совершенно абсурдно или только запутано. Но даже тогда, когда оно совсем связно, как в некоторых сопровождающихся страхом сновидениях, оно противопоставляется нашей жизни, как нечто чуждое, о происхож- дении которого нельзя отдать себе никакого отчета. Объяснения этого характера сновидения искали до сих пор в нем самом, усматривая в нем признаки беспорядочной, диссоциированной и, так сказать, <сонной> деятельности нервных элементов.

В противовес этому я показал, что это столь странное <явное> содержание сновидения всегда может быть понято как иска- женное и измененное описание определенных, логически пра- вильных психических переживаний, которые заслуживают названия: <латентные мысли сновидения>. Познание этих мыслей можно получить, если разложить явное содержание сновидения на его составные части, не обращая при этом внимания на кажущийся смысл, который оно может иметь, и если проследить затем ассоциативные нити, исходящие от каждого, изолирован- ного теперь элемента. Эти нити сплетаются друг с другом и приводят, наконец, к такому слою мыслей, которые не только вполне логичны, но и легко могут быть поставлены в известную нам связь с нашими

душевными процессами. Путем этого <анализа> содержание сновидения освобождается от всех своих поражающих нас странностей. Но чтобы такой анализ был удачен, мы должны постоянно опровергать критические возра- жения, которые делаются беспрерывно против репродукции от- дельных, способствующих анализу ассоциаций. Из сравнения вспоминаемого явного содержания сновидения

с найденными, таким образом, латентными мыслями сновиде- ния вытекает понятие о <работе сна>. Работой сна можно назвать всю сумму превращающихся процессов, которые переводят ла- тентные мысли сновидения в явное сновидение. За счет работы сна происходит то удивление, которое раньше вызывало в нас сновидение.

Механизм работы сна может быть описан в следующем виде: очень сложный, в большинстве случаев, ряд мыслей, который был построен в течение дня и не был исчерпан, - так называемый дневной остаток - сохраняет и в течение ночи предназначенное ему количество энергии - интерес, - и уг- рожает нарушить сон. Этот дневной остаток благодаря работе сна превращается в сновидение и делается безвредным для сна. Чтобы дать исходный пункт работе сна, дневной остаток должен обладать способностью создавать желание, - легко выполнимое условие. Желание, вытекающее из мыслей сновидения, образует предварительную ступень, а впоследствии - ядро сновидения. Полученный из анализов опыт - но не теория сновидений - говорит нам, что у ребенка любое из желаний, оставшихся неисполненными в бодрственной жизни, достаточно, чтобы вы- звать сновидение, которое получается связным, имеющим смысл, но в большинстве случаев кратким; оно легко может быть распознано как <исполнение желания>. У взрослого суще- ствует общее благоприятное условие для желания, вызывающего сновидение; оно заключается в том, что может содержать в себе неизвестные подкрепляющие тенденции для сознания. Не предполагая участия бессознательного в вышеизложенном смыс- ле, я не мог бы развить дальше теорию сновидения и дать толкование испытуемому материалу, состоящему из анализов сновидений. Влияние этого бессознательного желания на созна- тельно-логичный материал мыслей сновидения дает в результате сновидение. Последнее втянуто при этом как будто в бессоз- нательное, точнее - говоря, оно подтверждено обработке в том виде, в каком она происходит на ступени бессознательных мыслительных процессов и характерна для этой ступени. До настоящего времени мы знаем характер бессознательного мыш- ления и его отличие от способного стать сознательным <пред- сознательного> мышления только из результатов <работы сна>. Совершенно новое, не простое и противоречащее общепри-

нятому мышлению учение едва ли может выиграть с ясности при сжатом изложении.

Этим замечанием я, следосательно, имею в виду ничто иное, как ссылку на подробное изложение бессознательного в моем <Толковании сновидений> и на кажу- щиеся мне п высшей степени важными работы Lipps'a. Я знаю, что тот, кто не имеет достаточного философского образования, или мало склонен к так называемой философской системе, оспоривает возможность <психически бессознательного> в смысле Lipps'a и в моем и берется доказать его невозможность на любом из психических определений. Но определения условны и могут быть изменены. Я часто имел возможность на опыте убедиться, что лица, оспоривающие бессознательное как нечто абсурдное и невозможное, вынесли спои впечатления не из тех источников, из которых, по крайней мере, для меня, вытекает необходимость признания бессознательного. Противники бессоз- нательного никогда не принимали во внимание эффекты пост- гипнотического внушения, и то, что я сообщал им в качестве образцов из моих анализов у негипнотизированных невротиков, приводило их в величайшее удивление. Они никогда не допу- скали мысли, что бессознательное есть нечто такое, чего в действительности не знают в то время, как необходимые выводы вынуждают дополнить понятие бессознательного - хотя бы под этим подразумевались мысли, способные стать сознательными - тем, о чем мы как раз в данный момент не думали, что не находилось в <центре нашего внимания>. Они также не пытались убедиться в существовании таких бессознательных мыслей в их собственной душевной жизни путем анализа своего собст- венного сновидения, и когда я пытался производить с ними такой анализ, то они встречали свои собственные приходящие им в голову мысли, только с удивлением и смущением. Я получил также такое впечатление, что принятию <бессознатель- ного> существенно препятствует аффективное сопротивление, основанное на том, что никто не хочет изучать своего бессоз- нательного <Я>, тогда как легче всего вообще отрицать возмож- ность его существования.

Итак, работа сна, к которой я возвращаюсь после этого отступления, подвергает совершенно своеобразной обработке мыслительный материал, облеченный в форму желания. Она прежде всего заменяет сослагательное наклонение настоящим

временем, заменяет <Я хотел бы сделать> выражением <Я делаю>. Это <я делаю> предназначено для галлюцинаторного изображе- ния, что я назвал <регрессией> работы сна. При этом совер- шается путь от мыслей к картинам восприятия, или, учитывая еще неизвестную - понимаемую не в анатомическом смысле - топику душевного процесса, можно было бы сказать, что со- вершается обратный путь от области мысленных картин к области эмоциональных восприятий. Этим путем, противопо- ложным направлению развития усложняющейся душевной де- ятельности, мысли сновидения приобретают наглядность,

нако- нец, ядром явной, <картины сновидения> оказывается пласти- ческая ситуация. Чтобы добиться такой эмоциональной изобразительности, мысли сновидения должны были претерпеть существенные преобразования. Но во время обратного превра- щения мыслей в эмоциональные картины в них наступают еще и другие изменения, которые отчасти понятны, как необходимые, а отчасти являются неожиданными. Необходимым побочным результатом регрессии следует считать то, что почти все связи внутри мыслей, которые расчленяют их, оказываются потерян- ными для явного сновидения. Работа сна принимает для из- ложения, так сказать, только сырой материал представлений, не принимая тех мыслительных соотношений, которые удер- живают их друг относительно Друга, или она оставляет за собой, по крайней мере, право не обращать внимания на эти последние соотношения. Другую часть работы сна мы, наоборот, не можем считать производным регрессии сна, обратного пре- вращения в эмоциональные картины - ту часть, которая нам важна для аналогии с образованием остроты. Материал мыслей сновидения испытывает во время работы сна совершенно не- обычное укомплектовывание или сгущение. Его исходными точ- ками являются те общие черты, которые случайно или соот- ветственно содержанию имеются налицо в мыслях сновидения. Поскольку эти общие черты обычно недостаточны для полного сгущения, то в работе сна создаются новые, искусственные общие черты, и для этой цели охотно употребляются даже слова, в тексте которых совпадают различные значения. Вновь созданные сгущенные общие черты входят в явное содержание сновидения как представители мыслей сновидения, так что один элемент сновидения соответствует узловому и перекрестному

165

пути мыслей сновидения; принимая во внимание эти последние, он должен быть назван вообще <сверхдетерминированным>. Факт сгущения является той частью работы сна, которую можно легче всего распознать; достаточно сравнить написанный текст сновидения с записью мыслей сновидения, полученных путем анализа, чтобы получить ясное представление о частоте сгущения в сновидении.

Не так легко убедиться во втором большом изменении, которое производит работа сна в мыслях сновидения; речь идет о процессе, который я назвал передвиганием в сновидении. Это изменение проявляется в том, что в явном сновидении стоит в центре и сопрово>кдается большой чувственной интенсивностью то, что в мыслях сновидения находилось на периферии и было второстепенным, и наоборот. Сновидение оказывается благодаря этому <передвинутым> в сравнении с мыслями сновидения, и именно благодаря этому передвиганию сновидение оказывается чуждым и непонятным для бодрственной душевной жизни. Чтобы осуществилось подобное передвигание энергии, должна быть дана возможность беспрепятственно переходить от важных представлений к маловажным, что

может на нормальное, спо- собное стать сознательным мышление, произвести впечатление только <ошибки мышления>.

Превращение в целях возможности изображения, сгущение и передвигание являются тремя большими механизмами, ко- торые можно приписать работе сна. Четвертый механизм, ко- торому уделено, быть может, слишком мало места в толковании сновидений, не принят здесь во внимание. Выводя последова- тельно идеи из <топики душевного аппарата> и <регрессии> - а только такая последовательность придаст полноценность ра- бочим гипотезам - следовало бы сделать попытку определить, на каких ступенях регрессии происходят различные превращения мыслей сновидения. Эта попытка не получила еще серьезного обоснования, но относительно передвигания, по крайней мере, можно с уверенностью сказать, что оно должно происходить на мыслительном материале, в то время когда он находится на ступени бессознательных процессов. Сгущение представляют себе, по всей вероятности, как процесс, распространяющийся через все течение мыслей вплоть до области восприятия, в общем же удовлетворяются тем, что предполагают одновременно

наступающее действие всех сил, принимающих участие в об- разовании сновидения. При той осторожности, которую следует соблюдать в трактовке таких проблем, и принимая по внимание не подлежащую здесь обсуждению принципиальную рискован- ность такой постановки вопроса, я все же решаюсь выставить положение, что предшествующий сновидению процесс работы сна должен быть перенесен в область бессознательного. Итак, в целом при образовании сновидения следовало бы, грубо говоря, различать три стадии: во-первых, перевод предсозна- тельных дневных остатков в бессознательное, чему должны способствовать условия сонного состояния, затем собственно работа сна в бессознании, и, в-третьих, регрессия обработанного таким образом материала сновидения вплоть до восприятия, в качестве которого сновидение проникает в сознание.

В качестве сил, принимающих участие в образовании сно- видения, можно распознать: желание спать; энергию, оставшуюся еще у дневных остатков после уменьшения ее количества бла- годаря сонному состоянию; психическую энергию снообразую- щего бессознательного желания; противодействующую силу <цен- зуры>, которая господствует в бодрственной жизни и не вполне исчезает во время сна. Задачей снообразования является прежде всего преодоление задержки цензуры, и именно эта задача разрешается благодаря передвиганию психической энергии внут- ри материала, доставляемого мыслями сновидениями.

Теперь вспомним, по какому поводу мы при исследовании остроумия подумали о сновидении. Мы нашли, что характер и действие остроты связаны с определенными

формами выра- жения, техническими приемами, среди которых самыми пора- зительными являются различные виды сгущения, передвигания и непрямого изображения. Но процессы, приводящие к тем же результатам, т. е. к сгущению, передвиганию и непрямому изображению, стали нам известны в качестве особенностей работы сна. Не напрашивается ли благодаря этой аналогии вывод, что работа-остроумия и работа сна должны быть иден- тичны в одном, по крайней мере, существенном пункте? Работа сна оказывается, по моему мнению, расшифрованной для нас в ее важнейших характерных чертах; из психических процессов при остроумии для нас расшифровывается именно та часть, которую мы можем сравнить с работой сна, процесс образования

167

остроты у первого лица. Не должны ли мы поддаться искушению конструировать этот процесс по аналогии с образованием сно- видения? Некоторые из особенностей сновидения настолько чужды остроте, что мы не можем перенести соответствующую им часть работы сна на образование остроты. Регрессия хода мыслей вплоть до восприятия для остроты отпадает; зато две другие стадии образования сновидения: погружение предсозна- тельной мысли в бессознательную сферу и бессознательная обработка ее, если мы предположим их существование при образовании остроты, - дадут нам именно тот результат, ко- торый мы можем наблюдать при остроте. Итак, мы решаемся сделать предположение, что это является процессом образования остроты. Предсознательная мысль на момент подвергается бес- сознательной обработке, и результат этой обработки вскоре постигается сознательным восприятием.

Но прежде чем мы проверим это положение в деталях, мы хотим подумать об одном возражении. Мы исходим из того факта, что технические приемы остроумия указывают на те же процессы, которые известны нам как особенности работы сна. Нам могут легко возразить, что мы описали бы технические приемы остроумия не как сгущение, передвигание и т. д. и не пришли бы к столь далеко идущим аналогиям в приемах изображения, которыми пользуются острота и сновидение, если бы предшествующее знание работы сна не подкупило нас в нашей трактовке техники остроумия, так что мы в сущности при остроте нашли только подтверждение тем ожиданиям, с которыми подошли от сновидения к остроте. Такой генезис аналогии не дал бы никаких прочных гарантий ее постоянства, кроме разве нашей предубежденности. Механизмы сгущения, передвигания и непрямого изображения не были также факти- чески выделены ни одним другим автором в качестве форм выражения остроты. Это возражение было бы возможно, но из этого еще отнюдь не следует, что оно было бы справедливо. Точно так же возможно, что категоричность нашей трактовки благодаря знанию работы сна была необходима, чтобы распоз- нать действительную аналогию. Однако, окончательное решение будет зависеть только от того, сможет ли

испытующая критика доказать на единичных примерах, что такая трактовка техники остроумия является навязанной и что ради нее были отброшены

168

другие трактовки, которые ближе к истине и глубже проникают в нее, или же критика должна будет согласиться с тем, что ожидания, с которыми мы подошли от сновидения к остроте, действительно подтвердились. Я придерживаюсь мнения, что нам нечего бояться такой критики и что наш прием редукции (см. с. 25), точно показал, в каких формах выражения следовало искать технические приемы остроумия. То, что мы дали этим техническим приемам те же наименования, которые уже заранее предрешают результат аналогии между техникой остроумия и работой сна, было-нашим законным правом, собственно говоря, ничем иным, как легко оправдываемым упрощением.

Другое возражение не так существенно для нас, но зато и не нуждается в столь основательном опровержении. Можно было бы думать, что хорошо согласующиеся с нашими целями технические приемы остроумия хоть и заслуживают признания, но не исчерпывают всех возможных или употребляемых на практике технических приемов остроумия. Под влиянием про- тотипа, каким явилась для нас работа сна, мы отыскали якобы только соответствующие ей технические приемы остроумия в то время, как другие приемы, которые мы проглядели, показали бы, что такая аналогия, как нечто постоянное, не существует. Я действительно не решаюсь утверждать, что мне удалось выяснить технику всех находящихся в обращении острот, и ввиду этого оставляю открытым вопрос о том, что мое пере- числение технических приемов остроумия страдает некоторой неполнотой, но я преднамеренно не исключил из обсуждения ни одного вида техники, который мог быть мною расшифрован, и утверждаю, что от моего внимания не ускользнули самые частые, самые важные, в большинстве случаев, характерные технические приемы остроумия.

Остроумие обладает еще одной характерной чертой, которая вполне согласуется с нашей, вытекающей из сновидения, трак- товкой работы остроумия. Хотя и говорят, что остроту <создают>, но чувствуется, что этот процесс отличается от того, который совершает человек, высказывающий мнение или делающий воз- ражение. Острота имеет чрезвычайно резко выраженный характер внезапно <пришедшей в голову мысли>. Еще за один момент до этого человек не знает, какую он создаст остроту, которую потом останется лишь облечь в словесную форму. Человек

169

испытывает нечто не поддающееся определению, что я мог бы скорее всего сравнить с отсутствием, внезапным разрядом ин- теллектуального напряжения, после которого сразу оказывается созданной острота, в большинстве случаев одновременно со своей оболочкой.

Некоторые из приемов остроумия находят применение в выражении мыслей и вне остроумия, например, сравнение и намек. При этом я сначала думаю над прямым выражением этой мысли (внутреннее слышание), у меня су- ществуют задержки в высказывании этой мысли по мотивам, соответствующим данной ситуации, но вскоре я пытаюсь за- менить прямое выражение косвенной формой и делаю намек. Возникший таким образом, созданный под моим непрерывным контролем намек никогда не остроумен, как бы удачен он ни был; остроумный намек возникает, наоборот, без того, чтобы я мог проследить эти подготовительные стадии в моем мыш- лении. Я не хочу придать слишком большой цены этому соотношению; оно едва ли решает вопрос, но оно все же хорошо согласуется с нашим предположением, что при создании остроты ход мыслей погружается на один момент в бессознательную сферу и затем внезапно выплывает из бессознательного в виде остроты.

Остроты занимают особое положение и в ассоциативном отношении. Наша память часто не располагает ими тогда, когда мы хотим их вызвать, но зато иной раз они возникают невольно, и в таких именно местах хода наших мыслей, где мы не понимаем, почему они вплетаются. Это опять-таки мелкие черты, но все же они указывают на происхождение острот из бессознательного.

Соберем теперь все характерные черты остроумия, которые могут указать на то, что оно образуется в бессознательном. Прежде всего следует отметить своеобразную лаконичность ост- роты - необходимый, но чрезвычайно характерный признак. Впервые столкнувшись с ней, мы склонны были видеть в ней выражение экономящей тенденции, но сами обесценили это понимание благодаря тем возражениям, которые оно у нас вызвало. Лаконичность остроумия кажется нам теперь скорее признаком бессознательной обработки, которой подверглись мысли остроумия. Соответствующее ей в сновидении сгущение мы не можем поставить в связь ни с каким другим моментом, кроме локализации в бессознательном, и должны предположить,

что в бессознательном ходе мыслей даны условия для таких сгущений, отсутствующие в предсознательном^. Следует ожидать, что при процессе сгущения теряются некоторые из подверга- ющихся ему элементов, в то время как другие, получающие от них энергию активности (Besetzungsencrgie), конструируются в усиленном или чрезмерно усиленном виде. Лаконичность остроумия, как и лаконичность сновидения, является, таким образом, необходимым побочным явлением, происходящим в обоих случаях сгущений; в обоих случаях она является резуль- татом процесса сгущения. Этому происхождению лаконичность остроумия обязана и своим особым, не поддающимся даль- нейшему объяснению, но поразительным для восприятия ха- рактером.

Раньше мы уже истолковали один из результатов сгущения, многократное употребление одного и того же материала, игру слов, созвучность, как локализованную экономию, и считали удовольствие, доставляемое безобидной остротой, производным этой экономии. Впоследствии мы усмотрели первоначальную цель остроты в том, чтобы извлечь удовольствие такого рода из слов, что не было ей запрещено на ступени игры, но что было запрещено рассудительной критикой в постепенном ходе интеллектуального развития. Теперь мы предположим, что такого рода сгущения в том виде, в каком они служат технике остроумия, возникают автоматически, без особой преднамерен- ности, во время мыслительного процесса в бессознательном. Не имеем ли мы здесь перед собой двух различных объяснений одного и того же факта, которые кажутся несовместимыми друг с другом? Я не думаю; это, конечно, два различных объяснения, и они должны быть согласованы друг с другом, но они не противоречат одно другому. Одно из них просто чуждо другому, и если мы установим между ними какую-нибудь связь, то, вероятно, сделаем шаг вперед в нашем познании. Что такие сгущения являются источником удовольствия, вполне согласу-

Сгущение как закономерный и исполненный значения процесс я доказал помимо работы сна и техники остроумия еще в одной области душевной деятельности, в механизме нормального не тенденциозного забывания. За- быть отдельное впечатление трудно. Те впечатления, между которыми суще- ствует какая-либо аналогия, забываются, подвергаясь сгущению, которое имеет в своей основе общие точки соприкосновения. Смешивание аналогич- ных впечатлений является одной из предварительных ступеней забывания.

171

ется с предположением, что они легко находят в бессознательном условия для своего возникновения. Даже больше того, мы усматриваем мотивировку для погружения в бессознательное в том обстоятельстве, что там легко производится сгущение, которое доставляет удовольствие и которое нужно остроте. И два другие момента, которые на первый взгляд кажутся совер- шенно чуждыми друг другу и как бы совпадающими благодаря нежелательной случайности, также оказываются при более глу- боком исследовании тесно связанными и даже по существу тождественными. Я имею в виду оба положения, согласно которым остроумие может, с одной стороны, производить такие доставляющие удовольствие сгущения во время своего развития на ступени игры, следовательно, в детстве разума, а с другой стороны, оно совершает тот же самый процесс на высшей ступени, погружая мысль в бессознательное. Инфантильное яв- ляется источником бессознательного, бессознательными же про- цессами мышления являются единственно и только те, которые происходили в раннем детстве. Мысль, погружающаяся в бес- сознательное с целью образования остроты, отыскивает там только старый уголок бывшей

некогда игры словами. Мышление на один момент снова становится на детскую ступень, чтобы таким образом вновь завладеть детским источником удоволь- ствия. Если этого не знают еще из исследования психологии неврозов, то при остроумии следует понять, что странная бес- сознательная обработка является ничем иным, как инфантиль- ным типом мыслительной работы. Дело только в том, что у ребенка не очень легко уловить это инфантильное мышление с его удержавшимися в бессознательной сфере взрослого осо- бенностями, т. к. оно в большинстве случаев коррегируется, так сказать, in statu nascendi (в момент зарождения; лат.). Но все же в целом ряде случаев это удается сделать, и тогда мы всякий раз смеемся <детской глупости>. Каждое открытие такого бессознательного действует на нас вообще как <комическое>'.

Многие из моих пациентов-невротикос, пользующихся психоаналитиче- ским лечением, имеют обыкновение каждый раз смехом свндетельстиоиать о том, что удалось верно указать их сознательному восприятию на нечто скрытое, бессознательное, и они смеются даже тогда, когда содержание расшифрованного отнюдь не оправдывает смеха. Разумеется, условием для этого является достаточно близкий подход невротиков к этому бессознатель- ному, чтобы они поняли его, когда врач расшифрует его и преподнесет им.

172

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

Легче понять характерные черты этих бессознательных мыс- лительных процессов в проявлениях больных при некоторых психических расстройствах. Вероятно, что, согласно предполо- жению старика Griesinger'a, мы могли бы понимать делирии душевнобольных и оценивать их как связные сообщения, если бы не предъявляли к ним таких требований, какие предъявляем к сознательному мышлению, а толковали бы их примерно так, как мы толкуем сновидения^. Мы в свое время оценили и для сновидения <возврат душевной жизни к эмбриональной точке зрения>^.

Мы так подробно обсудили на процессах сгущения значение аналогии между остротой и сновидением, что в последующем сможем излагать свои мысли короче. Мы знаем, что передви- гание при работе сна указывает на воздействие цензуры со- знательного мышления, и, соответственно этому, встретив среди технических приемов остроумия передвигание, мы будем склон- ны предположить, что и при образовании остроты играет роль задерживающая сила. Мы также уже знаем, что это общий случай; стремление остроты получить прежнее удовольствие от бессмыслицы или от игры словами встречает в нормальном состоянии задержку в виде протеста критического разума, при- чем эта задержка должна быть преодолена в каждом отдельном случае. Но в том способе, каким работа остроумия разрешает эту задачу, проявляется резкая разница между остротой и сновидением. В работе сна разрешение этой задачи происходит регулярно путем

передвиганий, путем выбора представлений, в достаточной мере удаленных от тех представлений, которым цензура оказывает препятствие. Делается это с целью найти проход через цензуру; и все же заместителями этих последних представлений являются те, которые переняли на себя благодаря полному перенесению всю энергию активности (Beselzung). Поэтому передвигания не отсутствуют ни в одном сновидении и являются весьма многообъемлющими. Не только уклонения от хода мыслей, но и все виды непрямого изображения следует отнести к передвиганиям, особенно замену важного или пред-

Мы не должны при этом забывать, что нужно учитывать искажение. происходящее благодаря цензуре, которая оказывает еще свое действие и в психозе. <Толкование сновидений>.

173

осудительного элемента индифферентным или кажущимся цен- зуре безобидным, являющимся как бы отдаленнейшим намеком на первый элемент, замену символикой, сравнением, деталью. Нельзя отрицать, что частицы этого непрямого изображения осуществляются уже в предсознательных мыслях сновидения. Таковы, например, изображения, осуществляемые путем сим- волики и сравнения, т. к. в противном случае мысль вообще не проходила бы через стадию предсознательного выражения. Непрямые изображения такого рода и намеки, отношение ко- торых к тому, на что они, собственно, намекают, легко может быть открыто, являются позволительными и широко употребляемыми приемами выражения и в нашем сознательном мыш- лении. Но работа сна до бесконечности преувеличивает приме- нение этих приемов непрямого изображения. Под давлением цензуры всякая связь оказывается достаточной для замены намеком, передвигание допускается с одного элемента на любой другой. Особенно поразительна и характерна для работы сна замена внутренних ассоциаций (сходство, причинная связь и т. д.) так называемыми внешними (одновременность, смежность в пространстве, созвучность).

Все эти приемы передвигания вместе с тем являются и техническими приемами остроумия, но в большинстве случаев они соблюдают границы, отведенные их применению в созна- тельном мышлении. Передвигание может вообще отсутствовать, хотя бы остроте и предстояло выполнение необходимой задачи преодоления задержки. Это второстепенное значение передвига- ния при работе остроумия понятно, если вспомнить, что в распоряжении остроумия обычно имеется другой технический прием, с помощью которого он отделывается от задержки, тем более что мы не нашли ничего, что было бы для него более характерно. Острота не создает компромиссов, как это делает сновидение, она не избегает задержки, но она заключается в том, что в неизмененном виде сохраняет игру словами или бессмыслицей, ограничиваясь, однако, выбором таких случаев, в которых эта игра или бессмыслица может все-таки в то же время оказаться позволительной (шугка) или

глубокомысленной (острота) благодаря множественности толкования снов и раз- нообразию мыслительных соотношений. Острота отличается больше всего от всех других психических образований своей

174

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

двойственностью и лицемерием, и, по крайней мере, с этой стороны, авторы ближе всего подошли к познанию остроумия, подчеркнув <смысл в бессмыслице>.

При полном преобладании этого отличающего остроту тех- нического приема, направленного на преодоление задержки, могло бы показаться излишним то, что она вообще еще поль- зуется в отдельных случаях техникой передвигания. Однако, с одной стороны, некоторые виды этой техники остаются ценными для остроты, как цели и источники удовольствия, как, например, собственно передвигание (отклонение мыслей), которое разделяет природу бессмыслицы. С другой стороны, не следует забывать, что высшая ступень остроумия, тенденциозная острота, часто должна преодолевать двоякого рода задержки, противодейству- ющие ей самой и ее тенденции, и что намеки и передвигания могут сделать для нее возможным разрешение этой задачи.

Частое и неограниченное применение непрямого изображе- ния, передвигания и особенно намеков в работе сна имеет одно следствие, которое я упоминаю потому, что оно было для меня субъективным поводом заняться проблемой остроумия. Когда сообщают несведущему или непривычному человеку анализ сновидения, в котором, следовательно, проложены странные, недопустимые для бодрственного мышления пути намеков и передвиганий, которыми пользовалась работа сна, то у читателя создается неприятное впечатление. Он считает эти толкования <остроумными>, но усматривает в них явно неудачные остроты, натянутые, грешащие чем-то против правил остроумия. Это впечатление легко объяснить: оно вытекает из того, что работа сна прибегает к тем же приемам, что и остроумие, но в их применении она переходит границы, которые соблюдает острота. Мы вскоре услышим также, что острота, вследствие роли треть- его лица, связана определенным условием, которого не должно соблюдать сновидение.

Среди технических приемов, общих остроумию и сновидению, определенного интереса заслуживают изображение при помощи противоположности и употребление бессмыслицы. Первое отно- сится к сильно действующим приемам остроумия, как мы могли видеть, между прочим, на примерах <острот, возникших путем преувеличения> (с. 73). Изображение при помощи про- тивоположности не может, впрочем, ускользнуть от сознатель-

175

ного внимания подобно большинству других технических при- емов остроумия. Тот,

кто попытается привести у себя самого в деятельность по возможности преднамеренно механизм работы остроумия, как это делает привычный остряк, тот вскоре найдет, что остротой чаще всего возражают на какое-нибудь утверждение тогда, когда поддерживают противоположное положение и пре- доставляют внезапно пришедшей в голову мысли устранить путем превратного толкования возражение, грозящее опасностью этому противоположному положению. Быть может, изображение при помощи противоположности обязано таким преимуществом именно тому обстоятельству, что оно образует ядро другого доставляющего удовольствие способа выражения мысли, для понимания которого не нужно беспокоить бессознательного. Я имею в виду иронию, которая очень близко подходит к остроте и относится к подвидам комического. Ее сущность состоит в том, что человек высказывает положение, противоположное тому, что он имеет в виду сообщить другому, но он устраняет возникающее при этом противоречие тем, что дает понять тоном, сопровождающими жестами, мелкими стилистическими черточками - если речь идет о письменном изложении, - что он имеет в виду, собственно, противоположное высказанному. Ирония применима только там, где человек готовится услышать противоположное, так что она обязательно возбуждает в нем желание противоречить. В силу этого условия ирония особенно легко подвержена опасности не быть понятой. Для лица, поль- зующегося иронией, она представляет ту выгоду, что дает возможность легко обходить трудности прямых возражений, как, например, ругательств. У слушателя она вызывает комическое удовольствие, поскольку побуждает его, вероятно, к затрате психической энергии на разрешение противоречия, причем эта затрата вскоре оказывается излишней. Такое сравнение остроты с приближающимся к ней видом комизма должно укрепить нас в предположении, что отношение к бессознательному яв- ляется особым признаком остроты, отличающим ее, быть может, и от комизма\ В работе сна изображению при помощи противоположного

На отличии высказываемого от сопровождающих жестов (в широчайшем смысле) основана и' характерная черта комизма, описываемая как его <бес- страстность> ().

176

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

принадлежит гораздо большая роль, чем при остроумии. Сно- видение не только любит изображать две противоположности при помощи одного и того же смешанного образа; оно даже так часто превращает один предмет из мыслей сновидения в его противоположность, что из этого вырастают большие труд- ности для работы толкования. <Ни один элемент, способный найти себе прямую противоположность, не показывает сразу, имеет ли он в мыслях сновидения положительный или отри- цательный характер>^

Я должен подчеркнуть, что этот факт еще не нашел пони- мания. Но он указывает на

очень важную характерную черту бессознательного мышления, лишенного, вероятно, того процес- са, который можно было бы сравнить с <суждением>. Взамен суждения, которого не признает бессознательное, в нем находят <вытеснение>. Вытеснение можно правильно описать как про- межуточную ступень между защитным рефлексом и осуждени- ем^

Бессмыслица, абсурдность, которая так часто имеет место в сновидении и навлекает на него столько незаслуженного пре- зрения, все же никогда не возникает случайно путем беспоря- дочного нагромождения элементов представлений, но в каждом отдельном случае можно доказать, что она умышленно создана работой сна и предназначена для изображения ожесточенной критики и презрительного противоречия внутри мыслей сно- видения. Абсурдность содержания сновидения заменяет, следо- вательно, в мыслях следующее суждение: <Это - бессмыслица>. Я в своем <Толковании сновидений> придал большое значение этому указанию, поскольку думал таким путем убедительнее всего рассеять заблуждение, что сновидение вообще не является психическим феноменом, преграждающим путь к познанию бессознательного. Мы узнали теперь (при разгадке некоторых тенденциозных острот), что бессмыслица в остроте должна

<Толкование сновидений>, 3-е изд. М.: Соврем, проблемы, 1913. С. 263. В высшей степени замечательное и до сих пор еще недостаточно известное соотношение противоположных связей в бессознательном имеет, конечно, значение для понимания <негативизма> у невротиков и у душевнобольных. (Ср. две последние работы об этом: Bleufer, , Psych.-neurol. Wochenschrift, 1904, и Otto Cross, , там же, далее мой реферат под заглавием , Jahrb. f. Psychoanalyse II, 1910.)

177

служить тем же целям изображения. -Мы знаем также, что бессмысленный фасад остроты особенно пригоден для повыше- ния психической затраты у слушателя и увеличивает, таким образом, то количество энергии, которое освобождается благодаря смеху и предназначено к отреагированию. Но, кроме того, мы не забываем, что бессмыслица в остроте является самоцелью, т. к. стремление сызнова извлекать прежнее удовольствие от бессмыслицы относится к мотивам работы остроумия. Суще- ствуют другие пути для того, чтобы вновь создать бессмыслицу и извлечь из нее удовольствие. Карикатура, преувеличение, пародия и шарж пользуются ею и создают, таким образом, <комическую бессмыслицу>. Если мы подвергнем все эти формы выражения такому же анализу, какой проделали над остротой, то найдем, что все они не дают никакого повода привлечь для их объяснения бессознательные процессы. Мы теперь понимаем также, почему характерная черта <остроумного> может привхо- дить составной частью в карикатуру, преувеличение, пародию. Это становится возможным благодаря отличию одной <психи- ческой арены> от другой^.

Я полагаю, что перемещение остроты в систему бессозна- тельного стало для нас гораздо более ценным с тех пор, как открыло нам понимание того, что технические приемы, при- сущие, с одной стороны, остроумию, не являются, с другой стороны, его исключительным достоянием. Некоторые сомнения, разрешение которых мы во время нашего начального исследо- вания этих технических приемов должны были отложить на некоторое время, теперь легко разрешаются. Тем большего внимания с нашей стороны заслуживает суждение, которое сказало бы нам, что неоспоримо существующее отношение остроты к бессознательному правильно только для некоторых категорий тенденциозного остроумия, в то время как мы готовы распространить это отношение на все виды и ступени развития остроумия. Мы не можем уклониться от проверки этого по- ложения.

Можно с уверенностью предположить, что образование ост- роты происходит в бессознательном в том случае, если речь

Выражение G. Th. Fechner'a, которое стало весьма важным для моеН трактовки.

178

ОТНОШЕНИЕ ОСТРОУМИЯ К СНОВИДЕНИЮ И К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

идет об остротах, обслуживающих бессознательные или усилен- ные бессознательной сферой тенденции, следовательно, о боль- шинстве <цинических> острот. Тогда именно бессознательная тенденция притягивает предсознательную мысль к себе в область бессознательного для того, чтобы преобразовать ее там. Это - процесс, многочисленные аналогии которому известны из учения о психологии неврозов. При тенденциозных же остротах другого рода, при безобидной остроте и шутке эта, влекущая в область бессознательного, сила отпадает. Следовательно, вопрос об от- ношении остроты к бессознательному остается открытым.

Но рассмотрим теперь случай остроумного выражения мысли, которая сама по себе не лишена ценности и всплывает в связи с мыслительными процессами. Для превращения этой мысли в остроту, очевидно, нужно, чтобы произошел выбор между всеми возможными формами выражения с тем, чтобы была найдена именно та, которая доставляет выигрыш удовольствия от слов. Мы знаем из нашего самонаблюдения, что не созна- тельное внимание производит этот выбор, но для этого выбора будет только полезно, если активность (Besetzung) предсозна- тельной мысли будет низведена на степень бессознательной мысли, т. к. в бессознательном связующие пути, исходящие от слова, трактуются одинаково с вещественными связями, как мы узнали из работы сна. Бессознательная активность пред- ставляет гораздо более благоприятные условия для выбора такого выражения. Мы можем, впрочем, предположить без дальнейших рассуждений, что эта возможность найти выражение, которое заключало бы в себе выигрыш удовольствия от слов, влечет колеблющуюся еще решимость предсознательной мысли в об- ласть бессознательного точно

таким же образом, как и бессоз- нательная тенденция в первом случае. В более простом случае шутки мы должны себе представить, что находящееся всегда на страже стремление добиться выигрыша удовольствия от слов овладевает поводом, который дан именно в предсознательном, чтобы вовлечь опять-таки по известной схеме процесс актив- ности (Besetzungsvorgang) в область бессознательного.

Я очень хотел бы, чтобы мне удалось, с одной стороны, по возможности яснее изложить этот решительный пункт в моем понимании остроумия, а с другой стороны, подкрепить его вескими аргументами. Но на самом деле речь идет здесь не

о двоякой, а об одной и той же неудаче. Я не могу дат>, более ясного изложения, т. к. не имею дальнейших доказательств моего понимания остроумия. Это понимание родилось у меня из изучения техники и из сравнения с работой сна, и только из этой именно одной стороны. Я могу найти, что оно в целом отлично согласуется со всеми особенностями остроумия. Это понимание явилось результатом умозаключения; если такое заключение приводит нас к чуждой, новой для мышления области, то такой вывод называют <гипотезой>, и отношение гипотезы к материалу, из которого она выведена, справедливо не считают <доказательством>. <Доказанной> ее считают только тогда, когда к ней приходят другим путем, когда ее можно доказать как узловой пункт и для других связей. А такого доказательства при нашем едва только начинающемся познании бессознательных процессов получить нельзя. Признавая, что мы вообще еще стоим на нетронутой почве, мы довольствуемся, таким образом, тем, что перебрасываем один-единственный узкий и шаткий мостик к непостижимому.

Мы не будем делать широких выводов. Если мы приведем в связь различные ступени остроумия с благоприятными для них душевными установками, то сможем сказать приблизительно следующее: шутка вытекает из веселого настроения, которому свойственна склонность к понижению психических инстанций (Besetzungen). Она пользуется уже всеми характерными техни- ческими приемами остроумия, совершая выбор такого словес- ного материала или такой мыслительной связи, которая может удовлетворить необходимым для получения удовольствия тре- бованиям, равно как и требованиям рассудительной критики. Мы сделаем вывод, что понижение мыслительной инстанции вплоть до бессознательной ступени, которое облегчается благо- даря веселому настроению, происходит уже при шутке. Для безобидной, но связанной с выражением ценной мысли остроты отпадает это содействие, оказываемое настроением. Мы должны предположить здесь особое личное качество, получающее выра- жение в той легкости, с какой покидается предсознательная инстанция и на момент заменяется бессознательной. Находя- щаяся всегда на страже

тенденция к возобновлению первона- чального выигрыша удовольствия от остроты влечет в область .бессознательного колеблющееся еще предсознательное выражение

180

мысли. В веселом настроении большинство людей способно создавать шутки; умение острить независимо от настроения свойственно только немногим людям. Наконец, сильнейшим стимулом к работе остроумия служит наличие сильных, про- стирающихся вплоть до области бессознательного тенденций, проявляющих особую склонность к остроумному творчеству и указывающих на то, что субъективные условия остроумия очень часто бывают у невротиков. Под влиянием сильных тенденций может стать остроумным и такой человек, которому раньше это было несвойственно.

Этим последним вкладом в, хотя еще и оставшееся гипо- тетическим, объяснение работы остроумия у первого лица ис- черпывается, строго говоря, наш интерес к остроте. Нам остается еще краткое сравнение остроты со сновидением, которое изучено лучше. Этому сравнению мы предпошлем ожидание того, что два столь отличных друг от друга душевных механизма наряду с нашедшей уже свою оценку аналогией должны выявлять еще и некоторые отличия. Важнейшее отличие заключается в их социальном соотношении. Сновидение является совершенно асо- циальным душевным продуктом; оно не может ничего сказать другому человеку; возникая внутри личности, как компромисс борющихся в ней душевных сил, оно остается непонятным даже для этой самой личности, и потому совершенно неинте- ресно для другого человека. Дело не только в том, что оно не придает никакой цены своей удобопонятности. Оно должно даже опасаться того, чтобы быть понятым, т. к. в противном случае было бы разрушено; оно может существовать только в зама- скированном виде. Поэтому оно должно беспрепятственно поль- зоваться механизмом, управляющим бессознательными душев- ными процессами вплоть до искажения, которое больше не может быть восстановлено. Острота, наоборот, является самым социальным из всех душевных механизмов, направленных на получение удовольствия. Она часто нуждается в трех лицах и требует для своего выполнения участия другого человека в стимулируемом ею душевном процессе. Она должна была свя- зана, следовательно, условием удобопонимаемости, должна пре- тендовать на возможное в бессознательной сфере искажения путем сгущения и передвигания только в таких размерах, в каких это искажение может быть восстановлено пониманием

181

третьего лица. В остальном острота и сновидение выросли в совершенно различных областях душевной жизни, и их нужно отнести к отдаленным друг от друга пунктам психологической системы. Сновидение все еще является желанием, хотя это желание и стало

неузнаваемым, острота является высшей ста- дией игры. Сновидение, несмотря на свое практическое ничто- жество, имеет отношение к крупным жизненным интересам. Оно стремится удовлетворить потребности человека регрессив- ным окольным путем галлюцинации и обязано своим сущест- вованием единственно живой во время ночного состояния по- требности спать. Острота, наоборот, старается извлечь удоволь- ствие из одной только деятельности нашего душевного аппарата, свободной от потребностей. Впоследствии она старается получить такое удовольствие, как побочный результат, сопровождающийся деятельностью этого аппарата, и, таким образом, вторично приходит к не лишенным важности, обращенным к внешнему миру функциям. Сновидение служит преимущественно стрем- лению избежать неудовольствия, острота - получению удоволь- ствия, но в обеих этих целях совпадают все виды нашей душевной деятельности.

VII

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Мы очень близко подошли к проблемам комического. Нам показалось, что остроумие, которое рассматривалось как подвид комизма, представляло довольно много особенностей, чтобы непосредственно с него начать исследование, и, таким образом, мы избегали его отношения к более объемлющей категории комического до тех пор, пока это было возможно, но не без того, чтобы попутно не делать важных для комизма указаний. Мы без труда установили, что комическое занимает в соци- альном отношении несколько иное положение, чем острота. Оно может удовлетвориться только двумя лицами: одним, которое находит комическое, и вторым, в котором находят комическое. Третье лицо, которому сообщают комическое, усиливает коми- ческий процесс, но не прибавляет к нему ничего нового. При остроумии третье лицо необходимо для того, чтобы совершился доставляющий удовольствие процесс. Напротив, второе лицо может отсутствовать там, где речь не идет о тенденциозной, агрессивной остроте. Остроту создают, комическое находят, и прежде всего его находят в людях и лишь в дальнейшем переносят на объекты, ситуации и т.п. Об остроте мы знаем, что не посторонние лица, а собственные мыслительные про- цессы, способствующие созданию остроты, скрывают в себе источники удовольствия. Мы слышали далее, что острота может иногда вновь открывать ставшие недоступными источники ко- мизма, что комическое служит часто остроте фасадом и заменяет ей создающееся в ином случае, благодаря известным техниче- ским приемам, предварительное удовольствие (с. 152). Все это указывает на не совсем простые отношения между остроумием

и комизмом. С другой стороны, проблемы комического оказа- лись столь сложными, а все попытки философов разрешить эти проблемы оказались столь безуспешными, что мы не

могли ожидать их разрешения как будто по мановению руки, если мы подойдем к ним со стороны остроумия. Для исследования остроумия мы привнесли орудие, которое не служило еще другим исследователям, а именно: знание работы сна. При исследовании комического в нашем распоряжении нет такого преимущества, и мы должны поэтому ожидать, что не узнаем о сущности комизма ничего иного, помимо того, что мы уже знаем об остроте, поскольку острота относится к разряду ко- мического и несет в своей собственной сущности неизменен- ными или модифицированными определенные черты комизма.

Наивное является тем видом комического, которое ближе всего стоит к остроте. В общем наивное так же, как и коми- ческое, находят, а не создают как остроту, и наивное вообще не может быть создано в то время, как при чисто комическом учитывается и создание комического, искусственное вызывание комизма. Наивное должно вытекать без нашего доказательства из речей и поступков других лиц, которые стоят на месте второго лица в комизме или остроумии. Наивное возникает тогда, когда кто-нибудь совершенно пренебрегает задержкой, потому что у него такой задержки не существует, когда он, следовательно, преодолевает ее без труда. Условием действия наивного является знание нами того, что у человека нет этой задержки, в противном случае мы называем его не наивным, а дерзким, и не смеемся, а возмущаемся им. Действие наивного неотразимо и просто для понимания. Психическая затрата, производимая обычно нами для сохранения задержки, внезапно становится ненужной благодаря выслушиванию наивной речи, и отреагируется в схеме. Отвлечение внимания является при этом ненужным, бероятно, потому, что упразднение задержки происходит непосредственно, а не путем вынужденной операции. Мы ведем себя при этом аналогично третьему лицу в остроте, которое без всяких усилий со своей стороны получает как бы подарок в виде экономии психической энергии, затрачиваю- щейся на сохранение задержки.

Поняв генезис задержек, прослеженный нами при развитии игры в остроту, мы не будем удивлены тем обстоятельством,

что наивное чаще всего находят у ребенка, затем у необразо- ванного взрослого человека, которого мы считаем ребенком по его интеллектуальному развитию. Для сравнения с остротой более пригодны, разумеется, наивные речи, чем наивные по- ступки, т. к. обычными формами выражения 'остроумия явля- ются речи, а не поступки. Характерно, что наивные речи детей, например, можно без натяжки назвать <наивными остротами>. Аналогия между остротой и наивностью, а также выяснение разницы между ними, будет очевиднее для нас на нескольких примерах.

3,5-летняя девочка предостерегает своего брата: <Не ешь столько, а то ты заболеешь и

должен будешь принять Bubizin>. - <Когда я была больна, - оправдывается ребенок, - я ведь должна была принимать Medizin>\ Ребенок полагает, что прописанное врачом лекарство называется Madizin, если оно предназначено для девочки (Madi), и делает вывод, что оно будет называться Bubizin, если его должен будет принимать мальчик (Bubi). Это конструировано как словесная острота, работающая с помощью техники созвучия. Она могла бы также иметь место и как настоящая острота; в этом случае мы полунеохотно подарили бы ее улыбкой. Как пример наивности, она кажется нам от- личной и заставляет нас громко смеяться. Но что отличает в этом случае остроту от наивного суждения? Очевидно, не текст и не техника, которые одинаковы и для той и для другого, а какой-то момент, лежащий, на первый взгляд, довольно далеко от обеих возможностей. Речь идет только о том, предполагаем ли мы, что говорящее лицо имело в виду остроту или что оно - ребенок - искренно хотело сделать серьезный вывод, основываясь на своем некоррегированном неведении. Только последний случай является наивностью. Здесь мы впервые обращаем внимание на такую идентификацию другого человека путем вчувствования в психический процесс у человека, созда- ющего остроту или наивное суждение.

Исследование второго примера подтвердит это понимание. Брат и сестра, 10-летний мальчик и 12-летняя девочка, разыг- рывают ими самими сочиненную пьеску перед аудиторией,

Madi - девочка. Bubi - мальчик.

состоящей из дядей и теток. Сцена изображает хижину на морском берегу. В первом акте оба поэта-артисты, бедный рыбак и его бойкая жена, балуются на тяжелое время и плохие барыши. Муж решает уехать на своей лодке в далекое море, чтобы поискать богатства в другом месте; после нежного про- щанья супругов занавес падает. Второй акт изображает действие несколько лет спустя. Рыбак, став богатым человеком, вернулся с большой мошной и рассказывает жене, которую он застает ожидающей его перед хижиной, о том, как повезло ему на чужбине. Жена гордо перебивает его: <А я в это время тоже не ленилась>, и открывает его глазам хижину, в которой видны лежащие на полу двенадцать больших кукол, изображающих детей... В этом месте пьесы бурный смех зрителей прервал артистов, которые не могли объяснить себе этого смеха. Они смущенно уставились на своих любимых родственников, которые до сих пор вели себя хорошо и слушали внимательно. Этот смех объясняется предположением зрителей, что юные писатели ничего еще не знают об условиях происхождения детей и могут поэтому думать, что женщина должна гордиться потомством, рожденным ею во время продолжительного отсутствия мужа, и что муж может радоваться этому потомству. Но то, что создано писателями на основании такого неведения,

может быть названо бессмыслицей, абсурдностью.

Третий пример покажет нам, что еще один технический прием, изученный' нами при остроумии, обслуживает наивное. К маленькой девочке принята в качестве гувернантки <францу- женка>, которая, однако, не понравилась девочке. Едва только вновь приглашенная француженка 'удалилась из комнаты, де- вочка начала вслух критиковать ее: <Тоже француженка! Быть может, она называется так потому, что она когда-нибудь лежала возле француза!> Это могло бы быть сносной остротой - двусмысленностью с двояким толкованием или двояко толкуе- мым намеком - если бы ребенок мог иметь представление о двусмысленности. В действительности она перенесла только часто слышанное ею определение поддельности на несимпатич- ную ей иностранку (<Разве это настоящее золото? Быть может, это когда-нибудь лежало возле золота!>). В силу этого неведения ребенка, которое так резко изменяет психический процесс у слушателей, его речь становится наивной. Но вследствие этого

условия существует и ложно наивное. У ребенка можно пред- полагать неведение, которого больше не существует, и дети часто имеют обыкновение притворяться наивными, чтобы вос- пользоваться свободой, которая в противном случае не была бы им позволена.

На этих примерах можно выяснить, что наивное занимает среднее место между остроумием и комическим. Наивное ана- логично остроте по тексту и содержанию. Оно злоупотребляет словами, создает бессмыслицу или сальность. Но психический процесс у первого создающего лица, который представил при остроумии столько интересного и загадочного, здесь отпадает. Наивный человек думает, что он нормально и просто пользуется своими средствами выражения и мыслительными путями; он ничего не знает о побочной цели; он не извлекает также из творчества наивного никакого удовольствия. Все характерные черты наивного существуют только в понимании слушателя, который соответствует третьему лицу в остроте. Далее, творящее лицо создает наивное без труда; сложная техника, предназна- ченная при остроте для того, чтобы парализовать задержку разумной критикой, отпадает при наивном, т. к. у наивного человека нет еще этой задержки, и он может, следовательно, непосредственно и без компромисса преподнести бессмыслицу и сальность. В этом отношении наивное граничит с остротой, получающейся в том случае, если в формуле ее снизить ве- личину цензуры до нуля.

Если для действия остроты необходимым условием являлось наличие у обоих лиц приблизительно одинаковых задержек или внутренних сопротивлений, то условием для наивного можно, следовательно, считать наличие у одного лица таких задержек, которых нет у другого. Лицо, имеющее задержку, слушает и понимает наивное; оно получает удовольствие, доставляемое наивным, и мы легко догадываемся, что это удовольствие

возникает благодаря упразднению задержек. Т. к. удовольствие от остроты имеет то же происхождение - ядро удовольствия от слов и бессмыслицы и оболочку удовольствия от упразднения задержек и облегчения психической затраты - то на этом тождественном отношении к задержке основано внутреннее род-

187

ство наивного с остротой. В обоих случаях удовольствие воз- никает благодаря упразднению внутренней задержки. Но пси- хический процесс у воспринимающего лица (с которым при наивном всегда совпадает наше <Я> в то время, как при остроте мы можем поставить себя и на место создающего лица) в случае наивного суждения тем сложнее, чем проще в сравнении с остротой психический процесс у творящего лица. На вос- принимающее лицо выслушанное наивное суждение действует, с одной стороны, как острота, о чем могут свидетельствовать наши примеры, т. к. для него, как и при остроте, создана возможность упразднения цензуры благодаря одному только выслушиванию. Только одна часть удовольствия, доставляемого наивным, допускает такое объяснение, но даже эта часть в иных случаях наивного суждения, как, например, при выслу- шивании наивной сальности, подвержена опасности. На наивную сальность можно было бы без всяких рассуждений реагировать таким же негодованием, которое подымается и против настоящей сальности, если бы другой момент не избавлял нас от этого негодования и не доставлял нам одновременно более значи- тельную часть удовольствия от наивного.

Этот другой момент дан нам вышеуказанным условием, согласно которому для распознания наивного нам должно быть известно, что у создающего лица отсутствует задержка. Только когда мы уверены в этом, мы смеемся, вместо того чтобы возмущаться. Следовательно, мы принимаем во внимание пси- хическое состояние создающего лица, мысленно переносимся в такое же состояние, стараемся понять его, сравнивая с нашим состоянием. В результате такой идентификации и сравнения получается экономия затраты, которую мы отреагируем в смехе.

Можно было бы предпочесть более простое объяснение: если человеку не нужно преодолевать никакой задержки, то наше негодование излишне, и смех, следовательно, происходит якобы за счет негодования, от которого мы избавлены. Чтобы устранить это неправильное понимание, я хочу резче отделить друг от друга два случая, которые объединил в предшествующем из- ложении. Наивное, выступающее перед нами, может иметь либо природу остроты, как в наших примерах, либо природу саль- ности или вообще непристойности, что особенно верно для того случая, когда наивное проявляется не в речах, а в поступках.

188

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Этот последний случай действительно может ввести нас в заблуждение, поскольку можно предположить, что удовольстчие возникает из сэкономленного и подвергшегося превращению негодования. Но первый случай объясняет нам, что наивная речь, например о Bubizin'e, сама по себе может действовать как легкая острота и не давать никакого повода к негодованию; это, конечно, более редкий, но более чистый и поучительный случай. Когда мы думаем о том, что ребенок серьезно и без побочной цели считал слоги в слове идентичными со своим собственным названием (девочка), то наше удовольствие от слышанного увеличивается, причем это увеличение не имеет больше ничего общего с удовольствием от остроты. Мы рассматриваем теперь сказанное с двух точек зрения: один раз так, как оно получилось у ребенка, а затем так, как оно получается у нас. При этом мы находим, что ребенок нашел нечто идентичное, преодолел рамки, существу- ющие для нас, а затем мы говорим себе: если ты хочешь понять слышанное, то ты можешь сэкономить затрату, уходящую на удержание этих рамок. Затрата, освобожденная при таком сравнении, является источником удовольствия от наивного и отреагируется в смехе. Это, разумеется, та же самая затрата, которую мы превратили бы в негодование, если бы наше понимание создающего лица, а также характер сказанного в данном случае не исключали такого негодования. Но если мы берем случай наивной остроты, как образец для другого случая наивной непристойности, то видим, что и здесь экономия от задержки может непосредственно вытекать из сравнения, что у нас нет необходимости предполагать начавшееся и подавленное затем негодование и что это негодование соответствует только иному применению освобожденной затраты, против которого при остроте необходимы были сложные предохранительные при- способления.

Это сравнение, эта экономия затраты при мысленном пере- несении в душевный процесс, происходящий у создающего лица, только тогда могут иметь значение для наивного, когда они свойственны не ему только одному. В действительности у нас возникает предположение, что этот механизм, совершенно чуждый остроте, является частью, быть может, существенной частью психического процесса при комизме. С этой стороны - это, вероятно, важнейшая оценка наивного - оно представляет

собой, следовательно, вид комизма. То, что в наших примерах присоединяется от наивных речей к удовольствию от остроты, является <комическим> удовольствием. Об этом удовольствии мы были бы склонны вообще предположить, что оно возникает благодаря сэкономленной затрате при сравнении проявлений другого человека с нашими проявлениями. Но т. к. мы стоим здесь перед очень широкими перспективами, то хотим сначала закончить оценку наивного. Итак, наивное является видом ко- мизма в том отношении, что его удовольствие вытекает из разницы в затрате, которая получается при желании понять другого человека. Оно приближается к остроте благодаря усло- вию,

согласно которому сэкономленная при затрате энергия должна быть затратой, расходовавшейся на сохранение задержек'.

Выясним еще некоторые аналогии и некоторые отличия между теми понятиями, к которым мы, наконец, пришли, и теми, которые издавна известны в психологии комизма. Вчув- ствование в психический процесс другого человека, желание понять его является, очевидно, <заимствованием комизма>, иг- рающим со времени Jean РаиГя роль в анализе комического. <Сравнение> душевного процесса у другого человека со своим собственным душевным процессом соответствует <психологиче- скому контрасту>, для которого мы нашли, наконец, здесь место после того, как не знали, как подойти к нему при остроте. Но в объяснении комического удовольствия мы расходимся со многими авторами, по мнению которых удовольствие должно возникать благодаря колебанию внимания между контрастиру- ющими представлениями. Мы такого механизма удовольствия понять не можем; мы указываем на то, что при сравнении контрастов в результате получается разница в затрате. Если эта разница не получит никакого иного примененения, то она способна к отреагированию и благодаря этому становится ис- точником удовольствия^.

Я везде отождествлял здесь наивное с наивно-комическим, что. конечно, не всегда допустимо. Но для наших целей достаточно изучить характерные черты наивного на <наивной остроте> и на <наивной сальности>. Дальнейшее исследование имело бы целью обосновать сущность комического.

Bergson (Le rire, 1904) тоже отрицает такое происхождение комического удовольствия, которое, несомненно, обусловлено стремлением создать ана- логию со смехом от щекотки. На совершенно ином уровне объясняется комическое удовольствие у Lipps'a, которое в связи с его пониманием ко- мизма можно было бы назвать <неожиданной мелочью>.

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

К самой проблеме комического мы подходим с некоторой робостью. Слишком смело было бы ожидать, что наши иссле- дования могут дать руководящую нить к ее разрешению, после того как работы огромного ряда отличных мыслителей не дали в результате удовлетворительного объяснения. Мы фактически задались лишь целью глубже проследить ту точку зрения в области комического, которая оказалась ценной для нашего понимания остроумия.

Комическое оказывается прежде всего случайной находкой среди социальных отношений людей. Его находят всюду: в их движениях, формах, поступках и характерных чертах, вероятно, первоначально только в телесных, а впоследствии и в душевных качествах людей, предпочтительно в их поведении. Благодаря очень употребительному приему персонификации комичными стали затем также животные и неодушевленные предметы. Од-

нако комическое обладает способностью отделяться от людей, когда 'распознано условие, при котором личность становится комичной. Так возникает комизм ситуации, и благодаря пони- манию этого условия существует возможность по желанию сделать человека комичным, перенося его в такие ситуации, в которых к его действиям присоединяются эти условия коми- ческого. Знание того, что человек может по своей воле сделать другого комичным, открывает доступ к неожиданному выигрышу комического удовольствия и дает начало высоко развитой тех- нике. И себя самого можно сделать столь же комичным, как и другого человека. Приемы, служащие для создания комизма, суть: перенесение в комические ситуации, подражание, переоде- вание, разоблачение, карикатура, пародия, костюмировка и др. Разумеется, эти приемы могут обслуживать враждебные и аг- рессивные тенденции. Можно сделать комичным человека, чтобы унизить его, чтобы лишить его права на уважение и на авторитетность. Но если бы такая цель всегда лежала в основе искусственно вызванного комизма, все же не в этом заключается смысл самопроизвольного комизма.

Из сделанного нами обзора различных видов комизма мы видим, как разнообразны источники его происхождения, и узнаём, что при комическом нельзя ожидать столь специали- зированных условий, как, например, при наивном. Чтобы на- пасть на след условия, имеющего силу для комизма, самым

191

важным является выбор исходного случая. Мы выбираем комизм движений, т. к. вспоминаем, что примитивнейшие сценические постановки (постановка пантомимы) пользуются этим средст- вом, чтобы вызвать у нас смех. На вопрос: почему мы смеемся над движениями клоуна, будет ответ: потому что они кажутся нам чрезмерными и нецелесообразными. Мы смеемся над слишком большой затратой. Поищем это условие вне искусст- венно созданного комизма, т. е. там, где он не является пред- намеренным. Движения ребенка не кажутся нам комическими, хотя он вертится и прыгнет. Наоборот, комично, когда ребенок, учась писать, сопровождает движения ручки движениями вы- сунутого языка; мы видим в этих сопутствующих движениях излишнюю двигательную затрату, которую мы, взрослые, при той же работе сэкономили бы. Таким же образом другие сопутствующие движения или просто даже чрезмерная жести- куляция кажутся рам комичными у взрослых. Таковы совер- шенно чистые случаи этого вида комизма движений, которые совершает человек, бросающий кегельный шар после того, как он уже выпустил шар и сопровождает бег этого шара движе- ниями, как будто он может еще дополнительно регулировать этот бег. Так же комичны все гримасы, преувеличивающие нормальное выражение душевных движений, даже тогда, когда они наступают непроизвольно, как, например, у лиц, страдающих пляской св. Вита (chorea st. Viti). Так, страстные движения современного дирижера кажутся комичными каждому немузы- кальному человеку, который

не может понять их необходимости. От этого комизма движений ответвляется комизм телесных форм и черт лица, которые учитываются так, как будто они являются результатом преувеличенного и бесцельного движения. Выпученные глаза, крючковатый, свисающий над ртом нос, оттопыренные уши, горб и все подобное действует комически, вероятно, только благодаря тому, что ими изображены движения, которые были бы необходимы для осуществления этих черт, причем нос, уши и другие части тела в представлении считаются более подвижными, чем это есть на самом деле. Без сомнения, комично, если кто-нибудь умеет двигать ушами и, конечно, было бы еще комичнее, если бы он умел опускать и подымать нос. Добрая часть комического действия, производимого на нас

животными, происходит от восприятия таких их движений, которым мы не можем подражать.

Но каким образом мы приходим к смеху, если считаем движения другого человека чрезмерными и нецелесообразными? Я думаю, что путем сравнения между тем движением, которое я наблюдаю у другого, и тем движением, которое я сам сделал бы на его месте. Обе сравниваемые величины должны, разу- меется, измеряться одной и той же мерой, и этой мерой является моя затрата иннервации, связанная с представлением о движении как в одном, так и в другом случае. Это положение нуждается в объяснении и дальнейшей детализации.

Мы связали, с одной стороны, психическую затрату при механизме представления и, с другой стороны, содержание этого представления. Наше утверждение сводится к тому, что первая - непостоянна и принципиально независима от последнего, т. е. от содержания представления, в особенности к тому, что пред- ставление взрослого требует большей затраты в сравнении с представлением ребенка. Пока речь идет только о представлении движений различной величины, теоретическое обоснование на- шего положения и доказательство его путем наблюдения не представляет никаких трудностей. Окажется, что в этом случае действительно совпадает качество представления как определен- ной психической формы с качеством представленного, хотя психология и предостерегает нас от такого смешивания.

Представление о движении определенной величины я получил тогда, когда совершал это движение или подражал ему, и во время этого акта я изучил меру для этого движения в моих иннервационных ощущениях^.

Когда я воспринимаю подобное движение большей или мень- шей величины у другого человека, то вернейший путь к по- ниманию его - к апперцепции - заключается в том, что я, подражая, совершаю это же движение и могу затем путем

Воспоминание об иннервацнонной затрате останется существенной частью представления об этом движении, и в моей душевной жизни всегда будут существовать такие виды мышления, в которых представление будет оли- цетворено этой затратой. В других связях может происходить даже замена этого элемента другими, например, зрительными представлениями цели дви- жения, словесными представлениями, а при некоторых видах абстрактного мышления бывает достаточна одна черточка вместо полного содержания представления.

7 Зек. № 64 193

сравнения решить, при каком движении моя затрата была больше. Такое стремление к подражению определенно наступает при восприятии движений. Но в действительности я не под- ражаю так же, как я не читаю больше по отдельным звукам после того, как научился читать по слогам. Вместо подражания движению, выполняемому с помощью моих мышц, я вызываю у себя представление об этом движении при помощи следов своих воспоминаний о затратах, произведенных при подобных движениях. Процесс представления, или <мышление>, отличается от действия или поступка прежде всего тем, что приводит в движение гораздо меньшее количество активной энергии и не расходует главную затрату. Но каким образом количественный момент - большая или меньшая величина - воспринятого движения получает выражение в представлении? И если изо- бражение количества отпадает с представлении, сложившемся из качеств, то как я затем могу различать между собой представления о -движениях разной величины, производить именно то сравнение, которое имеет здесь место?

В этом отношении путь нам указывает физиология, которая учит, что и во время процесса представления есть приток иннервации к мышцам; эти иннервации сопровождаются, ра- зумеется, только небольшой затратой. Но теперь очень легко предположить, что эта затрата иннервации, сопровождающая представление, употребляется для изображения количественного фактора представления, что она больше, когда представляют себе большое движение, чем тогда, когда речь идет о небольшом движении. Следовательно, представление о большем движении действительно является большим, т. е. представлением, сопро- вождающимся большей затратой.

Наблюдение непосредственно показывает, что люди привыкли давать в содержании своих представлений выражение большому и малому путем различной затраты в своего рода мимике представлений.

Когда ребенок или человек из народа, или человек, принад- лежащий к определенной расе, рассказывает или описывает что-нибудь, то можно легко заметить, что он не довольствуется пояснением слушателю своего представления путем точного словесного изложения, а изображает содержание этих слов же- стами; он объединяет мимическое

изложение с словесным; он отмечает сразу количество и интенсивность. <Высокая гора>,

194

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

при этом он приподымает руку над своей головой; <маленький карлик>, при этом он держит ее низко над землей. Если бы от отвык от жестикуляции руками, то все равно продолжал бы делать это голосом, а если он научится владеть интонацией, то можно быть уверенным, что он при изображении чего-либо большого широко раскроет глаза, а при изображении чего-либо маленького - зажмурит их. Это - не его аффекты, а дейст- вительно содержание того, что он себе представляет.

Нужно ли предположить, что эта потребность в мимике пробуждается лишь условиями словесной передачи своей мысли другому лицу, если большая часть этого способа выражения все равно ускользает от внимания слушателя? Я думаю, наобо- рот, что эта мимика, хотя и менее живая, существует помимо всякого рассказывания. Она осуществляется даже когда человек просто представляет себе что-либо, когда он наглядно мыслит; человек затем выражает большое и малое при помощи телесных проявлений так же, как и во время разговора, по крайней мере, изменением иннервации в чертах своего лица и в органах чувств. Я могу представить себе даже, что телесная иннервация, соответствующая содержанию представлений, была начальным источником мимики в целях словесной передачи; она должна была только усилиться, сделаться явно заметной для другого человека, чтобы иметь возможность служить этой цели. Если я защищаю взгляд, что к <выражению душевных переживаний>, при помощи тех или иных побочных телесных проявлений душевных процессов, должно быть присоединено и это <выра- жение содержания представлений>, то при этом мне, конечно, ясно, что мои замечания, относящиеся к категории большого и малого, не исчерпывают всей темы. Я сам мог бы сделать еще несколько таких замечаний, прежде чем перейти к фено- менам напряжения, которыми человек телесно проявляет фик- сацию своего внимания и уровень абструкции, на котором пребывает его мышление. Я считаю этот факт очень важным и думаю, что исследование мимики представлений в других отраслях эстетики тоже могло бы быть полезно, как в данном случае для понимания комического.

Чтобы вернуться к комизму движений, я повторяю, что восприятие определенного движения дает импульс к его пред- ставлению благодаря известной затрате энергии. Следовательно, при <желании понять>, при апперцепции этого движения я

7* 195

произвожу определенную затрату, поступаю при этой части душевного процесса так, как будто ставлю себя на место наблюдаемого лица. Но, вероятно, я в то же время обращаю внимание на цель этого движения и могу благодаря предше- ствующему опыту оценить

размеры той затраты, которая обычно бывает необходима для достижения этой цели. При этом я не принимаю во внимание наблюдаемое лицо и веду себя так, как будто сам хотел достичь цели движения. Обе указанные возможности приводят к сравнению наблюдаемого движения с моим собственным. При чрезмерном и нецелесообразном дви- жении другого человека мне трудно понять in stalu nascendi, как будто в момент мобилизации, мою увеличенную затрату. Она учитывается мною как излишняя и становится свободной для другого применения, смотря по обстоятельствам, для от- реагирования, в смехе. Если присоединяются другие благопри- ятные условия, то таким путем возникает удовольствие от комического движения, происходит затрата иннервации, которая дает при сравнении со своим собственным движением излишек, не нашедший себе применения.

Мы замечаем теперь, что продолжаем наши рассуждения в двух различных направлениях: во-первых, чтобы выяснить ус- ловия для отреагирования излишка, и во-вторых, чтобы про- верить, можно ли понимать другие случаи комизма так же, как и комизм движений.

Сначала мы обратимся к последней задаче и рассмотрим после комизма движения и действия тот комизм, который можно найти в душевных процессах и чертах характера у других людей.

Мы можем взять за образец этого вида комическую бес- смыслицу, которая создается во время экзамена незнающими кандидатами; дать простой пример для черт характера труднее. Нас не должно вводить в заблуждение, что бессмыслица и глупость, так часто оказывающие комическое действие, все же не во всех случаях воспринимаются как нечто комическое, равно как и одни и те же характерные черты, над которыми мы иной раз смеемся, как над комическими, и которые в другой раз кажутся нам заслуживающими презрения или не- нависти. Этот факт, на который мы не можем не обратить внимания, указывает лишь на то, что при комическом действии учитываются еще 'и другие соотношения, кроме соотношений

известного нам сравнения; эти условия мы сможем проследить в другой связи.

Комическое, которое находят в умственных и душевных качествах другого человека, является, очевидно, опять-таки лишь результатом сравнения между ним и моим <Я>, но поразительно, что это сравнение дает нам результат, диаметрально противо- положный тому, который получался в случае комического дви- жения или действия. В этом последнем случае было комично, когда другой человек производил большую затрату, чем я считал бы необходимым произвести. В случае душевного процесса, наоборот, комично, когда другой человек экономит затрату, которую я считаю необходимой, ибо бессмыслица и глупость

являются малоценными продуктами. В первом случае я смеюсь, потому что он слишком усложнил себе задачу, а во втором - потому что он слишком облегчил ее себе. Следовательно, сущ- ность комического действия заключается, видимо, только в разнице между обеими затратами энергии - затратой <вчув- ствования> и затратой моего <Я>. <Но эта станность, которая сначала запутывает наше суждение, исчезает, если мы примем во внимание, что ограничение нашей мышечной работы лежит в направлении нашего личного развития к высшей культурной ступени. Повышением нашей мыслительной затраты мы доби- ваемся уменьшения нашей двигательной затраты в одном и том же процессе; доказательством этого культурного успеха являются наши машины^

Итак, в единое понимание укладывается тот факт, что ко- мичным нам кажется человек, производящий в сравнении с нами слишком много затрат для своих телесных отправлений и слишком мало для душевных, и нельзя отрицать того, что в обоих случаях наш смех является выражением ощущаемого нами с чувством удовольствия превосходства, которое мы при- писываем себе в сравнении с ним. Если имеется обратное соотношение обоих случаев, и соматическая затрата другого человека меньше нашей, а его душевная затрата больше нашей, тогда мы уже не смеемся; тогда мы удивляемся и изумляемся^.

<За дурною головою нет ногам покою>, - гласит пословица. Эта постоянная противоположность в условиях комизма, согласно которым то избыток, то недостаток казался источником комического удовольствия, немало способствовала запутыванию проблемы.

ТЕОГЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Обсуждавшийся здесь источник комического удовольстпия, вытекающего из сравнения другого человека с моим собствен- ным <Я> - из разницы между затратой вчувствования и моей собственной затратой - является генетически, вероятно, самым важным, но, несомненно, что он не является единственным. Мы уже указывали однажды, что можно не сравнивать другого человека и свое <Я> и получить такую доставляющую удоволь- ствие разницу только от одного из двух элементов: или от вчувствования, или же от процессов в моем собственном <Я>. Это является доказательством того, что чувство превосходства не имеет существенного отношения к комическому удовольст- вию. Сравнение необходимо для возникновения этого удоволь- ствия; мы находим, что это сравнение происходит между двумя быстро следующими друг за другом и относящимися к одному и тому же процессу затратами энергии, которые мы либо создаем в нас путем вчувствования в другого человека, либо находим их без такого отношения к другому человеку в наших собственных душевных процессах. Первый случай, при котором играет роль второе лицо, но только не в виде сравнения его с нашим <Я>, имеет место тогда, когда доставляющая удоволь- ствие разница в затратах энергии создается благодаря внешним

влияниям, которые мы можем объединить под названием си- туации, в силу чего этот вид комизма называется также <ко- ЛШЗЛЮЛ1 ситуации>. Качества лица, которое доставляет комизм, особенно не принимаются при этом во внимание. Мы смеемся и в том случае, если бы должны были сказать, что в той же ситуации мы должны были бы сделать то же самое. Мы извлекаем здесь комизм из отношения человека к внешнему миру, который часто оказывается сильнее человека. Этим внеш- ним миром; для душевных процессов в человеке являются также условности и потребности общества и даже его собственные телесные потребности. Типичный случай последнего рода мы имеем тогда, когда боль или экскрементальная потребность внезапно мешает человеку в его деятельности, предъявляющей определенные требования к его душевным силам. Противопо- ложностью, доставляющей нам при вчувствовании комическую разницу, является противоположность между большим интересом до помехи и минимальным интересом, проявляемым им к своей душевной деятельности после того, как помеха наступила.

198

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Человек, доставляющий нам эту разницу, будет для нас коми- ческим опять-таки как человек униженный; но он унижен только в сравнении со своим прежним <Я>, а не в сравнении с нами, поскольку мы знаем, что в подобном случае не могли бы вести себя иначе. Но достойно внимания, что мы можем считать это унижение комическим только в случае вчувствования, сле- довательно, только у другого человека, в то время как мы сами при таких и им подобных затруднительных обстоятельствах испытываем только мучительные чувства. Вероятно, лишь это отсутствие мучительного чувства у нас самих дает нам воз- можность считать разницу, получающуюся в результате срав- нения сменяющихся количеств энергии, исполненной удоволь- ствия.

Другой источник комизма, находимый нами в наших соб- ственных превращениях энергии, лежит в наших отношениях к будущему, которое мы привыкли предвосхищать нашими представлениями о том, что нас ожидает. Я предполагаю, что в основе каждого нашего представления об ожидаемом событии лежит определенная количественная затрата, которая, следова- тельно, уменьшается в случае разочарования на определенную разницу. Я опять-таки ссылаюсь здесь на сделанные выше замечания относительно <мимики представлений>. Но мне ка- жется, что легче доказать в случаях ожидания действительно произведенную мобилизацию затрачиваемой энергии. Для целого ряда случаев хорошо известно, что моторные приготовления создают выражение ожидания, прежде всего для тех случаев, где ожидаемое событие требует от меня подвижности, и эти приготовления целиком поддаются комическому определению. Когда я готовлюсь поймать брошенный мне мяч, то напрягаю в своем теле мышцы, способные придать мне устойчивость против удара мяча, и

излишние движения, которые я делаю, если пойманный мяч оказывается слишком легким, делают меня комичным в глазах зрителей. Благодаря ожиданию я был предрасположен к чрезмерной двигательной затрате. Точно так же обстоит дело, когда я вынимаю из корзины плод, который считаю тяжелым, но который представляет собой только под- деланную из воска оболочку. Моя рука подымается несоразмерно высоко и выдает .этим, что я приготовил слишком большую для этой цели иннервацию, и потому надо мной смеются.

199

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСГЬ

Существует, по меньшей мере, один случай, в котором эта затрата ожидания может быть показана и непосредственно из- мерена физиологическим экспериментом над животными. В опытах Павлова над секрецией слюны собакам с фистулами слюнных желез показывают различные пищевые вещества, и количество выделенной слюны колеблется в зависимости от того, обманули или усилили условия опыта ожидания собаки относительно показанной ей пищи.

Даже когда событие, которого я ожидаю, предъявляет тре- бования только к моим органам чувств, а не к моей подвиж- ности, я могу предположить, что ожидание проявляется в определенном расходовании моторной энергии для напряжения чувств, для недопущения других неожидаемых впечатлений, и я вообще понимаю фиксацию внимания как моторный процесс, соответствующий определенной затрате. Я должен далее пред- положить, что подготовительная деятельность ожидания не не- зависима от величины ожидаемого впечатления, но что я мимически представляю себе размеры этого впечатления пусем большей или меньшей подготовительной затраты, не ожидая его самого, как в случае рассказа, так и в случае мышления. Затрата ожидания складывается, разумеется, из нескольких ком- понентов, и при моем разочаровании принимаются во внимание различные моменты, а не только тот факт, что случившееся эмоционально больше или меньше, чем то, чего я ожидал. При этом учитывается также и то обстоятельство, заслуживает ли оно такого большого интереса, который я проявил в его ожидании. Таким образом, я приучаюсь принимать во внимание, кроме затраты энергии на изображение величины (мимика представлений), затрату на напряжение внимания (затрата ожи- дания) и в иных случаях сверх этого затрату абстракции. Но эти другие виды затраты могут быть легко приведены к затрате на определение величины, т. к. более интересное, более яркое и даже более абстрактное являются только особо квалифици- рованными частными случаями величины. Если мы прибавим, что, согласно Lipps'y и др., количественный - а не качествен- ный - контраст 'рассматривается в первую очередь как источник комического удовольствия, то в целом мы будем довольны тем, что избрали комизм движения исходным пунктом нашего ис- следования.

200

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Осуществляя кантовское положение, согласно которому <ко- мическое является ожиданием, вылившимся в ничто>, Lipps сделал в своей неоднократно цитировавшейся здесь книге по- пытку вывести комическое удовольствие вообще из ожидания. Несмотря на многие поучительные и ценные результаты, ко- торые дала эта попытка, я все же могу присоединиться к высказанной другими авторами критике, согласно которой Lipps во многом слишком узко понял область происхождения коми- ческого и не мог без большой натяжки подвести его феномены под свою формулу.

Люди не удовлетворяются наслаждением комизмом там, где они сталкиваются с ним в жизни, но они стремятся к искус- ственному созданию его, и о сущности комизма можно узнать больше, если изучить те средства, которые служат для искус- ственного создания комизма. Можно, прежде всего, сделать комичным самого себя, чтобы развеселить других, притворяясь, например, неуклюжим или глупым. Человек производит при этом комическое впечатление точно так, как если бы он дей- ствительно был неуклюж или глуп, и выполняет при этом условие сравнения, которое ведет к разнице в затрате. Но человек не становится благодаря этому смешным или презрен- ным, а при некоторых условиях даже вызывает восхищение. Другой человек не испытывает при этом чувства превосходства, если знает, что первый только притворяется, и это является новым веским доказательством принципиальной независимости комизма от чувства превосходства.

Удобным приемом для того, чтобы сделать комичным другого человека, служит прежде всего перенесение его в ситуации, в которых человек становится комичным в силу человеческой зависимости от внешних соотношений, особенно от социальных моментов. При этом не учитываются личные качества объекта, и средством для этого является, таким образом, использование комизма ситуации. Это перенесение в комическую ситуацию может быть реальным (a practikal joke), когда мы подставляем кому-нибудь ножку, так что он падает, как неуклюжий человек, или когда мы дурачим его, пользуясь его доверчивостью и стараясь уговорить его в чем-то бессмысленном и т. п.; или оно может быть воображаемым с помощью речи или игры. Оно является хорошим вспомогательным средством для агрес-

201

сивности, которую обычно обслуживает создание комизма бла- годаря тому, что комическое удовольствие независимо от ре- альности комической ситуации, и каждый человек беззащитен против угрожающей ему опасности стать комичным.

Существуют и другие средства искусственного создания ко- мического, заслуживающие особой оценки и отчасти указыва- ющие на новые источники комического удовольствия. Сюда относится, например, подражание, которое доставляет слушате- лям

чрезвычайное удовольствие и делает комическим объект этого подражания, хотя бы этому последнему и было чуждо комическое преувеличение. Гораздо легче обосновать комическое действие карикатуры, чем комическое. действие простого под- ражания. Карикатура, пародия, костюмировка, а также практи- ческая противоположность последней, разоблачение, направлены против лиц и вещей, претендующих на авторитет и являющихся в каком-нибудь отношении выдающимися. Это - приемы для принижения (Herabsetzung, как говорит удачное немецкое вы- ражение^. Выдающееся является большим в переносном пси- хическом смысле, и я могу сделать или, лучше сказать, по- вторить предположение, что оно, как и соматически большое, изображается путем увеличения затраты. Нужно немного на- блюдений, чтобы доказать, что, говоря о выдающемся, я ин- нервирую иначе свой голос, придаю другое выражение своему лицу и стараюсь привести весь свой наружный вид в соответ- ствие с достоинством того, что себе представляю. Я принимаю при этом торжественно-почтительный тон, немногим отличаю- щийся от того, который я принял бы, если бы должен был находиться в присутствии выдающегося лица, государственного деятеля или великого ученого. Я едва ли ошибаюсь, предполагая, что эта другая иннервация мимики представлений сопровож- дается увеличением затраты. Третий случай такого увеличения затраты имеет место тогда, когда я высказываю абстрактные суждения вместо обычных конкретных и пластических пред- ставлений. Когда этот обсуждающийся здесь прием унижения

Degradation. A. Bain (The emotion and the will, 2 edit. 1865) говорит: The occasion of the Ludicrous is the degradation of some person or interest, possessing dignity, in circumstances that excite no other strong emotion (<Случай сметно- го - это принижение некоего лица или значения, имеющих достоинстпа. и обстоятельствах, которые не вызывают другого сильного чувства>: англ.).

выдающегося дает мне возможность представит>, это выдающееся как нечто обыкновенное, для которого я не должен напрягаться и в идеальном присутствии которого я могу стоять <вольно>, говоря военной формулой, то я делаю экономию увеличения затраты на торжественно-почтительный тон. Сравнение этого способа представлений, возбужденного вчувствованием, с при- вычным до сих пор способом, пытающимся одновременно выявиться, создает опять-таки разницу в затрате, которая может быть отреагирована в смехе.

Карикатура, как известно, унижает, выхватывая из совокуп- ного впечатления о выдающемся объекте одну-единственную черту, комичную саму по себе, но незамеченную до тех пор, пока она воспринималась только в общей картине. Благодаря ее изолированию может быть достигнут комический эффект, который в нашем воспоминании

распространяется на все в целом. При этом должно быть соблюдено условие, согласно которому мы испытывали эту почтительность не только в присутствии выдающегося лица. Если такая незаметная в общей совокупности комическая черта в действительности отсутствует, то карикатура создает ее без всяких рассуждений, преувеличивая ту черту, которая сама по себе не комична. Опять-таки харак- терно для происхождения комического удовольствия, что такое ложное изображение действительности не наносит существенного ущерба эффекту карикатуры.

Пародия и костюмировка добиваются унижения выдающегося другим путем, нарушения единства между известными нам характерными чертами людей и между их поступками и речами, заменяя выдающихся людей или их проявления более низкими. Они отличаются от карикатуры этим приемом, а не механизмом доставления комического удовольствия. Тот же самый механизм действует и при разоблачении, которое пускается в ход только когда кто-нибудь путем обмана добился уважения и авторитета, которых в действительности не заслуживает. Комический эффект- разоблачения мы изучили на некоторых примерах остроумия, как, например, в остроте о знатной даме, которая при первых родовых болях восклицает: , и которой врач не хочет оказать помощи, прежде чем она не закричит: <Ай! ай! ай!> Изучив характерные черты комического, мы больше не можем оспоривать того, что эта история является собственно

203

примером комического разоблачения и не может претендовать на название остроты. Она напоминает остроту только инсце- нировкой, техническим, приемом изображения при помощи детали, которой здесь является крик, считающийся достаточным показателем состояния роженицы. Между тем наша разговорная речь, если мы обратимся к ней за разрешением вопроса, наоборот, не сопротивляется тому, чтобы назвать такую историю остротой. Объяснение этому мы находим в том, 410 практика языка не исходит из научных взглядов на сущность остроумия, добытых этим кропотливым исследованием. Т. к. функции ост- роумия частично заключаются в том, чтобы вновь сделать доступными источники комического удовольствия, то по за- манчивой аналогии можно каждый прием, не вскрывающий явного комизма, назвать остротой. Но это последнее верно преимущественно для разоблачения, равно как и для всех других методов искусственного вызывания комизма.

К <разоблачению> можно отнести и тот известный уже нам прием искусственного создания комизма, который унижает до- стоинство отдельного человека, обращая внимание на его об- щечеловеческие слабости и особенно на зависимость его ду- шевных функций от телесных потребностей. Разоблачение ста- новится затем равнозначно напоминанию: такой-то и такой-то, которого почитают, как полубога, является все-таки таким же человеком, как я и ты. Сюда же относятся все стремления обнаружить за богатством и кажущейся свободой

психических функций однотонный психический автоматизм. Мы изучили примеры такого разоблачения в остротах о посредниках брака. Конечно, мы уже тогда сомневались, имеем ли право причислить эти истории к остротам. Теперь с большей уверенностью мы можем решить, что анекдот об <эхо>, которое подтверждает все, что говорит посредник брака, и которое усиливает, в конце концов, признание шадхена в том, что невеста имеет горб, восклицанием: <И какой горб!>, является в сущности комической историей, примером разоблачения психического автоматизма. Но, тем не менее, эта комическая история служит здесь только фасадом; для каждого вникающего в скрытый смысл анекдотов о посредниках брака все в целом остается отлично инсцени- рованной остротой. Тот же, кто не вникает так глубоко, считает это только комической историей. То же относится к другой

остроте о посреднике брака, который для опровержения возра- жения признает, в конце концов, истину, восклицая: <Помилуйте, разве кто доверит этим людям что-нибудь!> Это - комическое разоблачение, служащее фасадом для остроты. Все-таки характер остроты здесь гораздо очевиднее, т. к. речь посредника является в то же время изображением при помощи противоположности: желая доказать, что эти люди богаты, он вместе с тем дока- зывает, что они не богаты, а очень бедны. Остроумие и комизм комбинируются здесь и учат нас, что одно и то же выражение может быть одновременно остроумным и комическим.

Мы охотно пользуемся случаем, чтобы перейти от комизма разоблачения к остроумию, т. к. нашей задачей собственно является выяснение .взаимоотношения между остроумием и комизмом, а не определение сущности комического. Поэтому мы присоединяем к открытию психического автоматизма, хотя и не знаем, комичен он или остроумен, другой случай, в котором также сплетаются остроумие и комизм, - случай острот-бессмыслиц. Исследование в конце концов покажет, что для этого второго случая можно теоретически вывести совпа- дение остроумия и комизма.

При обсуждении технических приемов остроумия мы нашли, что виды мышления, имеющие место в бессознательном и трактующиеся с сознательным только как <ошибки мышления>, являются техническим приемом для очень многих острот, в остроумном характере которых мы все-таки могли сомневаться и которые мы склонны были классифицировать просто как комические истории. Мы не могли разрешить своих сомнений, т. к. прежде всего нам была неизвестна сущность характера остроумия. Впоследствии мы нашли ее, руководствуясь анало- гией с работой сна, в компромиссной функции работы остро- умия между требованием отказаться от прежнего удовольствия, получаемого от игры словами и от бессмыслицы. Компромисс, осуществляющийся тогда, когда предсознательное выражение мысли подвергается на один момент бессознательной обработке, во всех случаях

удовлетворяет требованиям обеих сторон, но критике он преподносится в различных формах и подвергается различным оценкам с ее стороны. Остроте иной раз удается хитростью пробраться в форме лишенного значения, но все же допустимого предложения, в другой раз - тайно проникнуть

205

в выражение ценной мысли; но в пограничном случае комп- ромиссного образования острота отказывается удовлетворять тре- бования критики и упорно стремится к источникам удоволь- ствия, которыми владеет. Являясь незамаскированной бессмыс- лицей с точки зрения критики, она не побоялась вызвать ее возражение, т. к. могла рассчитывать на то, что слушатель восстановит искажение ее выражения, получившееся в результате бессознательной обработки, и вновь придает ему, таким образом, смысл.

В каком случае острота оказывается бессмыслицей с точки зрения критики? Особенно тогда, когда она пользуется видами мышления, употребительными в бессознательном и запрещен- ными в сознательном мышлении, следовательно, ошибками мышления. Но некоторые из видов мышления, употребительные в бессознательном, удержались и в сознании, как, например, некоторые виды непрямого изображения, намек и т. д., хотя их сознательное употребление в большой мере ограничено. Употребление этих технических приемов совсем не вызывает или вызывает только незначительное сопротивление со стороны критики, которое наступает лишь в том случае, когда острота в качестве технических приемов пользуется теми средствами, о которых сознательное мышление и слышать не хочет. Однако острота может еще преодолеть это препятствие, если замаскирует сделанную ею ошибку мышления, придаст ей вид логичности, как в истории с торгом и ликером, с семгой с майонезом и им подобными. Но если она дает нам ошибку мышления в незамаскированном виде, то возражение критики неизбежно.

В этом случае остроте приходит на помощь нечто другое. Ошибки мышления, которыми она пользуется для своих тех- нических приемов, как видами мышления, употребительными в бессознательном, кажутся критике, хотя и не всегда, коми- ческими. Сознательное употребление бессознательных и отвер- гнутых в силу своей ошибочности видов мышления является средством доставления комического удовольствия, и это легко понять, т. к. создание предсознательной активности требует большей затраты, чем применение бессознательной. Выслушивая мысль, возникшую как будто в бессознательном, и сравнивая ее с ее корректурой, мы в результате получаем разницу в затрате, из которой вытекает комическое удовольствие. Острота,

206

пользующаяся такой ошибкой мышления как техническим при- емом и кажущаяся

поэтому бессмысленной, может производить таким образом комическое действие. Если мы не найдем следов остроумия, то нам останется опять-таки только комическая история, шутка.

История о взятом взаймы котле, который при возвращении оказался продырявленным, причем взявший его оправдывался тем, что, во-первых, он вообще не брал никакого котла, что, во-вторых, он был уже продырявлен, когда он взял его, и что, в-третьих, он возвратил его в целости, без дыры (с. 63), - является отличным примером чисто комического действия, получающегося в результате употребления бессознательных видов мышления. В бессознательном нет этого взаимного исключения нескольких мыслей, из которых каждая сама по себе хорошо мотивирована. Сновидение, в котором выявляются эти виды бессознательного мышления, не знает понятия <или-или>^, а только одновременное существование одного элемента наряду с другим. В том примере своего <Толкования сновидений>^, ко- торый я, несмотря на его сложность, взял за образец для работы толкования, я стараюсь освободиться от упрека в том, что не избавил пациентку от боли путем психического лечения. Я основывался на следующем: 1) она сама виновата в своей болезни, т. к. не хочет принять моего <решения>, 2) ее боли - органического происхождения и, следовательно, меня не каса- ются, 3) ее боли объясняются ее вдовством, в котором я, конечно, неповинен, 4) ее боли являются следствием инъекции, которую ей сделал кто-то другой грязным шприцем. Все эти основания существуют одно наряду с другим так, как будто одно не исключает другого. Чтобы избежать упреков в бес- смысленности, я должен был бы вместо <и>, стоящего в сно- видении, поставить <или-или>.

Точно такой же комической историей является происшествие в венгерском селе, в котором кузнец совершил убийство, а бургомистр приговорил к повешению не кузнеца, а портного, потому что в этом селе жили два портных, но не было двух кузнецов, а наказать кого-нибудь было необходимо. Такое пе-

В крайнем случае это понятие вводится рассказчиком как толкование. ' 3-е изд. М.: Соврем, проблемы. 191.3. С. S8.

207

редвигание с личности виновника на другую противоречит, разумеется, всем законам сознательной логики, но отнюдь не противоречит способу мышления бессознательного. Я без ко- лебаний называю эти истории комическими, и, тем не менее, привел историю с котлом как пример остроты. Я согласен с тем, что и эту последнюю историю гораздо правильнее назвать комической, чем остроумной. Но я понимаю теперь, почему мое прежде столь уверенное чувство привело меня к сомнению, является ли эта история комической или остроумной. Это именно тот случай, в котором я не могу, руководствуясь чувством, решить, когда именно возникает комизм путем об- наружения видов мышления, свойственных именно бессозна- тельному. Такая история может одновременно быть и комиче- ской и

остроумной; но она производит на меня впечатление остроты, хотя бы она была только комической, т. к. употреб- ление мыслительных ошибок бессознательного напоминает мне остроту, равно как и прежние приемы для обнаружения скрытого комизма.

Я придаю особое значение точному выяснению этого самого спорного пункта моих исследований, отношения остроумия к комизму, и хочу поэтому дополнить сказанное некоторыми негативными положениями. Прежде всего, я обращаю внимание на то, что обсуждавшийся здесь случай совпадения остроумия с комизмом не идентичен с предыдущим. Хотя это очень тонкое отличие, но о нем можно говорить с уверенностью. В предыдущем случае комизм вытекал из открытия психического автоматизма. Этот автоматизм отнюдь не свойствен одному только бессознательному и не играет также никакой выдающейся роли среди технических приемов остроумия. Разоблачение только случайно связано с остроумием, обслуживая другой технический прием остроумия, например, изображение при помощи проти- воположности. Но при употреблении видов бессознательного мышления совпадение остроумия и комизма неизбежно, по- скольку тот же прием, который применяется у первого лица в остроте для техники освобождения удовольствия, доставляет по своей природе третьему лицу комическое удовольствие.

Можно было бы впасть в искушение обобщить этот последний случай и искать отношения остроумия к комизму в том, что действие остроты на третье лицо происходит по механизму

комического удовольствия. Но об этом нет и речи, совпадение с комическим имеет место отнюдь не во всех, и даже не в большинстве острот; в большинстве случаев можно, наоборот, отделить остроумие от комизма в чистом виде. Если только остроте удается избавиться от видимости бессмыслицы, - следовательно, в большинстве острот, возникающих путем дву- смысленности и намека, у слушателя нельзя найти следов действия, подобного комическому. Это можно проверить на приведенных прежде примерах и на некоторых новых, которые я могу привести.

Поздравительная телеграмма к 70-летию со дня рождения одного игрока: (- <Трид-цать-сорок, азартная игра; франц.) (разделение слов с намеком).

Мадам de Maintenon назвали М-те de Maintenant (теперь, сейчас; франц.) (модификация имени).

Проф. Kastner говорит одному принцу, становящемуся во время демонстрации перед подзорной трубой: <Мой принц, хоть вы и светлейший (durchlauchtig), но вы не прозрачны (durcitsichtig)>.

[Аналогию этой остроты в русском языке можно было бы создать в следующем виде:

<Один из придворных сказал принцу, который имел низкий рост и пытался посмотреть в подзорную трубу: "Мой принц, хоть вы - ваше высочество, но вы недо- статочно высоки">] (-Я. К.)

Граф Andrassy был назван министром прекрасной наружности. Можно было бы далее думать, что все остроты с бессмыс- ленным фасадом кажутся комическими и должны оказывать такое действие. Однако я вспоминаю здесь о том, что такие остроты часто оказывают другое действие на слушателя, вызы- вают смущение и склонность к их неприятию (см. прим. на с. 133). Следовательно, речь идет, очевидно, о том, является ли бессмысленность остроты комической или простой неприк- рашенной бессмыслицей; условия для решения этой альтерна- тивы мы еще не исследовали. Соответственно этому мы остаемся при том заключении, что остроту по ее природе следует отличать от комического и что она только совпадает с ним, с одной стороны, в некоторых частных случаях, а, с другой стороны, в тенденции извлекать удовольствие из интеллектуальных ис- точников.

209

Но при этих исследованиях об отношении остроумия к комизму перед нами выплывает отличие, которое следует от- метить как самое важное и которое указывает нам в то же время на основной психологический характер комизма. Источ- ник удовольствия от остроты мы должны были перенести в бессознательное; мы не имеем никакого повода к такой лока- лизации источника комического удовольствия. Наоборот, все анализы, проделанные нами до сих пор, указывают на то, что источником комического удовольствия является сравнение двух затрат, из которых обе нужно отнести к предсознательному. Остроумие и комизм отличаются прежде всего психической локализацией; острота - это, так сказать, содействие, ока- зываемое комизму, из области бессознательного.

Мы не должны обвинять себя в том, что уклонились от темы, поскольку отношение остроумия к комизму является поводом, заставившим нас предпринять исследование комиче- ского. Но теперь наступило время вернуться к нашей теме, к обсуждению приемов, служащих для искусственного создания комизма. Мы предварительно исследовали карикатуру и разоб- лачение, т. к. могли найти в этих видах комизма некоторые связующие нити с анализом комизма подражания. Подражание в большинстве случаев соединено с карикатурой, преувеличением некоторых, хотя и не ярких черт, а также имеет унижающий характер. Однако сущность его этим не исчерпывается. Неос- поримо, что само по себе оно является обильным источником комического удовольствия, т. к. мы особенно смеемся удачному подражанию. Этому нелегко дать удовлетворительное объяснение, если не присоединиться к мнению Bergson'a\ согласно которому комизм подражания очень близок комизму, наступающему в результате открытия психического автоматизма. Bergson пола- гает, что комически действует все то, что заставляет думать о неодушевленных механизмах у

одушевленного объекта. Его фор- мулировка этого положения гласит: (<Механизация жизни>; франц.). Он объясняет комизм подра- жания, ставя его в связь с проблемой, которую выдвигает Pascal

Bergson, Le rire, essai siir la signification du comique, 3-nie edition, l'.'iris, 1904.

210

ОСТГОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

в своих : почему мы смеемся при виде двух похожих лиц, из которых каждое само по себе вовсе не комично. <Живое никогда не должно, согласно нашим ожиданиям, повторяться в тождественном виде. Когда мы находим такое повторение, мы предполагаем нечто механическое, скрывающееся за этим живым>. Когда человек видит два поразительно похожих друг на друга лица, то он думает о двух отпечатках одной и той же формы или об одном и том же приеме механического изготовления. Коротко говоря, причиной смеха в этих случаях является диссонанс между живым и неживым, мы могли бы сказать: деградирование живого к неживому. Если мы согласимся с этими выводами Bergson'a, которые вызывают у нас доверие, то нам нетрудно будет подвести его взгляд под нашу собст- венную формулу. Наученные опытом тому, что каждое живое существо отлично от другого и требует от нашего разума некоторой затраты, мы разочаровываемся, когда нам не нужно производить никакой новой затраты вследствие полной аналогии или вводящего в заблуждение подражания. Но мы разочарованы в смысле облегчения затраты, и ставшая излишней затрата ожидания находит свое отреагирование в смехе. Эта же формула покрывает все нашедшие у Bergson'a оценку случаи комического оцепенения (raideur), профессиональных привычек, фиксирован- ных идей и оборотов речи, употребляемых по каждому поводу. Все эти случаи исходят из сравнения затраты ожидания с той затратой, которая необходима для понимания тождественного объекта, причем большая затрата ожидания опирается на на- блюдение индивидуального разнообразия и пластичности всего живого. Следовательно, при подражании источником комиче- ского удовольствия является не комизм ситуации, а комизм подражания.

Т. к. мы вообще выводим комическое удовольствие из срав- нения, то нам надлежит исследовать и сам комизм сравнения, который точно так же служит средством искусного создания комизма. Наш интерес к этому вопросу повысится, если мы вспомним, что и в случае сравнения нас также часто охватывало <чувство> сомнения, следует ли назвать его остротой или просто комическим суждением.

211

Эта тема безусловно заслуживает гораздо большего снимания, чем мы можем ей уделить. Главное качество, которое мы требуем от сравнения, - это вопрос, является ли оно метким, т. е. обращает ли оно внимание на действительно существующую аналогию между

двумя различными объектами. Первоначальное удовольствие от вновь нахождения одного и того же (Groos, с. 162) не является единственным мотивом, благоприятствую- щим употреблению сравнения. Сюда присоединяется еще и способность сравнения к такому употреблению, которое приносит с собой облегчение интеллектуальной работы; это бывает именно тогда, когда, как это в большинстве случаев делают, сравнивают более неизвестное с более известным, абстрактное с конкретным, и, благодаря этому сравнению более чуждое и более трудное становится ясным. Такое сравнение абстрактного с веществен- ным связано с некоторым унижением и с некоторой экономией абстракционной затраты (в смысле мимики представлений). Однако эта экономия недостаточна, чтобы отчетливо выявить характер комического. Этот характер выплывает не внезапно, а постепенно из удовольствия от облегчения затраты, получив- шегося в результате сравнения. Есть многие случаи, которые только имеют сходство с комическим, в которых можно со- мневаться, присущ ли им комический характер. Несомненно комично то сравнение, при котором попытается разница в уровне абстракционной затраты между обоими элементами срав- нения, в котором нечто серьезное или чуждое нашему мыш- лению - особенно носящее интеллектуальный или моральный характер - сравнивается с чем-нибудь банальным или низмен- ным. Предыдущее удовольствие от облегчения затраты и со- действие, оказываемое условиями мимики представлений, могут объяснить постепенный, определяемый количественными соот- ношениями переход удовольствия вообще с комическое удо- вольствие при сравнении. Желая избежать недоразумений, я подчеркиваю, что вывожу комическое удовольствие при срав- нении не из контраста обоих элементов сравнения, а из разницы обеих абстракционных затрат. Трудно воспринимаемое, чуждое, абстрактное, собственно интеллектуально выдающееся разобла- чается как нечто низменное благодаря тому, что приводится в аналогию с известным нам низменным, при представлении о котором отсутствует всякая абстракционная затрата. Итак, ко- мизм сравнения сводится к деградированию.

ОСТРОУМИЕ И ВИДЫ КОМИЧЕСКОГО

Как мы уже видели раньше, сравнение может быть остро- умным без следа комической примеси именно тогда, когда избегает унижения.. Так, сравнение истины с факелом, который нельзя пронести через толпу, не опалив кому-нибудь бороды, представляет собой чистую остроту, т. к. придает полноценный смысл поблекшему выражению (<факел истины>), и вовсе не является комическим, т. к. факел как объект не лишен некоторой импозантности, хотя и является конкретным предметом. Но сравнение может очень легко быть в такой же мере остроумным, как и комичным, и может быть или только остроумным или только комичным, независимо одно от другого, причем срав- нение приходит на помощь некоторым техническим приемам остроумия, как, например, унификации и намеку. Так, сравнение Nestroy'a воспоминания с магазином является

одновременно и остроумным и комичным. Комичным - в силу огромного унижения, которому подвергается психологическое понятие в сравнении с магазином, остроумным - потому что тот, кто употребляет это сравнение - приказчик, и он создает, таким образом, в этом сравнении совершенно неожиданную унифи- кацию между психологией и своей профессией. Фраза Гейне <Пока у меня, наконец, не оборвались все пуговицы на штанах терпения> кажется на первый взгляд только отличным примером сравнения комически унижающего, но при ближайшем рас- смотрении за ним следует признать и остроумный характер, поскольку оно является намеком на скабрезность и дает, таким образом, возможность извлечь удовольствие от скабрезности. Из одного и того же материала возникает, конечно, не совсем случайное совпадение комического и в то же время остроумного удовольствия. Если условия возникновения одного способствуют возникновению другого, то на <чувство>, которое должно под- сказать нам, имеем ли мы здесь остроту или комизм, такое объединение влияет запутывающе, и только внимательное, не- зависимое от действия этого удовольствия исследование может разрешить сомнение.

Хотя исследование этих тончайших условий комического удовольствия очень заманчиво, однако автор должен сказать, что ни его предшествующее образование, ни его повседневная деятельность не дают ему права выйти в своих исследованиях за пределы области остроумия, и он должен сознаться, что

213

именно тема комического сравнения заставила его почувствовать всю некомпетентность.

Итак, мы охотно напоминаем, что многие авторы не при- знают резкой идейной и реальной разницы между остроумием и комизмом, которую склонны видеть мы, и 410 они считают остроту просто комизмом <речи> или <слов>. Для проверки этого взгляда мы хотим выбрать по одному примеру умыш- ленного и невольного комизма речи для сравнения с остротой. Мы уже раньше заметили, что считаем себя компетентными отличать остроумную фразу от комической.

<Один съел пирожок с мясом, а другой - пирожок с удо- вольствием> (Я. К.). Это просто комично; фраза же Гейне о четырех сословиях, на которые разделяется население Геттин- гена: <Профессура, студенты, филистеры и скот>, - чрезвычайно остроумна.

За образец умышленного комизма речи я беру Stettenheim'a. Stettenhcim'a называют остроумным, т. к. он в высокой мере обладает умением вызывать комизм. Острота, которую <знают>, в противоположность к той, которую <создают>, в действительности метко определяется этой способностью. Не- оспоримо, что письма бернского корреспондента Wippchen'a остроумны в том отношении, что в них разбросано много острот всякого рода, среди которых есть очень удачные (<празд- нично раздетые>, - говорит он о празднестве

дикарей); но своеобразный характер этих произведений зависит не от от- дельных острот, а от комизма речи, который обильно струится в них. Wippchen - это первоначально сатирический образ, модификация G. Freytag'OBCKoro Schmock'a, одного из тех невежд, которые торгуют и злоупотребляют культурной ценностью нации. Но удовольствие от комического эффекта, получающегося при их изложении, постепенно оттесняет у автора сатирическую тенденцию на задний план. Продукции Wippchen'a являются в большинстве случаев <комической бессмыслицей>; автор вос- пользовался - впрочем по праву - веселым расположением духа, получившимся в результате частого употребления таких продукций, чтобы наряду с допустимыми шутками привести разного рода пошлости, которые сами по себе были недопу- стимы. Бессмыслицы Wippchen'a кажутся специфическими вследствие особой техники. Если ближе рассмотреть эти <ост- роты>, то некоторые их разряды особенно бросаются в глаза

и накладывают свой отпечаток на все творчество. Wippchen пользуется преимущественно соединениями (слияниями), мо- дификациями известных оборотов речи и цитат и вставками в них банальных элементов с помощью более взыскательных и более ценных в болыпинстве случаев средств выражения. Впрочем, это приближается к техническим приемам остроумия.

Слияниями являются, например, следующие шутки (взятые из предисловия и первых страниц):

<В Турции столько золота, сколько звезд в море>. Это выражение составлено из двух оборотов речи: <Золото, как звезды> и <Золото, как песок в море>.

Или: <Я не больше чем безлиственный столп, свидетельст- вующий об исчезнувшем великолепии>, что является сгущением <безлиственной породы> и <столпа, свидетельствующего и т. д.>. Или: <Где нить Ариадны, которая вывела из Сциллы эту Авгиеву конюшню?>, что составлено из 'грех элементов, при- надлежащих трем различным греческим сагам.

Модификацию и замену одного другим можно без натяжки объединить. Их характер вытекает из нижеследующих, взятых у Wippchen'a примеров, в которых между строк всегда сквозит другой, ходячий, в большинстве случаев банальный, избитый текст:

<Битвы, в которые русские то оставались в дураках, то оставались в умниках>. Нам известен только первый оборот речи; не так уж бессмысленно было бы ввести в употребление и второй по аналогии с первым.

<Во мне уже рано пробудился Пегас>. Если заменить слово <Пегас> словом <поэт>, то перед нами автобиографический оборот речи, потерявший уже ценность вследствие

частого употребления. Хотя слово <Пегас> и не подходит для замены слова <поэт>, но оно находится с ним в связи по смыслу и является высокопарным словом.

<Так прожил я свое тернистое короткое платье>. Это - описание вместо простого слова. <Вырасти из корот- кого платья> - один из описательных оборотов речи, связанных с понятием детство.

Из множества других продукций Wippchen'a можно отметить некоторые как примеры чистого комизма, например, комиче- ского разочарования: <исход сражения колебался в течение

215

нескольких часов, наконец... оно окончилось ни в чью>, или комического разоблачения (неведения): Клио, медуза истории; цитаты: Habent sua fata morgana. (Имеют свой мираж (лат.). Изначально: Habent sua fata libelli - Книги имеют свои судьбы (лат.).) Но нас больше интересуют слияния и модификации, т. к. они воспроизводят известные технические приемы остро- умия. Можно сравнить с модификациями такие остроты, как например: он имеет великую будущность позади себя, - он набитый идеалист, - остроты Lichtcnbcrg'a, возникшие путем модификации: новые курорты хорошо лечат и т. п. Можно ли назвать продукции Wippchen'a, пользующиеся той же самой техникой, остротами или чем они отличаются от острот?

На это, конечно, нетрудно ответить. Вспомним о том, что острота имеет для слушателя два лица, вынуждает его к двум различным толкованиям. При остротах-бессмыслицах, как при только что упомянутых, одно толкование, сообразующееся только с текстом, гласит, что он является бессмыслицей. Другое тол- кование, следуя намеку, прокладывает у слушателя путь через бессознательное и находит себе отличный смысл. При продук- циях Wippchen'a, имеющих сходство с остротой, один из ликов остроты пуст, он как бы исчезает: это голова Януса, на которой высечен один только лик. Если человек, подкупленный техникой, обращается к бессознательному, он не находит там ничего. Исходя из слияния, мы не находим там такого случая, в котором оба слившихся элемента действительно получают новый смысл; при попытке анализа эти элементы совсем распадаются. Модификация и замена одного элемента другим приводят, как при остроте, к общеупотребительному и известному тексту, но сама модификация или замена не говорит ни о чем ином, а обычно и ни о чем возможном или общеупотребительном. Таким образом, для этих <острот> остается только одно тол- кование - толкование бессмыслицы. Если угодно, то можно решить еще вопрос, нужно ли называть такие продукции, лишенные одной из существеннейших характерных черт ост- роумия, <плохими> остротами или вообще не называть их остротами. Несомненно, такие бледные остроты производят ко- мический эффект, который мы можем объяснить себе по-раз- ному. Либо комизм возникает из

обнаружения видов мышления, употребительных в бессознательном как в ранее рассмотренных случаях, либо удовольствие вытекает из сравнения с удачной

остротой. Нам ничто не мешает предположить, что здесь сов- падают оба способа возникновения комического удовольствия. Нельзя отрицать, что именно это недостаточное приближение к остроте превращает в данном случае бессмыслицу D коми- ческую бессмыслицу.

Существуют другие, легко поддающиеся анализу случаи, в которых такая недостаточность в сравнении с тем, что должно было бы быть продуцировано, делает бессмыслицу непреодолимо комической. Загадка, являющаяся противоположностью остроты, может дать нам лучшие примеры этого, чем сама острота. Например, шутливый вопрос гласит: <Что висит на стене, обо что можно вытереть руки?> Если бы ответом было: полотенце, то это была бы глупая загадка. Но этот ответ отрицают. - <Нет, селедка>. - <Но, помилуйте, - возражает удивленно человек, - ведь селедка не висит на стене>. - <Но, ведь, ты можешь повесить ее на стену>. - <А кто же станет вытирать руки о селедку?> - <Тебя никто не заставляет этого делать>, - гласит успокаивающий ответ. Это объяснение, данное с помощью двух типичных пере- двиганий, показывает, как многого не хватает этому вопросу, чтобы быть настоящей загадкой, и в силу этой абсолютной недостаточности он оказывается не просто бессмысленным, глу- пым, а непреодолимо комическим. Таким образом, путем несоб- людения существенных условий острота, загадка и другие суж- дения, сами по себе не доставляющие комического удовольсгвия, могут стать источником комического удовольствия.

Еще меньше трудностей для понимания представляет случай непроизвольного комизма речи, часто встречающийся в стихо- творениях Friederike Kempner\

Против вивисекции

Bin unbekanntes Band der Seclen kettet Den Meiischen an das arme Tier. Das Tier hat einen Willen - ergo Seele - Wenn auch 'ne kleinere als wir.

(Неведомая связь душ соединяет человека с бедным живот- ным. У животного есть воля - а, следовательно, и душа - хотя бы и меньшая, чем у нас.)

Или разговор двух нежных супругов: (<Контраст>). ^ Шестое издание, Berlin, 1891.

ruft sie Icise. , sagt lauter ihr Gemahl,

(<Как я счастлива>, - тихо восклицает она. -<И я,- говорит громче ее супруг, - твой род и твой вид дают мне право весьма гордиться своим удачным выбором>).

Здесь нет ничего напоминающего остроту. Но, несомненно, комическими их делает неудовлетворительность этих <стихотво- рений>, чрезвычайная тяжеловесность их

выражения, связанная с вышедшими из повседневного употребления или литературного стиля оборотами речи, простодушная ограниченность их мыслей, отсутствие какого бы то ни было следа поэтического или разговорного образа мышления^. При всем том не так уж понятно, почему мы находим эти стихотворения Kempncr ко- мическими; многие подобные же продукции мы считаем просто плохими, они вызывают у нас не смех, а досаду. Именно величина отстояния от тех требований, которые мы предъявляем к стихотворениям, заставляет нас считать их комическими. Там, где эта разница меньше, мы больше склонны к критике, чем к смеху. Кроме того, комическое действие стихотворений Кетрпег обусловлено другими побочными обстоятельствами, очевидными добрыми намерениями, которыми руководствова- лась поэтесса, некоторой сентиментальностью, обезоруживающей наше насмешливое отношение или нашу досаду и скрытой за ее беспомощными фразами. Мы вспоминаем здесь проблему, обсуждение которой отложили. Разница в затрате является, конечно, основным условием получения комического удоволь- ствия, но наблюдение показывает, что удовольствие не всегда вытекает из такой разницы. Какие условия должны присоеди- няться или какие препятствия должны быть устранены для того, чтобы результатом такой разницы в затрате действительно

Из русских авторов все сказанное полностью может быть отнесено к небезызвестному Козьме Пруткову. Образчиком его творчества может слу- жить следующее стихотпоренне в прозе: <Что к чему прнпсшано>. <Некоторая очень красивая девушка, в королевском присутствии у кавалера де-Мондба- сона, хладнокровно спрашивала: "Государь мой, что к чему прнвешано: хвост к собаке или собака к хвосту?" - То сей проворный в отповедях кавалер, нисколько не смятенным, а напротив того, постоянным голосом ответстцо- пал: "Как, сударыня, приключится; ибо всякую собаку никому и за хвост, как за шею, приподнять невозбранно". - Которая отповедь тому королю отмен- ное удовольствие причинивши оный кавалер не без награды за нее остался>. (Я. К.)

явилось комическое удовольствие? Но прежде чем ответить на этот вопрос, мы хотим сделать вывод из предшествующих рассуждений: острота не совпадает с комическим суждением, остроумие - это нечто отличное от комизма речи.

Собираясь ответить на только что поставленный вопрос об условиях возникновения комического удовольствия из разницы в затрате, мы позволяем себе несколько облегчить нашу задачу, что не может доставить нам самим ничего, кроме удовольствия. Точный ответ на этот вопрос был бы равнозначен исчерпыва- ющему изложению природы комизма, а на это у нас нет ни права, ни способностей. Мы удовлетворимся опять-таки осве- щением проблемы комизма только постольку, поскольку она достаточно резко отличается от

проблемы остроумия.

Все критики бросали теориям остроумия упрек в том, что их определения не затрагивают сущности комизма. Комизм основан на контрасте представлений. Да, поскольку этот контраст комичен и не производит иного впечатления. Комизм вытекает из неисполнения наших ожиданий. Да, если это разочарование не мучительно. Эти возражения, без сомнения, справедливы, но их переоценивают, приходя к заключению, что существенная характерная черта комизма до настоящего времени ускользнула от понимания. Обобщению же этих определений мешают ус- ловия, которые необходимы для возникновения комического удовольствия без того, чтобы в них нужно было искать сущность комизма. Опровержение возражений и объяснение противоречий будет легко для нас лишь в том случае, если мы будем считать, что комическое удовольствие вытекает из разницы при сравнении двух затрат. Комическое удовольствие и эффект, по которому оно узнается, смех, могут возникать лишь когда эта разница неприменима для других целей и способна к отреагированию. Мы не получаем никакого эффекта удовольствия, в крайнем случае, мимолетное чувство удовольствия, которое не носит комического характера, если разница, как только она распознается, получит другое применение. Как при остроте необходимо особое предрасположение, чтобы предупредить иное применение излишней затраты, так и комическое удовольствие может возникать только при таких соотношениях, которые выполняют это условие. Поэтому случаи, в которых возникают разницы затрат в жизни наших представлений, чрезвычайно

219

многочисленны, а случаи, в которых из них вытекает комизм, сравнительно редки.

Наблюдатель, хотя бы бегло обозревающий условия возник- новения комизма из разницы в затрате, может сделать два замечания: во-первых, что есть случаи, в которых регулярно и как бы неизбежно возникает комизм, и в противоположность им есть другие, в которых комизм в большой мере зависит от условий случая и от точки зрения наблюдателя; и, во-вторых, что очень большая разница в затрате часто побеждает небла- гоприятные условия, так что комическое чувство возникает вопреки им. В связи с первым замечанием можно различать два класса: класс неопровержимо комического и класс случайно комического, хотя уже с самого начала нужно предположить, что неопровержимость комизма, относящаяся к первому классу, не свободна от исключений. Было бы заманчиво заняться исследованием решающих для обоих классов условий.

Существенными для второго класса являются условия, часть которых может быть объединена под названием <изолирования> комического случая. Ближайший анализ выясняет следующие соотношения:

а) Благоприятным условием для возникновения комического удовольствия является

вообще веселое настроение духа, в ко- тором человек <расположен смеяться>. При веселом настроении, вызванном токсически, почти все кажется комическим благодаря сравнению с затратой в нормальном состоянии. Остроумие, комизм и все подобные методы извлечения удовольствия из душевной деятельности являются ничем иным, как путями, идя по которым, можно от одного-единственного пункта прийти в веселое настроение - эйфорию, если она не существует как общая установка психики.

Ь) Точно так же благоприятно влияет ожидание комизма, установка на комическое удовольствие. Поэтому, если человек рассказывает что-нибудь, думая вызвать комический эффект, то для этого достаточна бывает такая незначительная разница в затрате, которая осталась бы, вероятно, незамеченной, если бы человек не преследовал комической цели. Если человек читает комическое произведение или идет в театр смотреть комедию, то благодаря этой предвзятости он смеется над такими вещами, которые вряд ли оказались бы комическими для него в обыденной жизни. Он смеется, в конце концов, при воспо-

минании о том, что он смеялся, при ожидании смеха; он смеется, едва только он завидит комического артиста, еще прежде чем тот мог сделать даже попытку вызвать у него смех. Поэтому человек признает даже, что он впоследствии стыдится того, над чем он мог смеяться в театре.

с) Неблагоприятные для комизма условия могут явиться результатом того вида душевной деятельности, который занимает в данный момент индивидуума. Работа воображения или мыш- ления, преследующая серьезные цели, мешает отреагированию энергии, в которой она безусловно нуждается для своего вы- полнения, так что только неожиданные большие разницы в затрате могут пробиться и доставить комическое удовольствие. Особенно неблагоприятны для комизма все виды мыслительной деятельности, которые настолько далеки от наглядности, что не вызывают мимики представлений. При абстрактном размыш- лении для комизма вообще больше нет места, разве только если этот образ мышления будет внезапно нарушен.

d) Удобный случай для освобождения комического удоволь- ствия исчезает и когда внимание направлено именно на то сравнение, из которого может вытекать комизм. При таких условиях то, что прежде безусловно оказывало комическое дей- ствие, теряет свою комическую силу. Движение или душевное проявление не может быть комичным для того, чье внимание направлено на сравнение этого движения или душевного про- явления с образцом, который он себе ясно представляет. Так, экзаменатор не находит комичным бессмыслицу, продуцируемую испытуемым в его неведении, она раздражает его в то время, как коллеги испытуемого, гораздо больше интересующиеся тем, какая участь постигнет его,

чем тем, насколько удовлетвори- тельны его знания, смеются от всего сердца над этой бессмыс- лицей. Учителю гимнастики или танцев только редко кажутся комическими движения его учеников, а от проповедника ус- кользает комизм отрицательных черт характера, которые так старательно отыскивает автор комедии. Комический процесс не выносит чрезмерной фиксации внимания на себе, он должен протекать совсем незаметно, будучи, впрочем, подобен в этом отношении остроте. Но если бы его назвали обязательно бес- сознательным, то это противоречило бы номенклатуре <процессов сознания>, которой я, имея на то основания, пользовался в <Толковании сновидений>. Он относится скорее к предсозна-

221

тельному, и такие процессы, разыгрывающиеся в предсозна- тельном и ускользающие от внимания, с которым связано сознание, можно назвать подходящим термином <автоматиче- ские>. Процесс сравнения затрат, если он доставляет комическое удовольствие, должен оставаться автоматическим.

e) Если случай, из которого должен возникнуть комизм, является в то же время поводом к освобождению сильного аффекта, то это является большим препятствием для комизма. Отреагирование разницы в этом случае, как правило, невоз- можно. Аффекты, предрасположение и установка индивидуума позволяют в каждом отдельном случае понять, что комизм выплывает или исчезает только в связи с точкой зрения отдельного человека, что абсолютно комическое существует толь- ко в исключительных случаях. Поэтому зависимость или от- носительность комического гораздо больше, чем относительность остроты, т. к. острота никогда не вытекает, а всегда создается, а при ее создании уже приняты во внимание условия, среди которых она имеет место. Развитие же аффекта - самое сильное из условий, являющихся препятствием для комизма, и его значения нельзя отрицать, с какой бы стороны мы не подошли к этому вопросу^. Поэтому говорят, что комическое чувство возникает легче всего в полуиндифферентных случаях, в которых не участвуют сильное чувство или заинтересованность. Тем не менее можно видеть, что именно в случаях, связанных с освобождением аффекта, очень большая разница в затрате со- здает автоматизм отреагирования. Когда военачальник Бутлер отвечает, <горько смеясь>, на напоминания Октавия возгласом: (Признательность - и от австрийца! нем. (Пер. К. Павловой.)), то его раздражение не мешает смеху, относящемуся к воспоминанию об испытанном им разочаро- вании, а, с другой стороны, поэт не может более убедительно изобразить силу этого разочарования, чем указывая на ее способность вызывать насильственный смех посреди бушующих аффектов. Я полагаю, что это объяснение может быть приложено ко всем случаям, в которых смех имеет место и по поводу полных удовольствия моментов и наряду с интенсивными, мучительными или напряженными аффектами. f) Если мы еще прибавим, что

комическому удовольствию

<Тебе легко смеяться; тебя это мало трогает>. 222

может способствовать всякая иная случайность, как, например, влияние контакта (по принципу предварительного удовольствия при тенденциозной остроте), то этим мы исчерпали, хотя и не полностью, но для нашей цели в достаточной мере, условия комического удовольствия. Мы видим, что эти условия, равно как непостоянство и зависимость комического эффекта, не могут быть удовлетворительно объяснены, если не предположить, что комическое удовольствие является производным отреагирования разницы, которая при самых разнообразных соотношениях мо- жет быть употреблена для других целей, а не для отреагирования.

Более подробного рассмотрения заслуживает и комизм сек- суальности и скабрезности, которого мы коснемся только в немногих словах. Исходным пунктом и здесь является обна- жение. Случайное обнажение действует на нас комически, т. к. мы сравниваем легкость, с которой наслаждаемся этим зрели- щем, с той большой затратой, которая была бы необходима в ином случае для достижения этой цели. Этот случай прибли- жается к случаю наивно-комического, но он проще. Всякое обнажение, очевидцами - или слушателями в случае сально- сти, - которого мы становимся благодаря третьему лицу, рав- нозначно искусственному комизму обнаженного лица. Мы слы- шали, что задача остроты заключается в том, чтобы заменить собой сальность и вновь открыть таким образом ставший недопустимым источник комического удовольствия. Наоборот, подсматривание (подслушивание) обнажения не является коми- ческим для подсматривающего (подслушивающего), т. к. его собственное напряжение упраздняет при этом условие комиче- ского удовольствия; в данном случае останется только сексу- альное удовольствие от увиденного. Когда подсматривающий рассказывает об этом другому человеку, то лицо, за которым подсматривали (подслушивали), вновь становится комичным, т. к. при этом получает преобладание точка зрения, согласно которой это лицо не производило затраты, уместной для со- крытия обнаженного. Впрочем, область сексуальности и скаб- резности дает чрезвычайно много удобных случаев для получе- ния комического удовольствия наряду с исполненным удоволь- ствия сексуальным возбуждением, поскольку может быть

223

показана зависимость человека от его телесных потребностей (унижение), или поскольку за претензией на духовную любовь можеть быть открыто физическое влечение (разоблачение).

Прекрасная и жизненная книга Bergson'a (Le rire, смех; франц.) побуждает нас неожиданным образом искать понимание комизма в его психогенезе. Bergson, формулы

которого, пред- ложенные им для объяснения характерных черт комизма, уже нам известны - ("механизация жизни"; франц.), (замена чего-то искусственного на естественное; франц.) - путем легко вызываемых ассоциаций переходит от автоматизма к автоматам и пытается свести целый ряд комических эффектов к поблек- шему воспоминанию о детской игрушке. Идя в этом направ- лении, он в одном месте становится на точку зрения, которую, впрочем, скоро оставляет. Он пытается вывести комизм из последствия детских радостей. (С. 68 и след^). Т. к. мы проследили в обратном направлении развитие остроты вплоть до запрещенной разумной критикой детской игры словами и мыслями, то для нас должно быть особенно интересно проверить и эти предполагаемые Bergson'oM инфан- тильные корни комизма.

Мы действительно наталкиваемся на целый ряд соотношений, кажущихся многообещающими при исследовании отношения комизма к ребенку. Ребенок сам отнюдь не кажется нам ко- мичным, хотя его существо выполняет все условия, которые при сравнении с нашим существом дают в результате коми- ческую разницу: чрезмерную двигательную затрату наряду с

Может быть, нам следует пойти еще дальше в этом упрощении, вернуться к самым ранним нашим воспоминаниям и искать в детских играх, забавля- ющих ребенка, первые зачатки тех построений, которые заставляют смеяться взрослого человека... Очень часто мы не улавливаем тех следов инфантиль- ности, которые еще сохранились в большинстве наших радостных пережи- ваний.

незначительной умственной затратой, господство телесных функ- ций над душевными и другие черты. Ребенок производит на нас комическое впечатление только тогда, когда ведет себя не как ребенок, а как серьезный взрослый человек, и он производит это впечатление точно таким же образом, как другие люди, которые носят чужую маску. Но до тех пор, пока он сохраняет свою детскую сущность, восприятие его доставляет нам чистое, быть может, напоминающее комизм удовольствие. Мы называем его наивным, поскольку у него отсутствуют задержки, и наив- но-комическими его проявления, которые у другого человека мы называли, бы скабрезными или остроумными.

С другой стороны, у ребенка нет чувства комизма. Это положение говорит только о том, что комическое чувство воз- никает в ходе душевного развития, как и другое какое-либо чувство, и не было бы ничего удивительного - тем более, что это должно быть признано, - если бы оно уже отчетливо воспринималось в возрасте, который мы должны назвать детс- ким. Но тем не менее можно показать, что в утверждении, согласно которому у ребенка отсутствует чувство комизма, со- держится нечто большее, чем аксиома. Прежде всего ясно,

что это не может быть иначе, если верно наше объяснение, не считающее комическое чувство производным разницы в затрате, являющейся результатом понимания другого человека. Возьмем в качестве примера опять-таки комизм движения. Сравнение, в результате которого получается разница, будучи уложено в формулу, гласит: Так делает это тот, и: так я делаю это, так я сделал это. Но у ребенка нет этого содержащегося во втором предложении масштаба, его понимание идет путем одного только подражания, он делает это точно таким же образом. Воспитание ребенка награждает его штандартом: ты должен делать это таким-то образом. Если ребенок пользуется этим мерилом при сравнении, то он легко может сделать вывод: он сделал это неправильно,. и: я могу сделать это лучше. В этом случае ребенок высмеивает другого человека, он смеется над ним, чувствуя свое превосходство. Я не вижу препятствий считать и этот смех производным разницы в затрате, но по аналогии с имеющими место у нас случаями высмеивания мы можем сделать вывод, что в смехе ребенка, сопровождающемся чувством превосходства, нет комического чувства. Это - смех от чистого

8 Зак. № 64

удопольствия. Когда мы ясно чувствуем спое превосходство, мы только улыбаемся вместо того, чтобы смеяться, или если мы смеемся, то мы тем не менее можем ясно отличить это сознание своего превосходства от комизма.

Мы, вероятно, не ошибемся, если скажем, что ребенок смеется от чистого удовольствия при обстоятельствах, которые мы вос- принимаем как <комические> и не знаем их мотивировки в то время, как мотивы ребенка ясны и могут быть указаны. Когда кто-нибудь поскользнется, например, на улице и упадет, то мы смеемся, потому что это производит - неизвестно почему - комическое впечатление. Ребенок смеется в этом случае от чувства превосходства, от радости, что другой потерпел неудачу: ты упал, -а я - нет. Некоторые мотивы удовольствия ребенка оказываются утерянными для нас, взрослых; поэтому мы при подобных же условиях ощущаем <комическое> чувство взамен утерянного.

Было бы заманчиво обобщить искомый специфический ха- рактер комизма, видя в нем пробуждение инфантильности, понимая комизм как вновь приобретенный <утерянный детский смех>. Тогда можно было бы сказать, что я всякий раз смеюсь по поводу разницы в затрате у другого человека и у меня, когда вновь нахожу в другом человеке ребенка. Или, точнее говоря, полное сравнение, приводящее к комизму, должно было бы гласить:

<Так делает это он - я делаю это иначе. - Он делает это так, как делал это я, будучи ребенком>.

Итак, этот смех являлся бы каждый раз результатом срав- нения между мною взрослым и мною ребенком. Даже нерав- номерность комической разницы, благодаря

которой мне кажется комической то большая, то меньшая затрата, согласуется с инфантильным условием; комизм при этом фактически отно- сится к инфантильности.

Это не стоит в противоречии с тем, что ребенок сам, как объект сравнения, не производит на меня комического впечат- ления, а только приятное; не противоречит этому и то, что сравнение с инфантильным действует комически только в том случае, если разница в затрате не получила другого применения, т. к. при этом принимаются во внимание условия отреагиро- вания. Все, что включает психический процесс в какую-либо

связь, противодействует отреагированию излишней энергии и дает ей другое применение; все, что изолирует психический акт, способствует отреагированию. Поэтому сознательная уста- новка на ребенка как на объект сравнения делает невозможным отреагирование, необходимое для комического удовольствия; только в предсознательной инстанции (Besetzung) получается такое приближение к изолированию в том виде, в каком мы можем, впрочем, приписать его и душевным процессам ребенка. Добавление к сравнению: <Так делал это я, будучи ребенком>, от которого исходит комическое действие, принималось бы, следовательно, во внимание для разниц средней величины лишь в том случае, когда никакая другая связь не могла бы овладеть избытком освобожденной энергии.

Если мы еще продолжим попытку найти сущность комизма в предсознательном распознавании инфантильности, то должны будем сделать шаг вперед в сравнении с Bergson'ом и признать, что сравнение, из которого вытекает комизм, должно пробудить не только прежнее детское удовольствие и детскую игру, но что ему достаточно затронуть детскую сущность вообще, быть может, даже детское страдание. Мы расходимся в этом с Bergson'ом, но остаемся в согласии с собой, приводя комическое удовольствие в связь не со вспоминаемым удовольствием, а только со срав- нением. Возможно, что случаи первого рода до некоторой степени покрывают закономерный и непреодолимый комизм. Присоеди- ним сюда вышеприведенную схему случаев, в которых возможен комизм. Мы сказали, что комическая разница получается или а) благодаря сравнению между другим человеком и мною, или Ь) благодаря сравнению, производимому исключительно в преде- лах другой личности, или с) благодаря сравнению, производимому исключительно в пределах моего <Я>.

В первом случае другой человек кажется мне ребенком, в другом - он сам опускается до ступени ребенка, в третьем - я нахожу ребенка в себе самом. К первому случаю относится комизм движения и форм, душевных проявлений и характера; в инфантильном этому соответствует любовь к движениям, умственная и нравственная недоразвитость ребенка, так что глупый кажется мне комичным, напоминая ленивого ребенка, злой - скверного. О

детском удовольствии, утерянном для

я* 227

взрослого человека, можно говорить только в том случае, когда речь идет о свойственной ребенку любви к движениям.

Второй случай, при котором комизм покоится целиком на <вчувствовании>, охватывает многочисленные случаи: комизм ситуации, преувеличения (карикатура), подражания, унижения и разоблачения. В этом случае уместна, по большей части, инфантильная оценка, т. к. комизм ситуации основан преиму- щественно на затруднениях, в которых мы вновь находим беспомощность ребенка; самое худшее из этих затруднений, нарушение других функций повелительными требованиями, предъявляемыми естественными потребностями, соответствует тому, что ребенок недостаточно еще владеет своими телесными функциями. Если комизм ситуации оказывает свое действие благодаря повторениям, то он опирается на свойственное ребенку удовольствие от длительного повторения, которым ребенок так надоедает взрослому (одни и те же вопросы, рассказы). Пре- увеличение, доставляющее удовольствие еще и взрослому, по- скольку оно может быть оправдано его критикой, связано с характерным для ребенка отсутствием чувства меры, с его незнанием всех количественных соотношений, которые он впос- ледствии изучает как качественные. Сохранение чувства меры, умеренность являются плодом позднейшего воспитания и при- обретаются путем взаимного торможения душевных деятельно- стей, воспринимаемых в определенной связи. Если эта связь ослаблена, как в бессознательном сновидении, при моноидеизме психоневрозов, то вновь выступает отсутствие чувства меры, свойственное ребенку.

Комизм подражания представил сравнительно большие труд- ности для нашего понимания до тех пор, пока мы не учитывали при этом инфантильного момента. Но подражание является самым излюбленным приемом ребенка и двигательным мотивом большинства его игр. Честолюбие ребенка гораздо меньше на- правлено на выделение среди равных себе, чем на подражание взрослым. От отношения ребенка ко взрослому зависит и комизм унижения, которому соответствует тот случай, когда взрослый снисходит к детской жизни. Вряд ли что-нибудь может доставить ребенку большее удовольствие, чем то, когда взрослый снисходит к нему, когда взрослый отказывается от подавляющего превос- ходства и играет с ним как с равным себе. Уменьшение затраты,

228

 доставляющее ребенку чистое удовольствие, превращается у взрослого в средство искусственного вызывания комизма и в источник комического удовольствия. О разоблачении мы знаем, что оно является производным унижения.

На наибольшие трудности наталкивается инфантильное ус- ловие третьего случая, - комизма ожидания. Этим объясняется то, что авторы, поставившие в своем изложении комизма этот случай на первый план, не сочли нужным принять во внимание инфантильный момент комизма. Комизм ожидания чужд ре- бенку, способность понять его наступает очень поздно. Ребенок в большинстве случаев, которые кажутся взрослому комически- ми, чувствует, вероятно, только разочарование. Но можно было бы связать с блаженством ожидания и легковерием ребенка понимание того, что человек кажется комичным <как ребенок>, когда он испытывает комическое разочарование.

Если бы результатом только что приведенного изложения явилась некоторая вероятность расшифрования комического чув- ства и если бы это расшифрование гласило: комично все то, что не подходит взрослому, то тем не менее я в силу всего моего отношения к проблеме комизма не нашел бы в себе достаточно смелости, чтобы так же серьезно защищать это положение, как все приведенные до сих пор. Я не могу решить, является ли снисхождение к ребенку только частным случаем комического унижения, или всякий комизм покоится в своей основе на нисхождении к ребенку^.

Исследование комизма, хотя бы и беглое, было бы крайне неполно, если бы оно не уделило по крайней мере нескольких замечаний юмору. Родственность между комизмом и юмором так мало подлежит сомнению, что попытка объяснения комизма должна дать по меньшей мере один компонент для понимания юмора. Для оценки юмора было приведено очень много верного и выдающегося. Как одно из высших психических проявлений, он пользуется особым вниманием мыслителей, тем не менее

Если бы комизм не имел ничего общего с инфантильностью кроме того, что комическое удовольствие имеет споим источником <количественный контраст>, сравнение большего с малым, которое выражает, в конце концов, и сущность отношения взрослого к ребенку, то это было бы на самом деле редким совпадением.

229

мы не можем не сделать попытки выразить его сущность, приблизив ее к формулам для остроты и для комизма.

Мы слышали, что освобождение мучительных аффектов яв- ляется сильнейшим препятствием для комического впечатления. Т. к. бесцельное действие наносит ущерб, глупость приводит к несчастью, разочарование причиняет боль, то благодаря этому исключается возможность комического эффекта, по крайней мере для того, кто не может отделаться от такого неудовольствия, кто сам испытывает его, кого оно затрагивает, в то время как человек непричастный свидетельствует своим поведением о том, что в ситуации настоящего случая имеется все необходимое для комического эффекта. Юмор является средством получения удовольствия несмотря на препятствующие ему мучительные аффекты.

Он подавляет это развитие аффекта, занимает его место. Условие для его возникновения дано тогда, когда имеется ситуация, в которой мы сообразно с нашими привычками должны были бы пережить мучительный аффект, и когда мы поддаемся влиянию мотивов, говорящих за подавление этого аффекта in statu nascendi. Следовательно, в вышеприведенных случаях человек, которому причинен ущерб, который испытывает боль, может получить юмористическое удовольствие в то время, как человек непричастный смеется от комического удовольствия. Удовольствие от юмора возникает в этих случаях - мы не можем сказать иначе - ценой этого неосуществившегося развития аффекта; оно вытекает из эконолчш аффективнои затраты.

Юмор является самым умеренным из всех видов комизма; его процесс осуществляется уже при наличии одного только человека; участие другого не прибавляет к нему ничего нового. Я могу сам наслаждаться возникшим во мне юмористическим удовольствием, не испытывая потребности рассказать о нем другому человеку. Сложно сказать, что происходит в этом одном человеке при возникновении юмористического удовольствия; но можно создать себе определенное мнение об этом, если исс- ледовать те случаи сообщенного или прочувствованного юмора, в которых я благодаря пониманию юмористического человека получаю такое же удовольствие, что и он. Самый грубый случай юмора, так называемый <юмор висельников> (Galgcnhumor) пояснит нам это. Преступник, которого ведут в понедельник на казнь, говорит: <Ну, эта неделя начинается хорошо>. Это

собственно острота, т. к. замечание само по себе метко, но, с другой стороны, оно до бессмысленного неуместно, т. к. даль- нейших событий для него в эту неделю не будет. Но нужно обладать юмором для того, чтобы создать такую остроту и пренебречь всем тем, что отличает начало этой недели от другой, чтобы отрицать то отличие, из которого могут вытекать мотивы к совершенно особым переживаниям. Точно так же обстоит дело и тогда, когда он по дороге на казнь выпрашивает кашне для своей обнаженной шеи, чтобы не простудиться; такая предосторожность была бы похвальна в ином случае, но теперь, когда судьба этой шеи будет решена через несколько минут, осторожность эта кажется излишней и чрезмерно беспечной. Нужно сознаться, что есть нечто похожее на душевное величие в этом <бахвальстве>, в этом сохранении своей привычной сущ- ности, в этом нежелании видеть то, что должно уничтожит}, это существо и привести его в отчаяние. Такого рода величие юмора выступает, несомненно, в тех случаях, когда наше восхищение не встречает задержек в положении юмористического лица.

В <Эрнани> В. Гюго, бандит, принявший участие в заговоре против своего короля, Карла 1 Испанского (Карла V, герман- ского императора), попал в руки своего

могущественного врага; он, изобличенный заговорщик, предвидит свою судьбу; его голова будет отсечена. Но в предвидении этого он раскрывает свое звание потомственного гранда и заявляет, что не собирается отказаться от преимуществ, которыми пользуются гранды. Испанский гранд имеет право одеть головной убор в присутствии своего короля. Итак:

Nos tetes ont ie droit De tomber couvertes devaiit de toi. (Наши головы имеют право Пасть покрытыми перед тобой.)

Это - великолепный пример юмора, и если мы, как слу- шатели, не смеемся при этом, то это происходит лишь потому, что наше изумление покрывает собой юмористическое удоволь- ствие. В случае с преступником, который боится простудиться на пути к виселице, мы смеемся во все горло. Ситуация, приводящая преступника в отчаяние, может вызвать у нас только сострадание, но это сострадание встречает в нас задержку,

231

т. к. мы понимаем, что он, тот, кого это близко касается, нисколько не представляет себе всей серьезности момента. Вслед- ствие этого понимания затрата энергии на сострадание, к которой мы были уже подготовлены, становится уже неприме- нимой для этой цели, и мы отреагируем ее в смехе. Беспечность преступника, стоившая ему, как мы замечаем, большой затраты психической энергии, как будто заражают нас.

Экономия сострадания является одним из самых частых источников юмористического удовольствия. Юмор Марка Твена пользуется обычно этим механизмом. Когда Твен рассказывает нам случай из жизни своего брата, как тот, будучи служащим в большом предприятии по постройке железных дорог, взлетел на воздух вследствие преждевременного взрыва мины и упал опять на землю далеко от места своей работы, то в нас неизбежно пробуждается чувство сострадания к несчастному; мы хотели бы спросить, не получил ли он ранений во время несчастного случая, но продолжение рассказа гласит, что у брата был удержан полудневный заработок <за то, что он отлучился со службы>, и это отвлекает нас целиком от состра- дания, делает нас почти такими же безжалостными, как и его предприниматель, и вызывает у нас почти такое же безразличное отношение к возможному повреждению здоровья у брата. В другой раз Марк Твен излагает нам свою родословную, которую ведет от одного из спутников Колумба. Но после того, как он изобразил нам характер этого предка, весь багаж которого состоял из нескольких кусков белья, причем каждый кусок имел другую метку, то мы можем смеяться не иначе как за счет экономии благоговения, в которое мы готовы были пере- нестись в начале этой родословной. При этом для механизма юмористического удовольствия не является препятствием знание того, что эта родословная вымышлена и что этот вымысел служит целям сатирической тенденции, чтобы таким образом подчеркнуть излишнюю красочность, которая имеется в подоб- ных сообщениях других людей. Другой рассказ Марка Твена заключается в том, что его брат

построил себе подземную квартиру, в которую он принес кровать, стол и лампу; крышей ей служил большой, продырявленный в середине кусок пару- сины, но ночью, после того, как квартира была устроена, корова, которую гнали домой, упала через отверстие на крыше на пол

и потушила лампу; брат терпеливо помог вытащить наверх животное и привел все опять в порядок; он поступил точно таким же образом, когда в следующую ночь повторилось то же самое, и так далее каждую ночь. Такая история производит комическое впечатление вследствие многократного повторения. Но Марк Твен заканчивает ее рассказом, что в четвертую ночь, когда вниз опять упала корова, брат заметил: <Дело начинает принимать однообразный характер>, и тогда мы не можем не испытать юмористического удовольствия, т. к. мы уже давно ожидали услышать, как же, в конце концов, брат выразит свою досаду по поводу этого упорного несчастья. Тот небольшой юмор, который мы сами осуществляем в нашей жизни, мы, как правило, продуцируем за счет досады, взамен огорчения.

ПРИМЕЧАНИЕ. Великолепный юмористический эффект, который произво- дит фигура толстого рыцаря сэра Джона Фальстафа, основан на экономии презрения и негодования. Хотя мы считаем его недостойным кутилой и мошенником, но при осуждении его нас обезоруживает целый ряд моментов, Мы понимаем, что он сам о себе такого же мнения, как и мы о нем: он импонирует нам своим остроумием, и, кроме того. его телеснос уродство оказывает в высшей степени благоприятное влияние на комическое понимание его личности вместо серьезного, как будто наши требования относительно морали и чести должны отскакивать от такого толстого живота. Его поведение в общем безобидно и может быть почти оправдано благодаря комической подлости тех, кого он обманывает. Мы согласны с тем, что этот бедняк имеет право стремиться к жизненным благам и к наслаждению, как и всякий другой, и почти сочувствуем ему, т. к. в главных ситуациях видим, что он является игрушкой в руках гораздо более сильного человека. Поэтому мы не можем возненавидеть его и превращаем все, что экономим за счет негодования, в комическое удовольствие, прибавляя его к тому удовольствию, которое он доставлял прежде. Собственный юмор Джона Фальстафа вытекает из чувства превосходства его <Я>, которого ни его физические, ни моральные недостатки не могут лишить веселости и уверенности.

Доблестный рыцарь Дон-Кнхот Ламаичский является, наоборот, фигурой. которая сама по себе не обладает юмором. Он доставляет нам в своей серьезности удовольствие, которое можно было бы назвать юмористическим, хотя в механизме этого удовольствия имеется глубокое уклонение от юмора. Дон-Кихот - это первоначально чисто комическая

фшура, большой ребенок, которому вскружили голову фантазии из его рыцарских книг. Известно, что автор вначале не хотел сказать ничего другого, кроме этого, и что произведение это постепенно разрослось далеко за пределы первоначальных целей автора. Но после того как автор наградил эту смешную персону глубочайшей мудростью и благороднейшими намерениями и сделал ее символическим воплощением идеализма, верящим в осуществимость своих целей, серьезно выполняющим свои обязанности и буквально сдерживающим свои обещания,

233

то эта персона перестает производить на нас комическое впечатление, 1'очпо так же, как в другом случае юмористическое удопольстипе возникает из торможения аффективного возбуждения, ток в этом случае оно иозннкаст на торможении комического удовольствия. Однако мы благодаря этим примерам ушли далеко в сторону от простых примеров юмора.

Виды юмора чрезвычайно разнообразны, смотря по природе аффективного возбуждения, за счет экономии которого создается юмор: сострадание, досада, боль, умиление и т. д. Этот ряд бесконечен, т. к. область юмора становится все шире и шире, когда художнику или писателю удается юмористически победить непобежденные до сих пор аффективные возбуждения, сделать их источником юмористического удовольствия с помощью тех же приемов, что и в предыдущих примерах. Художники Simplizissimus'a поражают нас тем, что добывают юмор за счет- ужасного и отвратительного. Впрочем, формы проявления юмора определяются двумя особенностями, связанными с условиями его возникновения. Во-первых, юмор может сливаться с остротой или другим видом комизма, причем на его долю выпадает задача устранить заложенную в ситуации возможность развития аффекта, который явился бы препятствием для ощущения удо- вольствия. Во-вторых, он может совсем или только частично упразднить это развитие аффекта, что имеет место даже чаще,

г. к. это легче сделать; результатом этого являются различные формы <мрачного> (^) юмора, смеющегося сквозь слезы. Он отнимает у аффекта часть его энергии и придает ему за это юмористический оттенок.

Юмористическое удовольствие, доставляемое вчувствованием, возникает, как можно заметить из предыдущих примеров, путем особой техники, которую можно сравнить с передвиганием. Благодаря этой технике уже заготовленный аффект не встречает нужного объекта, и энергия направляется на нечто другое, нередко второстепенное. Но для понимания того процесса, бла- годаря которому осуществляется это передвигание с развития аффекта, это ничего не дает. Мы видим, что воспринимающий

Термин, употребляемый в эстетике Fr. Th. Vischer'OM совсем в другом смысле.

234

подражает создателю юмора в его душевных процессах, но не узнаем при этом ничего о тех силах, которые осуществляют этот процесс у создателя юмора.

Можно только сказать, что если кому-нибудь удается пре- небречь, например, болезненным аффектом благодаря тому, что он противопоставляет величину мировых интересов своему соб- ственному ничтожеству, то мы не видим в этом никакого проявления юмора, а проявление философского мышления, и не получаем никакого удовольствия, отождествляя себя с этим человеком. Юмор, следовательно, также невозможен при фик- сации сознательного внимания, как и комическое сравнение. Он, как и комическое сравнение, связан условием: оставаться предсознательным или автоматическим.

К некоторой разгадке юмористического передвигания можно подойти, если рассматривать его в свете защитного процесса. Защитные процессы являются психическими коррелативами рефлекса бегства и преследуют цель: предупредить возникно- вение неудовольствия из внутренних источников; при выпол- нении этой задачи они служат для душевной жизни автома- тическим регулятором, который, в конце концов, оказывается для нас чем-то ущербным и должен поэтому подвергнуться подавлению со стороны сознательного мышления. Я доказал, что определенный вид этой защиты, неудавшееся вытеснение, является действующим механизмом при возникновении пси- хоневрозов. Юмор может быть понят как высшая из этих защитных функций. Он не скрывает содержания представле- ний, связанных с мучительным аффектом, от сознательного внимания, как это делает вытеснение; он преодолевает за- щитный автоматизм. Юмор осуществляет это, найдя средства лишить подготовленное уже освобождение неудовольствия при- сущей ему энергии и превратить ее путем отреагирования в удовольствие. Можно даже предположить, что опять-таки связь с инфантильностью представляет в его распоряжение средства для этой функции. В самой детской жизни бывают сильные мучительные аффекты, по поводу которых взрослый теперь улыбается, как он смеется, будучи юмористом, над своими теперешними, мучительными аффектами. Возвеличивание сво- его <Я>, о котором свидетельствует юмористическое передви- гание (перевод его на язык сознания должен был бы гласить:

я слишком велик(олепен), чтобы эти причины заставили меня страдать), - взрослый может, конечно, найти и сравнении своего теперешнего <Я> с детским. Это толкование подтверж- дается до некоторой степени той ролью, которая принадлежит инфантильности при невротических процессах вытеснения.

В общем юмор стоит ближе к комизму, чем к остроумию. Он имеет общую с комизмом психическую локализацию в предсознательном, в то время как острота, согласно

нашему предположению, является компромиссом между бессознатель- ными и предсознательными процессами. Поэтому ему не при- суща та своеобразная характерная черта, которая свойственна как остроте, так и комизму, и которую мы, быть может, еще недостаточно ясно отметили. Мы имеем в виду условие для возникновения комизма, согласно которому мы одновременно или в быстрой последовательности применяем для одной и той же работы представления два различных способа, между которыми потом происходит <сравнение>, в результате чего получается комическая разница. Такие разницы в затрате воз- никают между чуждым и родственным, привычным и видоиз- мененным, ожидаемым и случившимся'.

При остроте разница между двумя одновременно имеющими место способами понимания, работающими с различной затра- той, имеет значение для процесса у слушателя остроты. Одно из этих двух пониманий, следуя содержащимся в остроте намекам, прокладывает путь мысли через бессознательное, другое остается на поверхности и представляет себе остроту, как всякий иной осознанный из предсознательного текст. Быть может, было бы правильно считать удовольствие от выслушанной остроты производным разницы обоих способов представлений^

^ Если не побояться несколько расширить понятие ожидания, то согласно Lipps'y, можно причислить очень большую область комизма к комизму ожи- дания, но, вероятно, самые нерсоначальные формы комизма, являющиеся результатом сравнения чужой затраты с собственной, меньше всего могут быть отнесены к этому виду комизма.

На этой формуле можно остановиться, т. к. в ней нет ничего, что стояло бы в противоречии с прежними рассуждениями. Разница между двумя за- тратами должна в сущности сводиться к экономии затраты на упразднение задержки. Отсутствие этой затраты на упразднение задержки при комизме и отсутствие количественного контраста при остроте, при неси аналогии в характере двоякой работы представления для одного и того же понимания. обусловливают отличие комического чувства от впечатления, производимого остротой.

Мы утверждаем здесь об остроте то же самое, что уже было описано нами еще в то время, когда отношение между остротой и комизмом казалось нам неисчерпанным, причем мы уподо- били остроту двуликому Янусу.

ПРИМЕЧАНИЕ. Свойство , разумеется, не ускользнуло от авторов. Melinaucl, у которого я позаимствовал это выражение, даст услопис для смеха в следующей формуле (Pourquoi rit-on? Revile ties tieux inondes. Fevrier, 1895): Ce qiii fait rire, c'est ce qui est a la fois. (l'un cote, absurde et de l'autre, familier (Заставляет смеяться то, что является, с одной стороны

абсурдным, а с другой стороны, фамильярным).

Эта формула подходит скорее к остроте, чем к комизму, но не покрывает и ее в целом. Bergson определяет комическую ситуацию при помощи . (Какое-нибудь положение вещей всегда будет комическим, если оно в одно и то же время относится к двум сериям событий, совсем независимых одно от другого, и когда это положение может быть истолковано сразу в двух совершенно про- тивоположных смыслах).

Для Lipps'a комизмом является <величие и ничтожество одного и того же> ().

При юморе бледнеет эта, выдвинутая здесь на первый план, характерная черта. Правда, мы испытываем юмористическое удовольствие, когда избегнуто аффективное возбуждение, которое было бы уместно в данной ситуации, и в этом отношении юмор тоже подпадает под расширенное понятие комизма ожи- дания; но при юморе больше нет речи о двух различных способах представления одного и того же содержания. Преоб- ладание в ситуации характера неудовольствия, вытекающего из аффективного возбуждения, которого нужно избежать, кладет конец сравнению с характерной чертой комизма и остроумия. Юмористическое передвигание является собственно случаем того иного употребления освобождения затраты, которое столь опасно для комического впечатления.

Приведя механизм юмористического удовольствия к той же формуле, что и комическое удовольствие и остроту, мы закан- чиваем нашу работу. Удовольствие от остроты вытекает для

237

нас из экономии затраты энергии на упразднение задержки, удовольствие от комизма - из экономии затраты энергии на работу представления, а удовольствие от юмора - из экономии аффективной затраты энергии. Во всех трех видах работы нашей душевной деятельности удовольствие вытекает из эко- номии, все три вида аналогичны в том, что представляют собой методы получения удовольствия из душевной деятельности, удовольствия, которое собственно было потеряно лишь вслед- ствие развития этой деятельности. Ибо эйфория, которую мы стремимся вызвать этими путями, является ничем иным, как настроением духа в тот жизненный период, когда мы вообще справлялись с нашей психической работой с помощью незна- чительной затраты энергии, настроением духа в нашем детстве, когда мы не знали комизма, не были способны создавать остроты, не нуждались в юморе, чтобы чувствовать себя сча- стливыми в жизни.

3. Фрейд